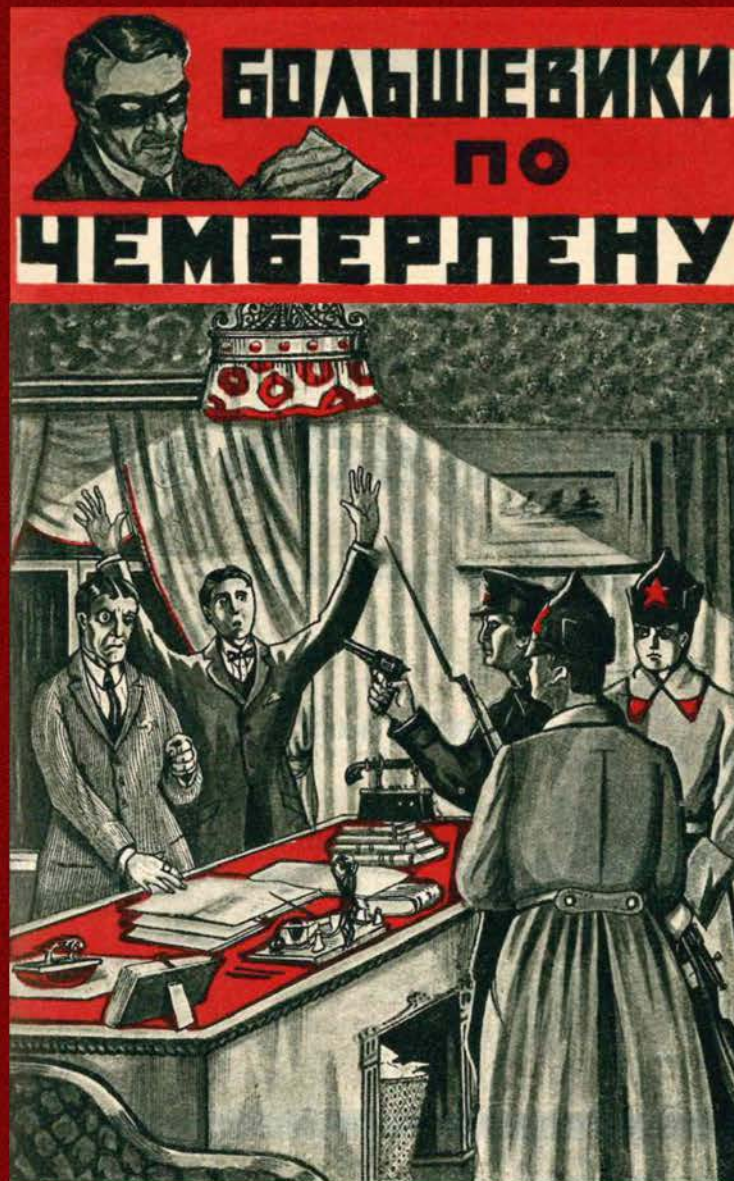

[Polaris]

Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг.

Том XXX

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXIX

Salamandra P.V.V.

**Тов.
ИНКОГНИТО**

БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ

Фантастический роман

Salamandra P.V.V.

Тов. Инкогнито.

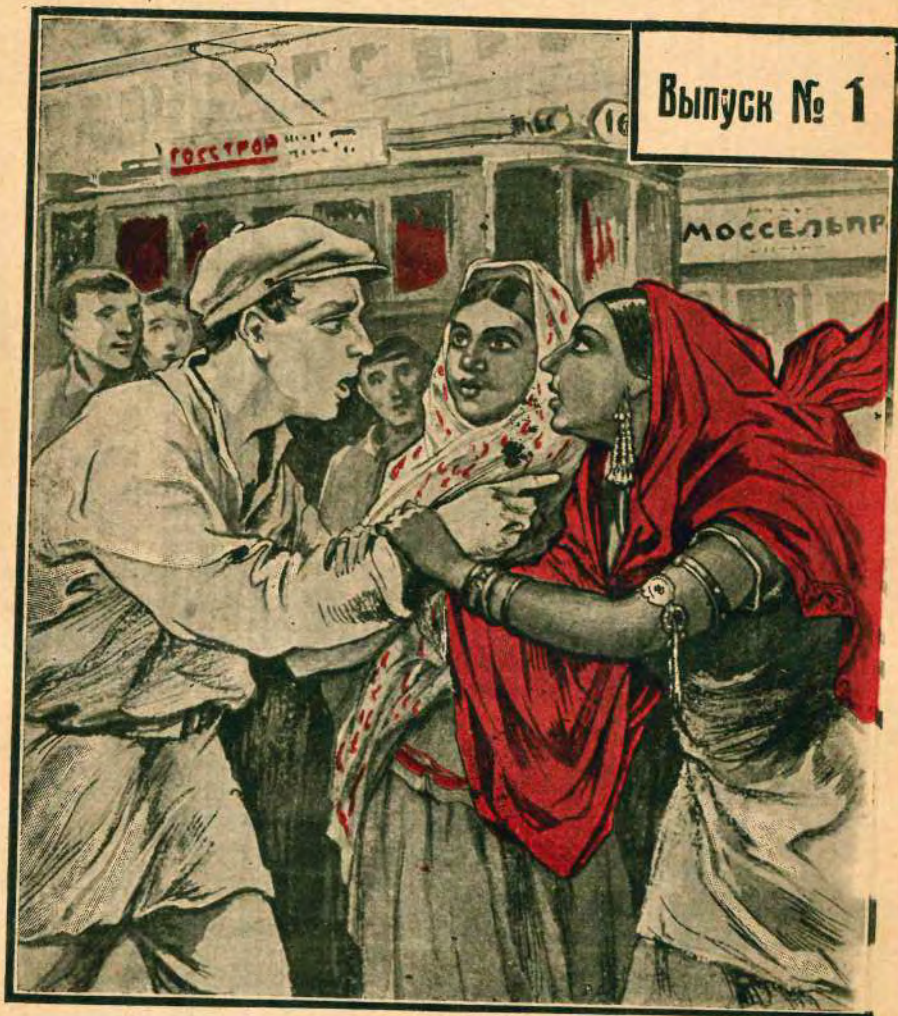
Большевики по Чемберлену: Фантастический роман (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XXX). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 154 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXXIX. Факсимильное издание).

Фантастический роман «Большевики по Чемберлену», изданный в восьми выпусках в Москве в 1925 году — истинное воплощение идеи Н. Бухарина о литературе «красного Пинкертона». Его герои, комсомольцы и партийцы, борются с «фашистами» и устраивают революцию в Индии. Автор романа, скрывший свое имя под псевдонимом «Тов. Инкогнито», до сих пор не установлен.

**БОЛЬШЕВИКИ
ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ**

**БОЛЬШЕВИКИ
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ**

Тов. Инкогнито

Большевики по Чемберлену

(Фантастический роман)

1925 г.

„Новая Москва“

ЧУЖЕСТРАНКИ

Близилось время созыва VIII конгресса Коминтерна. Начался советский день.

Из помещения миссии турецкого посланника в СССР вышли две молодые восточные брюнетки, почти цыганки по типу лица и жрицы по экзотической яркости платья.

Девушки, останавливаясь для совещания на углах улиц и неуверенно шагая по тротуарам, направились к центру Москвы.

Блуждавший по Герценовской улице тринадцатилетний пионер, сын типографского наборщика, рыжий Женька Волхонский, направлявшийся в редакцию пионерского журнала, для того чтобы внести от одного звена подписные деньги, увидев девушек, втянул многозначительно в себя воздух, оглядел их с ног до головы и осторожно последовал за чужестранками.

Тут же, заметив вынырнувшего из каких-то ворот товарища, Женька поманил его к себе.

Пятнадцатилетний оголец с красным галстучком вокруг шеи и протертыми на коленках штанами быстро подошел к товарищу.

— Ты из хорошего отряда? сблизившись конопатым лбом в лоб с коллегой, спросил его испытующе Женька.

— Из батальона всех за всех! выпрямился оголец с такой гордостью, будто эта фраза была не паролем организации, а титулом ветерана победоносной армии.

Женька схватил товарища за руку.

— Будь готов в таком случае.

— Всегда готов!

— Видишь, впереди пошли две шоколадные персианки.

Ты их прежде видал?

— Нет?

— Значит это новые. Недавно приехали...

— Да. Пойти сказать товарищу Пройде?

— Нет, давай прежде посмотрим, куда они пойдут.

— Тогда давай догонять их.

— Да, а потом к Градимиру Петровичу.

— Идет...

И оба мальчугана, прибавив шагу, стали лавировать следом за двумя восточными незнакомками.

Через три четверти часа оба пионера поднимались по лестнице полиграфтреста, спеша проникнуть в кабинет председателя правления этого треста.

Градими́р Пройда работал в кабинете с восьми часов утра.

Увидев вошедших и вытянувшихся в струнку мальчуганов, он повесил трубку телефона, по которой разговаривал, повернулся к ним и просветленно поднял глаза.

— Здравствуйте, товарищ Пройда!— дружно поздоровались пионеры.

— Здравствуйте, товарищи! Что скажете? Вы из хорошего звена?

— Из батальона всех за всех

— А, слава хорошему батальону; что же вы скажете?

— На улице Герцена, Градими́р Петрович, появились две какие-то приезжие персианки. Их еще никто не видел здесь. У них заморские юбки и прочее, а на затылке чадры, хотя мордашки ими они не закрывают. Они путались по улицам и не знали сразу, куда идти. Пошли в Университет Трудящихся Востока. Мы смотрели за ними, как они вошли, а потом айда к вам.

Пройда, вытянув голову к ребятам, с интересом выслушал донесение и затем откинулся на кресло.

— Они с кемнибудь разговаривали?

— Нет, только между собой все время советовались и не по нашему называли улицы...

— Спасибо, ребята, а как вас зовут?

— Меня Евгений Волхонский.

— Меня Егор Вагонетка.

— Хорошо! Буду помнить. Если новое чтонибудь узнаете об этих чужестранках или увидите еще приезжих из Азии, также сообщите. Слава батальону всех за всех!

— До свидания, товарищ Пройда!

Пионеры с видом людей, выполнивших героическое призвание, повернулись и оставили кабинет председателя полиграфтреста.

На некоторое время тот занялся текущей работой, принимая посетителей, просматривая переписку и отзываясь на телефонные звонки. Но вот, кончив разговор с одним из заведующих типографией, Пройда поднял голову и снова увидел одного из ребят.

На этот раз перед ним предстал комсомолец Володя Горячев, рассыльный Коммунистической Академии.

Подросток сделал шаг вперед.

— Здравствуйте, товарищ Пройда!

— Здравствуйте, товарищ! Вы из хорошей ячейки?

— Из батальона всех за всех, товарищ Пройда...

— Слава хорошему батальону! Что вы скажете?

— Я был сейчас у Трудящихся Востока. Туда пришли две какие то приехавшие из далеких краев путешественницы. Они спрашивали кого-нибудь „Гинду, Павжаб, Мадрас, Бомбей“. Но все студенты ушли в экскурсию, и тогда они у дежурного начали спрашивать „большевик Пиройда, Пирой-да“. Я не знаю, вас это они спрашивают, или нет. В канцелярии, чтобы от них отвязаться послали в Совет и рассказали, как идти на Тверскую. Они пошли, толкуют: „Совет, Совет“, а я пришел предупредить вас...

— Спасибо, товарищ! Из соседней комнаты позовите пожалуйста мне Петряка, он немного практиковался уже на языках; я его пошлю узнать, в чем дело.

— Слушаю, товарищ Пройда!

* * *

За двумя девушками чужеземками, от экзотического вида которых исходило обаяние тропической жгучести, следило уже несколько пар пионерских и комсомольских

глаз, когда они, добравшись до Совета, ничего не добились там от барышень, сидевших на выдаче справок и уныло вышли на Советскую площадь.

Пионеры, несколько звеньев которых Пройда приобщил к выполнению своей деятельности по организации политической работы в колониях, знали, что о всех редких заморских гостях, прибывших из Азии, надо сообщать своему политшефу, как назывался неофициально Пройда, руководивший подготовкой молодежи, желавшей посвятить себя политической деятельности на Востоке, и одновременно работавший в полиграфической промышленности. Поэтому, увидев несомненных восточных чужестранок, да еще очевидно только что вступивших в Москву и что-то искавших, ребята установили за девушками импровизированный дружный надзор.

Явившись к Совету по распоряжению Пройды, парень Яков Петряк сразу увидел и девушек и следивших за ними, будто путавшихся без дела по улице, нескольких ребят.

Петряк, выполняя распоряжение шефа, которому посвященные в секрет восточной организации были преданы на жизнь и смерть, с гордостью выпрямился и вдруг предстал перед девушками.

— Товарищи-гражданки, здравствуйте! Что вы ищете? И Петряк, с комсомольской четкостью отдав честь, загоролдил дорогу путешественницам.

Тотчас же, как только он заговорил с незнакомками, их группа оказалась окруженной ребятами подростками и малышами.

— Уот из ит? взглянула с отчаянием та экзотическая жрица, к которой обратился Петряк, на свою подругу, спрашивая ее по английски. Что это такое?

— Уот из дсе бой?—также растерялась и другая юная красавица... Что это за мальчик?

Обескураженный Петряк беспомощно развел руками и с отчаянием оглядел окруживших его ребят с красными косыночками на шее.

— Вот так штуки! Откуда приехали, а ни бе, ни ме не понимают. Чорт возьми. What do you want? ¹⁾ спросил он, с трудом отыскивая слово за словом, по английски.

¹⁾ Что вам нужно?

— We are looking for-a friend of your... 1).

— Please tell us how to find a certain commissar in Moscow? 2)—залопотали чужестранки.

У Петряка от этого лопотанья полезли на лоб глаза. Увы! его знание английского пока ограничилось несколькими фразами: он всего две недели назад взялся за английский самоучитель.

Однако, поручение руководителя надо было исполнить.

Решительно ухватив одну из красавиц за шарф левой рукой, а правой усиленно жестикулируя и корча физиономию, как будто его шпыняли со всех сторон иголками, он вдруг отчаялся выговорить гортанные слова индустани, который под руководством индуса Партаб Спнга в продолжение трех месяцев зубрила одна из ячеек „батальона всех за всех“.

— Ап ко...ко кня чаг? Что вам нужно? Ап кие ко тлаш, карте ге? Кого вы ищите? Петряк в ораторском увлечении ткнул пальцем для большей вразумительности одну красавицу в грудь — Градимир Пройда? Гра-ди-мир Пройда?

— Га, га, га! (да, да, да!) Градимир Пройда, обрадовавшись, вспыхнула жгучая брюнетка, взмахнув грациозно зеленым шарфом и почти со слезами благодарности схватывая за руки Петряка. И ее подруга подхватила: „Га! Градимир Пройда!“

Петряк удовлетворенно успокоился, чувствуя свои руки в руках шестнадцатилетней брюнетки. Он поднял на нее глаза, пробежал ими по державшим его рукам, почувствовал в них какое-то биение и, как на беспомощное существо, посмотрел на чужестранку. Та, продолжая радоваться, растерянно вдруг опустила руку и смутилась.

Петряк в одно мгновение вспыхнул, покраснев от обжегшего его волнения девушки, но спохватился и, вспоминая свой комсомольский долг, вздернул головой.

— Так бы вы, товарищи арабки или кто вы такие, и говорили! нравоучительно оправдавался он. А то, „уот, уонт,

1) Мы ищем одного вашего товарища.

2) Скажите пожалуйста, как нам найти одного московского комиссара?

уот уонт“. Вы кто?—обратился он вдруг к ребятам, ждавшим очевидно последствий его переговоров.

— Мы из батальона всех за всех! Пришли так... увидели вас.

— Слава хорошему батальону! Это приехали по делу к товарищу политшефу. Идите по своим делам. Я поведу их, куда надо.

Пионеры рассыпались.

— До свидания!

— До свидания!

Петряк указал девушкам рукой направление.

— Идем туда: Гра-ди-мир Пройда!

— О, йес, йес! Градимир Пройда!

Обрадовавшись окончанию своих мытарств, девушки оживленно заговорили на родном наречии и дружно последовали за выдерживавшим комсомольский фасон провожатым.

Аппарат агитации.

Заряженный огнем деятельности, как заводская топка, Градимир Пройда, большевик рабочий, задумал что-то солидное.

Неожиданно всплыв среди крупных советских деятелей, после того, как он прибыл из революционных странствований по отдаленным колониям, профессионал-партиец вдруг почему-то оказался связанным с самыми широкими кругами коммунистической молодежи и пионерских отрядов, завел дружбу со слушателями Университета Трудящихся Востока и разными восточными учреждениями, заставил несколько групп молодежи увлечься изучением английского и восточных языков, и в заключение, приобрел на ребят такое исключительное влияние, что молодежь готова была с ним идти в огонь и воду. В этих делах у Пройды был ряд близких, посвященных во все его планы, товарищей.

Первым таким поверенным его планов являлся его старинный приятель, молчаливый и медлительный, но много достигший, самоучка механик Иван Иванович Таскаев.

Вторым был спасенный революционными русскими матросами от преследования английской полиции, индокитайский инсургент Партаб Спнг, состоявший пенсионером

полиграфтреста при одном из университетов и преподавателем языка индустрии в кружках молодежи Пройды.

Еще одного близкого человека и хорошего помощника Пройда нашел себе в лице секретаря полиграфтреста латышского эмигранта Граудина.

Таскаев номинально числился директором треста точной механики. Но после того, как ему удалось подобрать для административной и инженерской работы преданных делу и знающих работу специалистов, сам он почти ничего в правлении уже не делал, а вместо того, занялся в одном из предприятий треста каким то непрерывным мастерством, по поводу которого самоучка механик не переставал советоваться с Пройдой.

В тот день, когда прибыли искавшие Пройду две необычайные чужестранки, Таскаев вызвал к себе приятеля на предмет демонстрации пред ним своего нового изобретения. Это был задуманный чуть ли не совместно обоими товарищами особый аппарат-иллюзион, долженствовавший произвести переворот в кинематографическом деле.

Пройда, зная цель и назначение аппарата, который Таскаев назвал „натурографом“, немедленно же предложил позвать для оценки изобретения всю компанию своих приятелей.

В полумастерскую полулабораторию при одном из предприятий треста [точной механики пришли курсант-юноша Партаб Синг, Граудин; комсомольцы—разухабистый Петряк, галантный Стремяков и пролетарий Вагонетка. Здесь же оказался корректор треста, знающий чуть-ли не два десятка европейских и азиатских языков и диалектов, коммунист Дергачев. Наконец, особо были приглашены политический изгнанник английского правительства, популярный среди низов Индии, бенгалиец Тарканатра и его европейский коллега, француз Жан Люрс.

Таскаев ждал товарищей.

Пока приехали Тарканатра и Жан Люрс, Петряк, не снимая с головы кепки, напоминающей гриб третичной эпохи, вместе с остроносеньким жуликоватым Вагонеткой начал рассматривать приборы мастерской. Причесанный и рвановато обвязанный галстучком в чистеньком костюме, практикующийся ученик котельного производства, он же

вожак пионеров центрального района, он же знаток языков английского и тамильского, Михаил Стремяков уселся на окно, разглядывая помещение.

Партаб Синг терпеливо остановился возле Пройды и Таскаева и подобно изваянному из темной бронзы часовому мастерской, спокойно рассматривал ее подробности, сам сливаясь с ними.

Граудин переходил от предмета к предмету, нюхал носом воздух, неодобрительно кивал головой по поводу казавшейся ему ненужности каждой стоявшей без дела вещи. Дергачев следовал за ним по пятам и пытался оправдать каждый предмет, хотя бы он не имел даже никакого революционного значения и не мог никак послужить для дела ниспровержения буржуазии в Западной Европе и Америке.

Таскаев, светлорусый и светлоглазый маленький мастеровой, в покойненько прикроенной на нем честной блузе пролетария, с зрачками, иногда появляющимися в центре глаз наверху, но чаще уходящими куда то далеко-далеко от собеседника и оттуда рассматривающими его, отер руки от воды, в которой вымачивал что-то, когда пришли его гости и довольно кивнул головой Пройде.

Большевик энергичным взглядом выразил ему приветствие, подал руку и спросил сразу об аппарате:

— Не громозкая машина вышла, Ванчо?

У него на подпеченном под цвет не особенно белой бухавки лице, с буграми мускулов и впадин на покатоности лба, от беспокойства и нетерпения выпятились две жилы, сходящиеся к переносице острым углом и делавшиеся тем виднее, чем сильнее он возбуждался.

— Если бы она была громоздкой, спокойно ответил Таскаев, я бы не считал, что работа кончена. Смотри сам.

Он повернулся к одной из загроможденных инструментами и аппаратами стоек, взял с нее какой-то картонный футляр, общим своим видом напоминающий весьма близко паровозный гудок, и показал его товарищу.

— Это не громоздко по твоему?

— Это нет.

— Ну вот это и вся „машина“, как ты говоришь. Мой натурограф.

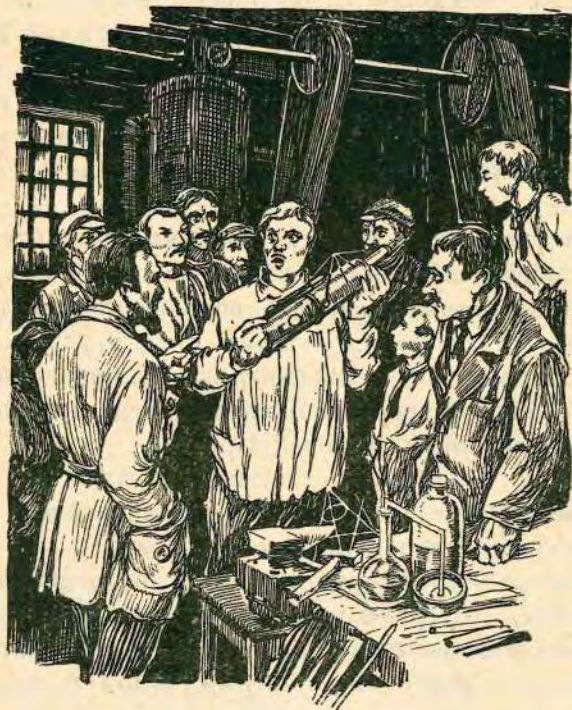
Пройда осторожно взял в руки футляр, как будто это был самовзрывающийся снаряд, и подержал его в руках.

Выпятившийся угол жил на лбу начал у него уничтожаться, лицо сделалось спокойным, серьезным, молодым.

Подошли Петряк, Вагонетка и Дергачев.

— Еще кого ждать будем? спросил Таскаев.

— А вот идут Люрс и Тарканатра...

Вошедшие, молоденький брюнет, депутат французского парламента от коммунистов и сдержанный темнокожий мужчина с бородкой, в английском костюме, приветливо поздоровались и, посмотрев на аппарат, недоверчиво переглянулись.

— Неужели эта флейта и есть ваше изобретение? спросил с быстрым разочарованием Люрс.

— Да, эта самая флейта...

— Покажите!

— Сейчас, я только употреблю другой аппарат, потому что этот не заряжен...

Изобретатель—рабочий достал с полки совершенно сходную с первой трубу и поднял ее на одной руке перед собой.

— Сейчас вы все увидите. Вот я открываю сразу клапаны и кнопки, какие есть в аппарате. Оглянитесь прежде по мастерской: ничего особенного в ней нет?

Мановеннем руки изобретатель провел перед собой по перспективе мастерской.

— Ни особых приспособлений зрительных, ни экрана, ни даже пустой площади... перед вами приводные ремни, паропроводные трубы и станки. Теперь смотрите...

Гости Таскаева, не успев дослушать фразы, переглянулись между собой и удивленно замерли.

Петряк ткнул по бедру наступившего ему на ногу Вагонетку, но также застыл.

— Красная Армия! воскликнул Вагонетка, подавшись быстро вперед.

— Парад Коминтерну! дополнил Петряк.

Пройда и остальные зрители, то молча смотрели на явившуюся перед ними картину, то удивленно переглядывались и оглядывались назад, не будучи в состоянии примириться с тем, что они одновременно чувствовали себя и в мастерской, которая помещалась у них за спинами и на Красной площади, на мостовую которой они почти становились ногами.

— Да, это обще-московский парад, подтвердил Таскаев.

В самом деле: мастерская впереди гостей Таскаева исчезла. Сам Таскаев сидел немного взад от зрителей на верстаке и непринужденно держал в руках трубковидный футляр. Сзади него мастерская освещалась электрическими лампами. Как ее увидели при входе посетители заставленную стойками и верстаками, такой она и оставалась. Но впереди механика и по сторонам ближайше реальные предметы принимали сразу какой-то туманный вид и в двух шагах уже делались совершенно невидимыми, вместо же них и, покрывая их, оказалась мостовая Красной Площади, воздвигались стены Кремля, дома с левой стороны площади, мавзолей, памятники и трибуны в центре, откуда

вожди пролетариата принимали парад, пропуская мимо себя делегатские группы, марширующие перед ними красноармейские части, толпы зрителей и организаторов шествия.

Не могло прийти в голову мысли о том, что то, что видят перед собой Пройда, Люрс, Тарканатра, Дергачев, Граудин и их друзья, воспроизводится путем кинематографии, ибо яркая натуральная реальность видения ошеломила сознание.

Площадь казалась гудела...

Перспектива не была ограничена ни рамкой экрана, ни расстоянием, как и в действительности; цвета шинелей, красных платочков, пестрых женских платьев, черного и блестящего оружия, голых ног, явившихся в трусиках команды физкультурников—все это создавало такую точную иллюзию, что Пройда, забывшись, едва не сделал движения, чтобы направиться к скамье возле могил на бульварчике, где он обычно устраивался, чтобы смотреть парады. Стремяков же, Петряк и Вагонетка, поддавшись обману, уже произвели равнение и стояли в непроизвольно развернувшейся шеренге...

На трибуне были Зиновьев, Калинин, Каменев, Сталин и группа других центровых и московских работников. Колонны и делегации одна за другой маршировали, поднимая пыль и видно было, у кого из красноармейцев чистые обутки и у кого они не видали щетки с прошлого года. Какие шинели сохранили свой цвет и какие выцвели.

Школа военных курсантов, отдав честь, гаркнула что-то обратившемуся к ней с призывным жестом Калинину. Такой же жест сделал Каменев, он „выпалил“ что-то удачное, потому что вдруг и делегации и зрители расцвели и затрепетали смехом, толпа замахала платочками, захлопала руками...

Вдруг все видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Не перестававшее освещаться электричеством помещение—приняло свой обычный вид мастерской и лаборатории, в которой на столах и верстаках стояли бидоны, бутылки, четко вырисовывались сверлильные и рубильные станочки, лежал инструмент.

Вся компания Пройды удовлетворенно посмотрела друг на друга, проверяя эффект зрелища.

Таскаев оглянул друзей, посмотрев на них осторожно с донышка глаз и, довольный впечатлением, заговорил:

— Картина была, как вы заметили, при свете. Натурограф может действовать таким образом и днем. Испробуем теперь его в темноте!

Вслед за этим изобретатель погасил свет в помещении, коснувшись одного и другого выключателя, нажал на рычажок своего аппарата и в воцарившейся темноте дневным светом засияла явившаяся вдруг пелена плоскости, на которой Пройда и остальные увидели еще одну копию советской действительности, вроде той, которая только что была воспроизведена перед ними. На этот раз зрители увидели открытие седьмого конгресса Коммунистического Интернационала.

Появилась Театральная площадь, прибытие автомобилей и автобусов к под'езду Большого театра с делегатами Конгресса, приветствуемыми толпами рабочих. Открылся внутренний вид театра, сцена, на которой занимают места известные всему миру вожди Коминтерна. Президиум о чем-то совещается; Зиновьев делает жест рукой и вдруг все встают, снимая головные уборы. И так естественно при этом упал на Петряка из-за стола президиума случайный острый взгляд Сталина, что комсомолец схватился за свой гриб на голове.

Видение тут же исчезло.

Таскаев снова открыл выключатели. Помещение осветилось.

Тарканатра, Люрс и Граудин наперебой закидали вопросами изобретателя.

Таскаев провел себя рукой по голове.

— Это не все, обождите удивляться, остановил он товарищей. Главным достоинством натурографа, по—моему, является наряду с полным совпадением картины с изображаемой ею действительностью еще идеальная быстрота воспроизведения снимков. Вы сейчас убедились, что картины натурографа не отличаются от действительности. Теперь я вам хочу показать быстроту воспроизведения. Смотрите, я сейчас сфотографирую и воспроизведу вам мастерскую, как вы ее сейчас видите. Для этого я только должен подняться туда на хоры. Одну секундочку обождите.

Таскаев пошел на лесенку, взобрался с аппаратом на площадку хор в мастерской и через минуту оттуда спустился.

— Смотрите, указал он под потолок вглубь мастерской.

Оглянувшиеся зрители, не веря своим глазам, снова переглянулись и опять впились в картину.

Глазам их представилось точное отражение мастерской, в которой они находились, и их самих.

Мастерская как бы раздвоилась, как это бывает в кинематографе, когда фильма сбивается в раме и начинает двоиться, одна мастерская была та, на полу которой стояла вся группа гостей Таскаева, а другая чуть повыше запечатлелась, заслоняя собою пространство псверх голов собравшихся.

И оба они были так неопиcуемо сходны между собой, что нельзя было бы отличить подлинную от копии, если бы последнюю снизить на место первой в уровень ступней ног.

— Колдовство! воскликнул Люрс, когда Таскаев закрыл аппарат.

— Да, такое изобретение может революции пользу принести, проговорил Тарканатра. При его помощи угнетенные проснутся.

— Это для агитации? воскликнули ребята.

— Для агитации, ответил Таскаев, техника товарищу Пройде и подпольным организациям в угнетенных колониях.

— Ура! Стремяков! Вагонетка! будем орудовать. Движемся теперь этими машинами раздувать всемирную революцию. Каюк буржуям!

Пройда еще раз взял в руки аппарат.

— Обращение с ним не сложное? спросил он приятеля. Изготовление трудное?

— Никакой сложности, пять минут практики, несколько разъяснений и любой ребенок может узнать весь аппарат, который кстати сказать, я снабжаю самозажигающейся педардой на всякий случай. Что касается до его фабрикации, то в течение недели я изготовлю с несколькими помощниками около сотни аппаратов. Для того, чтобы аппарат мог служить агитации нужны только снимки, хотя бы фотографические. Сейчас у нас материала не много, такого который нужен будет для восточного крестьянина, райота или кули, но это уже дело Пройды и тех, кто возьмется за

это. Меня, конечно, Пройда с собой взять не откажется туда, куда он поедет, а я в любом месте организую такую фабрикацию злободневных негативов, что хватит для любой революции.

— Значит нет никаких препятствий, чтобы мы взяли за использование новой техники в массовом масштабе, оглянулся на товарищессу Люрс. Я стою за то, чтобы Пройда двигался в Китай.

— О, нет! воскликнул Тарканатра, это уже дело решенное. Техника необходима в Индии. Пройда был в Индии. Готовил товарищесса он для путешествия в Индию. За такое решение выскажется всякий, кому дорого дело революции.

— Ну, посмотрим... Если Пройда поедет в Индию, то я немедленно же буду организовывать экспедицию в Китай, и сам поеду туда, если мне дадут штук тысячу аппаратов, воскликнул Люрс.

— Хорошо. А как вы, товарищ Пройда, думаете?

— Я сам сторона заинтересованная, сказал Пройда. В Индии Националисты Керзона и Чемберлена уже по матушке стали честить... Значит скоро будет и драка...

— Вы поедете в Индию, еще раз заявил Тарканатра безапелляционно.

— Согласен, куда хотите. Помогите вы мне, чем можете, давайте сговоримся, я собираю батальон, поднимаю якоря и трогаемся.

Стремяков, Петряк и Вагонетка с интересом подняли глаза на Пройду и индуса, чтобы прослушать этот разговор, и переглянулись, когда он окончился.

Вагонетка хлопнул себя по голове.

— Едем скоро! шепнул он Петряку, наклонившись к товарищессу, чтобы поздравить его.

— Едем! подтвердил Петряк. Слушай, Стремяков, сватанним мы себе на дорогу для каждого какой-нибудь мандат? Не влетит за это?

Стремяков покосился, дернул плечами.

— В гости к индийским набобам с мандатами явимся? Нам не мандат, а тюрбаны надо... Бүзотер!

— А я себе, хоть сам, а напишу... С пелегальным мандатом под самого черта можно подкопаться...

— Смотри, не крикни потом...

— Увидишь!

Петряк очень любил получать отовсюду мандаты, рекомендации и всеспльные удостоверения, с которыми он чувствовал себя вооруженным против всякого недоверия. Пуститься без какого бы то ни было удостоверения в далекое путешествие ему представлялось совершенно легкомысленным предприятием. И он решил про себя:

— Хоть из редакции, где нибудь бланк выкраду, а все таки мандат у меня будет!...

Вагонетка и Стремяков обратились к Таскаеву:

— Товарищ Таскаев, можно ли на улице испробовать натурограф? Вы покажете нам, как им действовать?

Таскаев улыбнулся, увидев вопросительный взгляд Пройды.

— Отчего же, если есть охота? идемте в скверик к театру. Попугаем немного публику... Все пойдемте?

Люрс и Тарканатра отказались:

— Нет, спасибо: ясно. Нам надо успеть еще кое куда...

Таскаев нахлопнул на себя пальто и сопровождаемый гостями вышел на двор.

Через четверть часа компания за исключением уехавших популярных иностранцев была в сквере театральной площади.

— Сядемте хоть сюда! указал изобретатель на пустую скамью, в тыловой части сквера.

Кроме Таскаева, все сели, следя за каждым движением изобретателя. Таскаев провел взглядом по публике, сидевшей на скамьях и гулявшей по аллеям. Затем взглянул через площадь на трамвайную платформу и сооружение станционной беседки на ней, на второй дом советов и уютную во мраке кремлевскую стену.

— Начинаю! сказал он негромко.

Вслед затем он положил на плечо Пройде трубковидный аппарат, заняв позицию за спинами товарищей.

Щелк—раз! Щелк - еще!

Видневшаяся прежде беседка остановочной платформы трамвая исчезла вдруг, будучи загорожена какой-то дымчатой тенью и среди публики пробежало волнение. Сидевшие на скамьях повскакивали, гулявшие остановились, и

заспешили было к площади улицы, на которой внезапно появилась насыпь линии железной дороги среди леса и полей и мчавшийся по ней поезд.

Линия железной дороги ложилась прямо под ногами у некоторых гуляющих. Поезд быстро приближался, через полминуты очутился возле сквера и вдруг влетел в его ограду.

— Ах! Ой, матушки! Караул! А—я—яй! раздался вокруг всеобщий визг и стон, и публика в паническом безумии ринулась в разные стороны, ломая клумбы, сбивая друг друга с ног и перескакивая через ограду сквера.

Но уже ничего не было. Картина также быстро исчезла, как явилась.

Таскаев щелкнул затвором аппарата и, как будто происшедшее его совершенно не касалось, сел на скамью.

— Ха-ха-ха! закатились от смеха комсомольцы. Ха-ха-ха! Вот фокус! И никто не знает, что произошло...

Действительно, убедившаяся в обмане своих чувств публика пыталась дать себе отчет в том, что произошло и в группах взволнованных гуляющих теперь происходили попытки азартного объяснения необычайного чуда.

— Идемте, сказал, поднимаясь, Таскаев.

— Да, на сегодня довольно. Но теперь надо всем приступить к делу и готовиться к походу. Мировая революция получила вернейшее средство возбуждения масс. Мы должны раскатать Восток. Соображайте, товарищи, кто может поехать с нами.

— Кто не поедет? воскликнул Петряк. Нэпманские поросята! Неорганизованные сопляки! Все остальные поедут...

— Посмотрим...

Зачем приехали индианки.

Две девушки, приведенные пионерами в квартиру, которую указал Пройда, сидели в пролетарской комнате партийца рабочего, когда сюда пришел и сам Пройда.

В комнате, кроме постели и стола, стояло несколько стульев и диван. Девушки сели на него.

Когда Пройда вошел, они поднялись. Пройда на английском языке приветствовал их и справился, не желают ли его гости есть или пить.

Те отказались.

— Я Пройда... Вы меня искали? спросил большевик.

— Мы ищем человека, который знает мать Кукумини Бай...

— Я этот человек. Кто вас прислал?

— Мы танцовщицы—нач-герл. Кукумини ищет брата своих сестер и прислала нас к тебе...

Пройда подвинул к дивану стул и сел против девушек.

— Меня мать Кукумини называла своим сыном...

Девушки посмотрели одна на другую. Одна из них сказала:

— Кукумини говорит, что брат ее сестер, русский большевик знает одну ронди¹⁾ из Бенареса Эча Биби. Так говорит Кукумини, старшая сестра сутрадарий.²⁾ Правда это?

Пройда взглянул на девушек и подался немного вперед, увидев что разговор принял значительный характер. Однако, он сдержался от выражения удивления.

— Правда, коротко ответил он.

— Кукумини еще говорит, что Эча Биби уже месяц, месяц и месяц, как покинула берег Ганга, родные общины, и ремесло танцовщицы; она поехала к брату всех сестер сказать или ему или другому какому нибудь комиссару большевику, что она его любит и хочет с ним жить в русской Москве.

Танцовщица прервала себя короткой фразой:

— Приехала?

Пройда утвердительно кивнул головой.

— Но это неправда, говорит еще Кукумини. Не потому, что любит своих братьев поехала Эча-Биби. Она поехала с двумя неверными саибами³⁾. И вот что это за саибы... Они понаезжали в Калькутту, Бомбей, Пенджаб и другие места. Они будто занимаются, как все, торговлей, или судят, или командуют солдатами и будто не угнетают народ. Но они не торгуют и не судят и не командуют сипаями, насилия же над народом делают они. Они все узнают, обо всем доносят старшим саибам в Англию и Америку, напа-

¹⁾ „Ронди“—танцовщица, нанимающаяся для частных увеселений.

²⁾ Сутрадарий—то же, что ронди, более древнее слово.

³⁾ „Саиб“—господин, белый.

дают на братьев в наших союзах. Сажают в тюрьмы, убивают и бросают в Ганг. Эти саибы имеют разрешение делать все, что они хотят. И вице-король подчинен им. И фашистские дружины подчинены им. Они организуют авара-босяков, которых бедняки называют „морды“. Эти саибы узнали, что много братьев, которые теперь борются с угнетателями народа, приезжали из Москвы, учились в Москве и что большевик-комиссар Пройда, который был много лет раньше в Бенаресе, посылал несколько русских большевиков, в Индию, и в Египет, и в Сирию, и в Индо-Китай, где борются с английскими, французскими и голландскими саибами верные народу дети. Тогда эти саибы сказали: есть в Англии и Америке тайная Икс-Ложа всемогущих богатых саибов, мы известим об этом ложу и поедем в Москву, чтобы знать все с самого начала про индусский большевик. Они дали много денег ронди Эча Биби, она сказала им что все, что будет знать, будет говорить им. Одного саиба она полюбила. И вот она приехала с ним. Сказала ли она это брату всех сестер?

Пройда встревоженно потемнел.

Ему открылась картина, какой и следовало ожидать опытному большевику. Отчаянная борьба развившихся в колониях подпольных организаций вызвала уже давно и там возникновение гнезд международного фашизма. Грозную репутацию в качестве главного органа фашистского объединения приобрела быстро сделавшаяся известной среди революционеров контр-революционная Икс-Ложа каких то обладающих большими средствами и распространенной агентурой реакционных элементов капиталистического мира.

Из сообщения танцовщиц Пройда узнал, что агенты Икс-Ложы напали на след его деятельности, которую он тщательно скрывал от кого бы то ни было.

Пройда задумался. Несколько минут он, молча, дымил папирсой, в то время как посланницы, организаторши индусских нач-герл, ждали разрешения продолжать свой рассказ. Жилы на его лбу выступили выпуклым углом.

Наконец, он поднял глаза.

— Нет, Эча Биби ничего не сказала... Говорите, сестры нач-герл, что еще велела передать мне Кукумини...

— Еще Кукумини велела передать брату всех сестер, что о союзе нач-герл саибы из Икс-Ложи также знают. Много наших братьев в разных местах белые саибы уничтожили. Уже они знают, что у нач-герл есть сестра—пандити ¹⁾, которой русские большевики открыли знание дел королевских саибов и мудрейшую науку борьбы бесправных парий с угнетателями. Еще они не знают, какая девадаши, сутрадари или ронди осмелилась привлечь в разговор братьев угнетенных, сестер танцовщиц. Но Кукумини уже читает в книге судьбы, что скоро всемогущие саибы подстерегут ее под навесом пагоды и тогда у нас не будет первой сестры матроны...

Девушки остановились и с сочувственным интересом вопросительно посмотрели на Пройду.

Пройда беспокоило опустил на руки голову. Он не мог сомневаться, что репрессии в Индии с развитием революционного движения будут все больше усиливаться. Но его друзьям расправа грозила так же как и другим коммунистам колоний. Почему же опасность против индусских друзей он чувствовал острее?

— Знаете ли вы того саиба, с которым приехала Эча Биби?

— Фамилии не знаем, но в лицо видели и дом его указать можем.

— Хорошо. Вы это сделаете... Что еще велела сказать Кукумини?

— Еще она велела спросить, что скажет брат всех сестер Градмир Бабу бедной девадаши Кукумини? Кукумини осталась теперь одна. Ее брат продался богачу Санджибу Гупте и поступил начальником дружины к нему и послал бунтовать против франков в Индо-Китай за море. Не осталось у Кукумини ни роду ни племени. Что скажет ей брат русский?

Пройда с минутным колебанием посмотрел на девушек. Затем вспомнив пароль активной группы индусских революционеров, которым он пользовался, находясь раньше на подпольной работе в Индии, спросил:

— Сколько времени пужно ехать от Бенареса до Москвы?

¹⁾ Пандити—ученая.

Одна из девушек поднялась и быстро ответила:

— Для судры—рабочего, могила Ленина в Москве, ближе, чем алтарь Шивы в Бенаресе.

— Верно, сестра, так говорят те, кто учится и у жизни и у смерти и не боится ни жизни ни смерти. Я могу сказать вам, что мне нужно. Вам не нужно будет ничего говорить Кукумини, потому что я увижу ее сам. Я поеду сам и поедут мои друзья в Индию. Мы хотим присоединиться к борьбе индусов против их угнетателей. Я сказал. Как вы хотите возвратиться из нашей страны... С саибами, как приехали, или поедете тоже с нами?

— Мы приехали с саибами поневоле. Если ты скоро едешь, то разреши, брат, возвратиться с тобой и твоими товарищами.

— Хорошо. Поживите здесь несколько дней. Сегодня же ночью или утром вы укажете моим друзьям того саиба, которому предалась Эча Биби. А затем я вам скажу, когда и как собираться.

Пройда сказал, как индускам устроиться, чтобы оставить турецкую миссию, с которой девушки прибыли. Затем он обдумал полученные сообщения. И после этого он, хотя уже был поздний вечер, не пошел к постели, а сел возле телефона, вызвал к себе несколько ребят из организации и каждому из них надавал столько поручений, будто в течение одной ночи хотел от всей Икс-ложи оставить одно воспоминание.

Зато утром, только что стал мутно светать восток, несколько фигур вышло из его квартиры. Это были главы пионеров: Стремяков, Вагонетка и Петряк. Их провожала младшая из двух индусок, танцовщица Первин.

В тайнике фашиста.

Молодые люди вооруженные сумкой, в которой находился вновь изобретенный натурограф, отмычки, веревки и прочий инструмент из арсенала Таскаева, предводительствуемые девушкой индианкой вышли за угол одного из переулков района Кудринской площади и оказались возле домовладения № 13, во дворе которого стоял флигель особняк из трех этажей.

— Здесь вверху живет саиб, которому предалась Эча-Биби, вполголоса произнесла Первин на индустани, Петряку.

— В каком окне, не знаете?

— Нет.

Ребята переглянулись.

— Сволочь, в центре Москвы хотят шпионить, выругался Петряк.

— Теперь, просчитается! возразил Стремяков.

— Надо бы действовать! повел носом по воздуху Вагонетка.

— Да, подтвердил Стремяков. Товарищ Первин, обратился он к девушке затем, вы теперь можете идти домой, Петряк проводит вас.

— Я? смутился Петряк, ты иди! Ты лучше знаешь ее язык.

— А тебе разве для словопзлияний идти с ней, катай! Покрасневший от тайного удовольствия Петряк поправил на голове свой лопух и, кивнув девушке головой, повернул в переулок. Они пошли.

Стремяков ощупывал глазами верх особняка, а Вагонетка двор, палисадник перед домиком и входы в него.

— Как устроиться, чтобы не разбудить дворнягу и не поднять шум? Снаружи можно делать, что хочешь, а как пробраться внутрь? соображал Стремяков.

Вагонетка указал закадыке на небольшое открытое окно с матовым стеклом во втором этаже.

— Видишь окно?

— Вижу.

— Как думаешь, что это?

— Уборная или ванная... Пробраться туда?

— Да.

— А что делать дальше?

— Произведем взлом общей водопроводной трубы и замаскируем его, а затем под видом слесарей из Муни осмотрим весь дом.

— Идея! ты брат, Вагонетка, гвоздь!

— Идем

Оба комсомольца бесшумно приблизились к глухой стене особняка и под окном остановились. Оба подняли вверх головы. Открытое окно тылового помещения какой-то квар-

тиры находилось на уровне второго этажа в глухой стене и казалось совершенно недоступным. Но это был единственный путь для того, чтобы проникнуть в дом и потому размышлять не приходилось.

Стремяков достал из сумки веревку.

— Я взберусь на крышу впереди дома, сказал он тихо, привяжу веревку к трубе. Затем по ней спущусь в окно, а ты подашь мне снизу что мне нужно будет и подежуришь, чтобы нас не застучали.

— Катай!

Стремяков не заставил себя поощрять. Он разулся, взял из сумки ножовку, отмычки, опутался концом веревки, обогнул дом, приблизившись к парадному под'езду и по его выступам, баллюстрадам и подоконным карнизам быстро взобрался на уровень второго этажа.

Отсюда до балкона третьего этажа он вскарабкался, держась за водосточную трубу и опираясь на неровности украшений лицевой стороны дома.

Такой же маневр пришлось ему проделать и от верха балкона третьего этажа до крыши, после чего, половина его работы было выполнена.

Во время исполнения всех своих акробатических манипуляций беспечный комсомолец, почти не оглядываясь вниз или в сторону подвалов главного здания, откуда мог выйти дворник. Стремяков положился в деле самоохраны отчасти на Вагонетку, отчасти на беспечность заграничного фашиста, которому едва ли могло прийти в голову бояться каких-либо ночных экскурсий импровизированной разведки добровольцев-подростков.

Действительно ребятам везло. Не только забраться на крышу, но и проникнуть в открытое окно комнаты, оказавшейся, как это и предполагалось ребятами, ванной и ватер-клозетом, в дальнейшем особого труда не составило.

Мишка Стремяков, заглянув в открытое окно спрыгнул на черепичный пол ванной и осмотрелся вокруг. Попутно он не забыл оттряхнуть с костюма пыль и известь, в которые выпачкался, когда лез по стене.

Под туалетным зеркалом справа находился большой шкаповидный постав рукомойника.

Стремяков заглянул в него, открыв дверцы.

Беглый мгновенный осмотр ящика вполне удовлетворил его: сюда можно было при критическом стечении обстоятельств спрятаться в худшем случае.

Справа была ванная. С одной стороны ее в углу помещалась резервуарная колонка с топкой, а другой угол занимала кабинка ватера.

Дверь в стене рядом с кабинкой, очевидно, вела в корридор или какую-нибудь комнату. Одного взгляда даже в потемках раннего утра достаточно было, чтобы увидеть, что дверь не заперта.

Однако, несмотря на время самого сладкого предупредительного сна, в доме не все спали.

Подойдя к двери, чтобы толкнуть ее и высунуть голову, Стремяков вдруг остановился и вздрогнул.

Он услышал где-то близко около себя сдержанный, негромкий разговор.

Стремяков частью удивленно, частью испуганно насторожился, соображая откуда он исходит, догадался, что это из комнаты, находившейся прямо по соседству с ванной, но под прямым углом от нее в корридоре, так что дверь этой комнаты с бодрствующими в ней людьми образовала тупик корридора. Через стекло двери исходил скудный красноватый свет. Благодаря тому, что она была приоткрыта, фразы разговоров ясно были слышны. Но как же был поражен предприимчивый комсомолец, когда по отдельным фразам разговора и всему происходящему он открыл, что люди в уединенной глухой комнате занимаются почти тем же, зачем пришел и он сюда с Петряком, а именно заговорщической фотографией, точнее проявлением негативов...

— Вот так штуки! Товарищи по делу! Сжался парень, что же это они мастачат?

Стремяков почувствовал, что происходит что-то имеющее прямое и непосредственное отношение к деятельности батальона всех за всех.

Он остановился в лихорадочном возбуждении и мысли его молниеносно завертелись. Но он замер без движения.

В ближайшую минуту комсомолец убедился, что он не ошибся.

— Это что?—спросил слащавый церковно-певучий басок одного из присутствовавших в комнате.

— Это комплекты курсантов, занимающихся для агитации зарварскими языками и их руководители.

— А... а у вас же еще есть азиатские комиссары ихнего зиновьевского кагала. Где они?

— На этих есть только фотографии по одному—по два человека, как удалось выкрасть моей приятельнице.

— У—гу—хорошо! Пускай теперь комиссарики попробуют из совдепии куда-нибудь нос высунуть..

— Да кому-нибудь из них там прокламацию пропишут. Сохраните эти вещи у себя. Но, пока от вас не будут взяты негативы и письмо, не спускайте с посылки глаз. Она у вас пробудет до вторника. Я все это упакую, запечатаю и печати у вас должны быть нетронутыми... Вы за все отвечаете...

— Да я же сам знаю, что товарищи со мной не поцеремонятся, если они что-нибудь узнают. А от вас ни я в обиде не буду, да и еще кто-нибудь заработает.

— За это не беспокойтесь, заработаете.

Тот, который говорил о том, что „товарищи не поцеремонятся“, в противоположность его собеседнику не только произносил слова без акцента, но в церковной певучести его голоса, наоборот, даже было что-то московски знакомое и чтобы увидеть этого человека, Стремяков пользуясь потемками коридора рискнул подвинуться и поднять голову на уровень стекла.

— Ну, конечно...

Одна склоненная фигура принадлежала человеку одетому в жилет и крахмальную рубаху по домашнему—очевидно это и был фашист, а владельцем другой, загородившей спиной часть двери был несомненно поп, хотя он и был в мешанском пиджаке...

— Переоделся гад! мелькнуло в голове Стремякова и он, не обнаружив себя ни лоскутом тени, ни шорохом движения, подался в сторону, чтобы обдумать, что ему предпринять дальше. Простояв несколько секунд без движения и стараясь ни одним звуком не выдать себя, он решил действовать на пролом и нырнул в двери против ванной, которая очевидно служила черным выходом.

Ему необходимо было приступить к выполнению его непосредственной задачи. Нужно было проломить где-нибудь трубу. Но где? Нецелесообразно было это делать в ванной, где порча трубы могла быть исправлена посредством какого-нибудь домашнего слесаря. Нужно было добраться до основной трубы, а для этого попасть в нижний этаж и произвести там полную риска разведку. К счастью парень шел теперь изнутри дома, поэтому кухня, в которую он попал с коридора и у которой другая дверь была заперта изнутри, была им легко открыта. Он оказался на черной лестнице. Крадучись бесшумно по ней, он спустился, миновал вход в квартиры первого этажа и вдруг вздрогнул от радости. Он увидел, что находится возле подвальной комнатухи, где помещалась топка центрального отопления. Лучшего Стремяков не мог ожидать.

На двери висел замочек. Но ни он, ни все остальное не представляло для юноши, вооруженного средствами взлома и отмычками, никакого затруднения.

Он провозился в топке около десяти минут.

А затем так же отчаянно, как будто он занимался проверкой своего собственного владения, а не воровскими похождениями, с ловкостью рискующего головой „домушника“, он повесил снова на место замочек, тенью продвинулся наверх в кухню, закрыл ее изнутри, прислушался, что делается в коридорах, зиркнул на кабинку фашистской фотографии, и убедившись что те, так ничего и не заметив, продолжают свое занятие, скользнул в ванную.

Здесь он сохраняя прежнее бесстрашие мог поздравить себя с полным успехом. Он над этим не задумался, а выглянул в окно, нашел во дворе тень терпеливо ожидавшего его на страже Вагонетки и ухватился за висевшую над окном веревку. Энергичным напряжением мышц он заставил себя взобраться по веревке на крышу. Отвязал веревку и бросил ее мягко на землю. Пробрался к фасаду и спустился. Соединился с волновавшимся Вагонеткой, на котором даже перекосилась кепка от того, что тот не переставал беспокойно задирать голову, лица товарища.

— Ох, вздохнул Стремяков, конечно! Имеем право немедленно от имени М. К. Х. по телефону сейчас же запросить, что тут жильцы делают с водой, что водокачка не успевает давать ее. Но прежде давай сделаем с'емку дома и немедленно вызовем себе двух ребят сверх-программы. Будет дело, непредусмотренное порядком дня.

— Случилось разве чтонибудь?

— Да, после расскажу! Доставай аппарат, зайдем вот тут позицию и давай мастачить.

Вагонетка поднял свою машину и товарищи, крадучись и останавливаясь поминутно, чтобы оглянуться по сторонам, заработали натурографом, запечатлевая со всех сторон на пленку здание.

— Готово! сказал Вагонетка, когда они, сделав круг, вернулись к исходной точке. Айда отсюда!

Товарищи очутились за воротами.

— Теперь иди, Як, ищи где поближе есть телефон, звони Градимиру Петровичу и пусть он для слежки пришлет какихнибудь двух опытных грачей постарше. Пока ты с кем-нибудь будешь разыгрывать водопроводную увертюру, я с другим займусь слежкой. Тут есть одно животное...

Вроде ихнего наркомпочтеля. Поп! Он должно быть скоро выйдет. Надо будет его выследить до самого его гнезда...

И Стремяков рассказал другу, что он видел в доме.

Вагонетка мотнул от удивления головой и побежал звонить Пройде.

Маневр комсомольца.

Через полчаса вблизи дома № 13 две пары агентов организации готовы были выполнять каждая свою функцию, следя за фашистом, проживавшим здесь, как это уже удалось установить Пройде, под именем Пит-Графа.

Вагонетка в одежде слесарского ученика вместе с водопроводчиком Суловым из мастерских Таскаева убивал время в трамвайной беседке, пока обыватели проснутся и можно будет идти от имени МКХ для ремонта водопровода. Стремяков и секретарь полиграфтреста Граудин устроились иначе: Стремяков держал перед собой через плечо папирозный ларек и стоял на ближайшем углу, одетый в форменную фуражку Моссельпрома, Граудин в замусоленной одежде мастерового, с узелком завтрака в красном платочке, занял пост с другой стороны квартала под воротами одного дома.

Им не долго пришлось ждать.

Начиналось утреннее движение на улицах, когда со двора вышел и на секундочку остановился у ворот человек в войлочной шляпе, с поповской растительностью, одетый в большой пиджачный костюм и пальто.

Худощавый и бледный высокий человек, с прячущимися глазами, бросил быстрый взгляд вокруг, опустил глаза и направился к Арбату.

Тотчас же из-за одного навеса ворот вышел мастеровой и ровным шагом последовал на некотором расстоянии за переодетым попом. Стремяков, заметив это, пропустил мимо себя выслеживаемого и сделав неуловимое движение, бесстрастно шагавшему следом Граудину, быстро вошел в один из соседних дворов. Здесь сынишка дворника занимался торговлей папиросами и Стремяков используя на получасовом дежурстве его коммерческие „причиндалы“ спешил возратить их, чтобы дальнейшее наблюдение продолжать уже в своем натуральном виде.

Он решил опередить агента—попа.

Он этого достиг, обогнув один и другой квартал и пройдя попавшийся сквозной двор. На углу Арбата еще издали увидел сперва попа, а затем и Граудина.

Стремяков под прикрытием киосков возле бульваров дождался пока определилось то направление, по которому хотел идти священник, пропустил его на улицу Герцена и когда тот завернул в Леонтьевский переулок, зашагал и сам туда, обгоняя священника.

В одном окне маленького одноэтажного домика Стремяков, опередив священника, увидел, как высматривает ожидая кого-то, полувысунувшаяся наружу фигура женщины.

Она издали увидела священника и сделала движение то ли укоризны, то ли облегченного удовлетворения.

Стремяков моментально схватил это движение, вдруг ступнул в незакрытый дворник, оказавшийся перед ним люк канализации, и громко вскрикнув, загудел в него. Хотя он при этом и повис в отверстии, держась с одной стороны ямы на локте, а другой схватившись за чугунное ушко люковой рамы, все таки видно было, что он еле держится и с секунды на секунду—рухнет в клоаку.

Женщина, оказавшаяся попадеей ахнула в окне.

— Держитесь, держитесь, молодой человек, сейчас поможем!

И с этими словами она выскочила на улицу.

Вместе с очутившимся тем временем у места происшествия попом, она начала хлопотать возле юноши, помогая ему выбраться из люка.

Стремяков имел несчастный вид.

С его лица исчез страх, но когда он попробовал ступить на землю, то вдруг громко вскрикнул и тихо опустил ся возле ямы, шупая себе обеими руками правую ногу.

Граудин, очутившийся возле пострадавшего и быстро обменявшийся неувловимым взглядом с сообщником, также соболезнующе остановился и наклонился возле попа и парня.

— Вывихнул ногу! раз'яснила попадьа.

— Товарищи-граждане! вы как из этого дома, давайте внесем его и надо перевязать ногу, чтобы человек не мучился, предложил Граудин.

Священник, хотя и скривил недовольно губы, но должен был примириться с хлопотливой необходимостью помощи пострадавшему, так как попадьа, для сердобольной души которой нашлось христианское занятие, быстро повернулась к двери домика и взволнованно повторила:

— Пойдемте, перевяжем ногу! Пойдемте, перевяжем ему ногу!

Вся группа ввалилась в переднюю мещанской квартиры. Здесь Граудин, внесший на руках товарища, вопросительно взглянул на попадью, ища, куда положить его ношу.

— Сюда, сюда, товарищ! указала та ему на одну дверь, не замечая той внутренней радости, с которой Стремяков отметил, что он „без пересадки“ попадает в кабинет попа.

Действительно Граудин оказался в комнате с книжными шкапами, диваном и письменным столом.

Он опустил парня на диван.

Попадьа пошла за иодом и бинтами.

— Где у вас вода есть, отереть ссадину тряпочкой? остановился Граудин.

— Сейчас вам дадут, сказал священник.

Но он прежде подошел к письменному столу и, вытащил верхний ящик, вложил в него из кармана какой-то пакет.

Граудин не дал ему закрыть на замок ящика.

— Гражданин! Гражданин! Он умирает!.. испуганно дернул мастеровой вдруг священника за руку.

Священник встревоженно бросил стол и взглянул на побледневшего и начавшего учащенно дышать Стремякова.

— Дайте скорей, пожалуйста, воды!

Священник метнулся в кухню, бросив и компату и все на свете на произвол своих доставивших неожиданные хлопоты гостей, лишь бы только поскорее отделаться от их присутствия.

Но только что он оставил за собой порог, как Стремяков с легкостью кошки очутился сперва возле киота в углу комнаты, а затем у письменного стола.

Ох схватил на киоте один из торчавших там огарков свечи, расплющил огарок, извлек из ящика стола кольцо с тремя ключиками и быстро сделал на воске их точные отпечатки, после чего воткнул ключи обратно, воск сунул в карман, а сам снова очутился на диване.

Граудин схватил его за руку.

Поп вошел с водой. Попадья принесла бинт, вату и иод.

Стремяков поднял глаза, как будто после обморока.

— Из-за того, что я такой растяпа, вам столько беспокойства!.. Я очень извиняюсь!.. Я обошелся-б, если бы только мне добраться домой. Может быть, кто из вас может подозвать извозчика сюда, добрые люди!

— Мне делать все одно нечего, я позову,—сказал Граудин.

— Извозчик само-собой, а перевязать ногу необходимо, это само-собой,—заявила попадьа.

Поп, закрывший тем временем ящик, кивнул головой, очевидно, не смея перечесть попадье.

— Да, да! надо прежде перевязать!..

Граудин вышел.

Попадьа ловко вытерла и перевязала ссадину на ноге юноши. Ему, видно, сделалось легче.

Под'ехал извозчик, и, поддерживаемый с одной стороны попадьей, с другой попом, Стремяков добрался до экипажа и влез на него.

— Извиняюсь! Спасибо! Спасибо! Взволнованно и коффузливо благодарил Стремяков.

Извозчик поехал.

ЧИТАЙТЕ

ВТОРОЙ ВЫПУСК

„БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ“

ТРЕБУЙТЕ

у всех газетчиков.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРОГО ВЫПУСКА

Большевики по Чемберлену

фашист в окружении

И

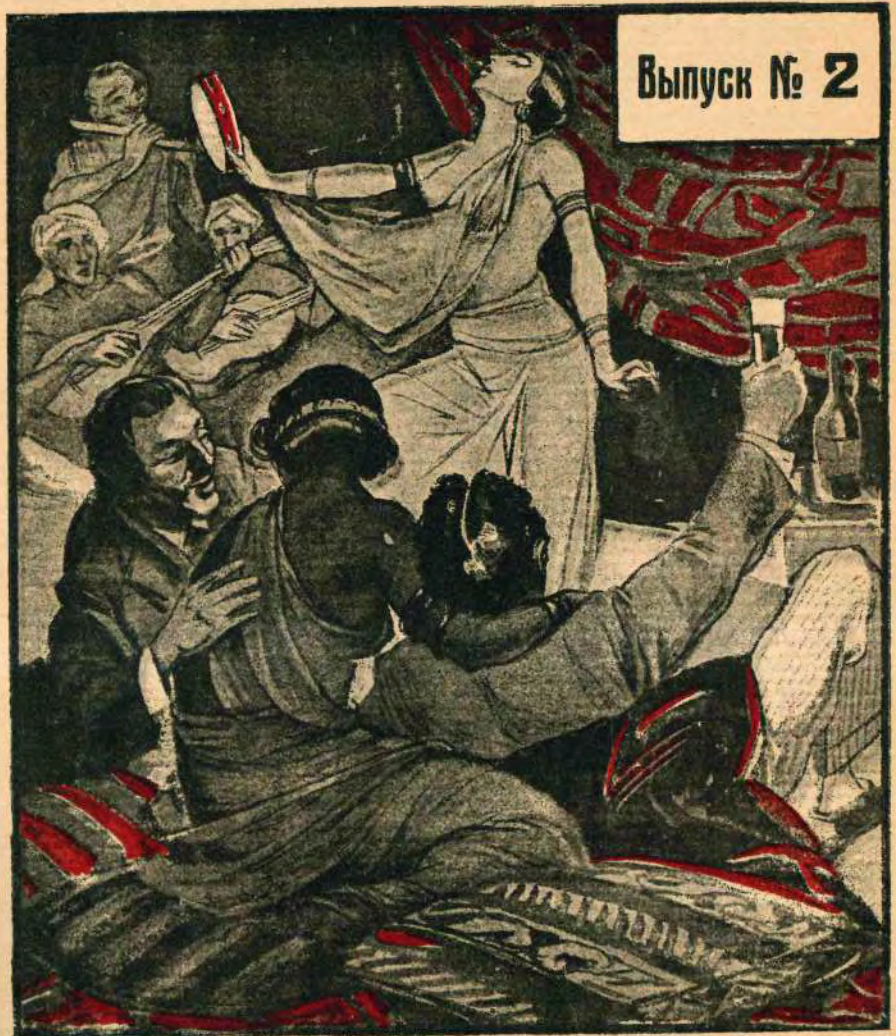
фокусы конспирации.

2534

Цена 20 коп.

**БОЛЬШЕВИКИ
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ**

ФАШИСТ В ОКРУЖЕНИИ

Пройда и Граудин стояли за столом холостяцкой комнаты и спорили.

Граудин волновался, беспокойно ерзал возле стола и энергично „выражался“ по поводу пренебрежения к нему со стороны Пройды.

Пройда курил и искоса следил за товарищем.

— Я в Советский Союз бежал и секретную работу в ГПУ, оставил, не для того, чтобы быть канцелярским регистратором. Я стремился сюда для участия в международной революционной деятельности. Я ждал пока вы будете готовы, чтобы ехать с вами, вы же берете с собой караван ребят, а меня превращаете в трестовскую клячу, чтобы я высиживал здесь бюрократов. Не хочу я!

Пройда дал разрядиться своему секретарю. Когда тот кончил, он вместо ответа извлек из-под пресса какой-то внушительный документ и с спокойной усмешкой подал его товарищу.

Тот прочитал и сразу успокоился.

— А, вот что: „обнаружить Икс-Ложу, информировать президиум и товарища Пройду, затребовать для этого работников, организовать разведочное бюро и связь с партийными газетами за границей где найду нужным“. На это я согласен. Спасибо! Я зря напал на вас. Спасибо!

Граудин схватил за руку Пройду, крепко пожимая ее.

— Ручаюсь, что я это сделаю! Фашистам аминь!

— Ну вот... Значит я с сотней ребят и несколькими комплектами на днях потихоньку еду, а вы беритесь не-

медленно за Пит Графа и осведомляйте меня обо всем. Я, если что-нибудь узнаю, также сообщу вам...

— Есть! Начинаю действовать. Но прошу предоставить в качестве помощника мне вашего корректора Дергачева.

— Можно. Катайте!

Граудин начал действовать.

* * *

В жилтовариществе дома № 13, где проживал фашист, оказалось два квартиранта коммуниста. После того, как Суслов осмотрел квартиру Пит Графа, Граудин, наведя о них справки в райкоме, вызвал одного из них к себе домой. Он с глазу на глаз переговорил с ним о чем то, и коммунист, возвратившись после этого разговора, провел немедленно в жилтовариществе предложение о производстве ремонта центрального отопления в особняке, исправлении лестниц и оконных рам.

В дом были приглашены мастера Мосстроя, которые и приступили к работе.

Никто не знал, что уже на другой день после работы этих мастеров, в доме и во дворе остался целый ряд хорошо замаскированных гнезд, из которых теперь неусыпно должны были высматривать и выслушивать все происходящее здесь глаза и уши маленьких пролаз—пионеров, помощников Граудина.

В самом дворе в пяти шагах от особнячка лежало несколько штабелей дров.

В одном из этих штабелей теперь находился записной пионерский оратор Егор Чекарев, хорошо запомнивший, что он не должен пропустить ни одного существа через ворота, не рассмотрев его примет и особенностей. В вестибюле парадного под'езда под доской подоконника находился Сенька Швердин, пятнадцатилетний сорванец, сын рабкора газеты „Правда“. Под подоконником же, в комнате самого Пит Графа устроился Гришка Сластен и, наконец, в ванной комнате в том ящике рукомоиника, куда в случае опасности хотел спрятаться Стремяков, засажен был с необходимой маскировкой самый старший из всех дежуривших пионеров Алеха Скороспелов, сын шофера из гаража МСПО. Нечего и говорить, что каждый из ребят был воо-

ружен натурографами. Отныне каждый визит к Пит Графу и каждое слово, произнесенное кем бы то ни было в его комнате, делались немедленно известными Граудину, и последний не пожалел о том, что принял для надзора над ним столь чрезвычайные меры.

В первый же день засады пионеры сообщили Граудину о том, что индианка Эча-Биби принесла Пит Графу большое письмо. Письмо Пит Граф читал при помощи какой-то книги, в которой не переставал считать буквы, пока не прочел письмо.

Граудину стало ясно, что книга являлась ключем к шифру, посредством которого переписывался фашист.

Вся сцена визита Эча-Биби к Пит Графу была заснята Григорием Сластеном в натурограф и в виде тончайшей пластинки из неведомого материала; изготовленного Таскаевым, находилась в руках Граудина.

Граудин заправил ее в натурограф, щелкнул аппаратом и после воспроизводившихся перед ним в течение пяти минут сцен встречи восточной танцовщицы с ее любовником, встретившим ее с уверенностью ее повелителя-сердцеда, он увидел передачу и вскрытие письма, увидел, как фашист подошел к шкафу с книгами и вынул оттуда томик изящно переплетенного в красной папке издания, в котором нельзя было не узнать советский календарь на 1927 г.

Граудин обождал еще полминуты и увидел, что Пит Граф открыл для шифра отдел о Коминтерне. Вслед за тем фашист начал читать письмо.

Граудин закрыл аппарат. Теперь ему нужно было взяться за попа, у которого должны были находиться в пакете негативы фотографий, карточки и письмо.

Граудин, посмотрел тот слепок воска, на котором Стремяков сделал оттиск ключей от стола священника, заказал по нем сделать ключи и вызвал к себе Яка Вагонетку.

Было утро воскресного дня, когда Вагонетка получил от Граудина ключи от письменного стола в кабинете попа и краткое задание:

— Иди, проникни в кабинет священника, найди у него пакет, запечатанный в желтой бумаге и принеси его сюда. Если сумеешь это сделать не пропадешь и в Индии, а нет,

тогда наше дело плохо... Постарайся симулировать кражу, чтобы фашисты не поняли, в чем дело.

— Слушаю, сказал Вагонетка, принесу! Но, выйдя от Граудина, парень упал духом.

— Легко сказать—принеси пакет... А как это сделать? Воскресенье... Поп и попадя в церкви, один колдует, а другая бьет себе там дурной лоб; дома одна служанка, но все же как обойти горняшку? Эх, если бы она была комсомолкой отряда...

И меланхолично настроенный Вагонетка, готов был перевернуть весь свет, только бы отличиться на том гересбическом деле, которое поручил ему бесцеремонный датыш.

Он шел по улице и, толкая прохожих, то убавлял шаг, то взволнованно останавливался.

Вдруг ему что то пришло в голову, и у него заблестели глаза.

— Вот фунт будет, пропадай, моя телега! Дядя Граудин, распишись-ка!..

Сразу повеселевший парень „дунул“ прямо в Леонтьевский. Он придумал предлог для осуществления своего плана.

Через двадцать минут он был возле дверей поповского домика и отчаянно нажимал кнопку звонка.

Дверь парадного открылась и на пороге показалась растрепанная, производившая очевидно уборку комнат, деревенская девушка—прислуга.

— Чего ты трезвонишь?

Вагонетка поднял на нее невинные, широко раскрытые глаза.

— Скорее пустите меня в кабинет батюшки. Я дискант из нашего хора. Отец Стефан писал здесь проповедь, чтобы говорить сегодня после обедни и забыл ее в письменном столе. Он прислал, чтобы я скорее взял ее...

— А ключи он дал тебе?

— Ключи вот!

— Ну иди, только ноги оботри, чтобы не насорить...

Вагонетке только этого и нужно было. Он последовал за прислугой в кабинет и пока девушка стояла на пороге, открыл письменный стол. Сразу же он увидел пакет в желтой бумаге. Он ловко подцепил его, остановился взглядом

на секунду на часах и связке денег, которые лежали среди других предметов в ящике. Что-то хитрое еще раз пришло ему в голову и, взглянув украдкой на служанку, он незаметным движением сунул и деньги и часы в карман.

— „Нашел, готово!“ воскликнул он, пряча лист бумаги.

И закрыв снова ящик, он бросил прислуге „досвидания“, вышел, вскочив на первого же извозчика и покатил к Граудину.

Граудин ждал его в мастерской Таскаева. Не медля ни минуты, он вскрыл пакет, попросил Таскаева распорядиться сделать ему за четверть часа с сургучной печати пакета ее точную копию, и, слушая сообщения Вагонетки о том, как и что именно парень сделал у попа, пересмотрел негативы и стал расшифровывать по „Советскому календарю“ письмо.

Через пять минут он знал его содержание.

Он велел позвать к себе несколько помощников и одного из них послал задержать после обедни попа часа на два, затащив его куда-нибудь на окраину. Другому он велел одеться милиционером.

Пока все это делалось, Таскаев по его указанию взамен изъятых негативов приготовил столько же других с изображением различных групп советских хозяйственников, спортсменских коллективов и юношеских экскурсий. Он их перенумеровал соответственно нумерации подмененных негативов и содержанию письма.

В письме фашиста сообщалось, что такой-то список представляет собой такую то школу, имеющую тайную цель готовить подпольщиков для восточной работы, такой-то группы руководителей и т. д. и т. д.

Граудин сфотографировал письмо, после чего осталось его только опять запечатать вместе с негативами, придать всему пакету такой же самый вид, какой он имел до вскрытия и водворить его обратно в стол попа.

Граудин сделал соответствующие распоряжения.

Через полчаса возле двери домика священника стоял милиционер, державший за руку заплаканного Вагонетку.

Открыла прислуга и сзади нее показалась попадя.

— Этот жулик был у вас сегодня? спросил милиционер у женщин, открывших дверь.

— Был,—подтвердила прислуга.

— Что он у вас делал?

— Взял проповедь батюшки в письменном столе.

— А украл что-нибудь он у вас?

— Не знаю...

— Это ваши вещи и деньги?

— Ой, господи, да это батюшкины часы и деньги из письменного стола! Обокрал, обокрал, несчастный жулик!

И попадья бросилась на Вагонетку.

Парень заревел.

— Обождите, матушка, пойдите посмотрим, что еще пропало у вас в письменном столе: у него и поддельные ключи и отмычки отобрали. Ну где это ты все взял, указывай! ткнул Вагонетку „мильтон“

Тот указал на кабинет.

— Пойдем!

Матушка и прислуга последовали за арестованным и конвоиром. Милиционер, показав матушке ключи и отмычку, вскрыл письменный стол.

Из-за рукава у него тут же незаметно выскользнул в ящик пакет, который только и требовалось возвратить на место его прежнего нахождения.

— Смотрите, матушка, чего у вас тут еще не достает,—с заботливым участием беспокоился мнимый милиционер,—сосчитайте сколько денег. Хорошо, что он не успел часов продать, как раз поймался, когда рассматривал их возле рынка, а то устроил бы вам праздничек. Арестантюга, оголец несчастный!

Попадья с ахами и охами то пробовала считать деньги, то заглядывала в письменный стол и оглядывалась на шкаф...

Милиционер терпеливо ждал, пока она успокоится и сел писать протокол.

Вагонетка, хорошо разыгрывая свою роль, волчком сидел на стуле, куда его ткнул милиционер, и исподлобья смотрел на пол.

Протокол, в котором значилось, что бежавший из детского дома и дважды уже отбывший наказание за домашние кражи беспризорный Селиван Подлетов, 16 лет, произвел

такую-то кражу и при таких-то обстоятельствах арестован. Подписала прислуга.

Милиционер повел Вагонетку, по его словам, в участок.

Но за первым же углом и он, и арестованный залились смехом и поспешили к Граудину.

Фокусы конспирации.

Члены организации „Батальона всех за всех“ возбужденно готовились. С часу на час они теперь должны были ждать призыва для отправки в дальний путь.

И скоро этот призыв последовал.

Пионерский оратор, широкоскулый с маленькими глазками вожатый Егор Чекарев уже объявил своей матери, уборщице кооперативного магазина, о том, будто он намерен мобилизоваться добровольцем во флот на подводную лодку и, напугав ее обещанием утопиться, если она будет отговаривать его, довел своими аргументами до того, что огорошенная женщина не только боялась после этого пикнуть сыну о его безумной затее чтобы то ни было, но дала себе зарок не говорить об этом также никому другому.

Мать приняла за чистую монету выдумку о флоте.

Рано утром, после того как Ерка убил ее своим сообщением, она собралась в магазин, вытирая слезы и спеша спрятать глаза от дома на службе. Шла она, не евши, а Ерке оставляла на полочке последний кусок хлеба, как будто намереваясь тронуть сына самопожертвованием.

Ерка, заметив это намерение матери, вскочил с сундука, на котором еще ежился после первых просонок, и истерически попробовал прикрикнуть:

— Еще новости,—чтобы не евши работать! Я лучше слохну, а не буду все одно есть хлеб, увидишь! Если ты не ешь, то и я не буду... Я не лучше тебя. Возьми половину хлеба себе. Подкидывальщица!

Но „подкидывальщица“—горемыка, видевшая когда-то лучшую жизнь, отчаялась в человеческой доле для себя и не хотела, чтобы мальчуган остался до следующего дня голодным. Напустив на себя грубость, она осадилась малыша.

— Не выкомаривай на прощанье еще! Довольно что одним порадовал мать. Мучитель!

Ерка осекся, почувствовав, как у него защемило что-то на душе, когда он увидел у матери слезы, и сел на сундук.

Мать еще раз взглянула на него, буркнула что-то о помощнике — сыночке и вышла.

Ерка посидел немного. Когда он почувствовал, что хочет есть, он взглянул на остаток лежавшей на полочке булочки, но только досадливо хлопнул глазами, свирепо начал одеваться, а затем схватился за книжку, предварительно заперев дверь, за которой начинался шум являвшихся в печке для стряпни женщин.

Каморка выходила в кухню. Половина женского населения всего дома в течение дня толкалась возле Еркиной двери.

О, как не любил это обывательское соседство пионер!

Только что успокоился и сосредоточился на занятии Ерка, как в кухню вошел встреченный ироническими взглядами какой-то салопницы с яичницей и советской дамы с шипевшей в кастрюле бараниной, пожилой учитель чердака, заштатный захудалый музыкант, являвшийся полупокровителем Еркиной матери.

Ерка, сталкиваясь с этим типом, догадывался о зависимости его матери от чердачного квартиранта и кажется только ждал случая, чтобы публично излить против него свою ненависть.

А нищеватый, но привязчивый музыкант, чувствуя что от беспокойного пионера ему может влететь, старался не попадаться Ерке на глаза, если не вынуждала к этому необходимость.

Но разве знаешь, где упадешь?

Музыкант, рассчитывая спозаранок застать Еркину мать, стукнул тихонько в дверь, откуда слышалось какое-то бормотанье.

Бормотанье стихло.

Музыкант еще раз стукнул.

— Кто?! рявкнул вопросительно Ерка, высовывая голову. Ма...ма дома? Пролетел испуганно музыкант.

— Кобель! вышел из себя Ерка. Маму ему надо. Нету! хлопнул он дверь.

Музыкант отпрыгнул, испуганно схватившись за нос и пробуя его целость, но, услышав, как приснули от смеха стряпавшие возле печки женщины, юркнул с кухни.

Ерка раздраженно уставился в книжку, по которой доучивал заданный Партаб Сингом урок языка индустани. От злости его потянуло к булке. Но, скрипнув зубами, он отвернулся от нее и снова принялся за зубрежку.

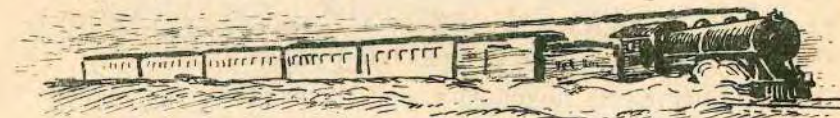
Но только что успокоился он и прозубрил несколько диалогов, как в кухне снова раздался шум и возле его дверей заговорило несколько человек.

В дверь забарабанили.

— Кто?! взбеленился Ерка, подскакивая к двери.

Перед порогом оказалось около десятка комсомольцев и пионеров.

Сразу Ерка успокоился и отступил от двери, давая дорогу ребятам, которые ввалились в комнату и загородили порог.

— Едем? догадался и спросил торопливо Ерка, засовывая в карман книжку и волнуясь.

— Едем! ответил Горячев.

— А еще кто едет?

— Все едут... Марсельезец, Швердин, Ключиков...

— А где другие?

— Часть уже на вокзале... Засели до вечера в пакгаузе, чтобы ночью незаметно погрузиться. Никто не знает, что мы едем. Петряк и Стремяков собирают ребят в Хамовниках... Скорее собирайся, нас еще ждут индианки, которых мы должны захватить. Бери вещи да пойдём...

— А что надо брать?

— Что хочешь.

Чекарев оглянулся, и его рука непроизвольно потянулась к булке. Одновременно его взгляд упал на карточку матери. Он вдруг отдернул руку и присел, глотая слюны и медля.

Ребята с недоумением переглянулись.

— Да он, братцы не шамал уже. три дня и хлеб оставляет матери, догадался Горячев. Говори, старая галоша, кризис у мамах?

Ерка беспомощно кивнул головой.

— Мать пошла, не евши... Если хлеб возьму, вечером ей, хоть сдохни... Лучше пусть хоть немного поест.

— А ты?

— Увидим.

— О, черт! возьми у нас, мы тебе соберем целкаш, оставь его матери, да идем скорее...

Орава ребят стала вываливаться из комнаты.

Ребята двинулись к Варварским воротам, у которых на бульваре их группу должны были ожидать отправлявшиеся с отрядом индианки-танцовщицы.

У парней было повышенно-выжидательное настроение, как будто они искали и не знали, в чем излить свое возбуждение. Но случай тут же представился.

Только что стали они подходить к бульвару, как к ним навстречу возбужденно выбежал барабанщик одного из звеньев, Гришка Сластен, искавший ребят.

— Товарищи! подскочил он. Полдюжины непачевских лоботрясов с биржи пристали с сальностями к индианкам и не отстают... Хорошо, что вы пришли, пойдете скорее. Вон мильтон! Гей!

Чекарев и Вагонетка, переглянулись.

— Милиционер пускай стоит. Мы без него загаем хулиганов; айда!

И ребята ринулись на бульвар. Они обежали часовенку, из которой выливались богомольцы на улицу перед бульваром.

— Товарищ, глаза на бок! Скомандовал весело Вагонетка, пробегая мимо постового. Не пускай никого на бульвар мешать нам, мы у буржуйчиков подавим немного икру... Они обижают женский пролетариат.

Милиционер, взглянув на бульвар, только теперь увидел там окруженных несколькими молодыми спекулянтами двух восточно наряженных девушек, которым баричи в шляпах и при тросточках загораживали дорогу, когда те пытались выйти из их круга.

Девушки очевидно были уже доведены хулиганящими франтами до слез.

Он выжидательно насторожился, и от изумления мотнул головой, глядя на „сыпанувших“ туда ребят.

Ерка Чекарев опередил всех сорванцов в красных галстучках и только успел крикнуть столько же в поощрение себе, сколько и догонявшим его партнерам:

— Тах-тах! с пылу, с жару по пяточку за пару! Бу-бух! И он со всего разгона бухнулся головой под ноги нескольких молодых франтов, чувствовавших себя на бульваре, как дома, свалил одного из них тяжестью своего тела, а другого дернул за ноги, когда падал сам, так что биржевик, дрыгнув раза два мелкими шажками, загудел прямо на своего партнера.

— Караул! Жулики! Большевики! разразились паническими возгласами спекулянты, не зная то-ли пускать в ход трости, то-ли давать деру.

Но Вагонетка и Волхонский уже барахтались еще на одном молодчике, тузя его по чем попало в то время, как двум другим ловеласам из кучки приятелей удалось отскочить в сторону, и они один за другим ринулись бежать.

Сластен схватил за руки девушек, неожиданно спасшихся от хулиганов, и повлек их прочь от места происшествия, крикнув барахтавшимся еще в свалке ребятам:

— На вокзал, когда управитесь!

Дюжина ребят тем временем кряхтела на валявшейся под ними тройке франтов, чуть не грызя их зубами.

Милиционер, не пропустивший ни одной подробности потасовки и одобрительно ухмыльнувшийся сногшибательному налету ребят, решил вмешаться в происшествие и засвистал.

Вагонетка моментально вскочил на ноги.

— Команда расходиться! Марш, все

Всклобоченная рассвирепевшая братва последовала примеру вожака и дернула с бульвара.

Милиционер в догонку им весело засвистал, направляясь к непманам, чтобы вести их для составления протокола в отделение.

Между тем на вокзале собрались уже все участники отряда.

В разных частях станционного парка под командой своих руководителей отдельные группы уезжающих рассаживались в заранее намеченные вагоны. Часть отряда утром уже двинулась в запечатанном под видом интендантских товаров пультмановском вагоне. Другая часть получила теплушку и должна была путешествовать в роли школьных экскурсантов. Наконец, еще одна группа поехала в качестве пассажиров с почтовым. Путешествие предстояло очевидно длинное, потому что все группы оказались снабженными багажом, деньгами и провиантом. Перед отправкой руководители групп о чем то долго совещались. Все делалось с заговорщическими предосторожностями, пока отряд не выехал.

И вот из Москвы сразу исчезли Пройда, Партаб-Синг, Таскаев, один китаец-большевик из Сибири, несколько десятков комсомольцев и столько же наиболее активных, не по возрасту выделявшихся среди товарищей, пионерских организаторов.

Внезапное исчезновение молодежи произошло так организованно-бесшумно, что только ближайšie товарищи исчезнувших знали о нем.

Встречаясь друг с другом и споря об организационных делах, молодые группорги, секретари и юруки вдруг вспоминали:

- Э, товарищи, а куда девался Марсельезец?
- Он пошел во флот с Петряком...
- А Скороспелов?
- Тоже...
- Фу, черти, плавают себе по морям теперь...

И разговор заканчивался. Парни представляли себе броненосец, крейсер или подводную лодку советского флота; беспредельные поверхности моря или его глубины. Товарищеский экипаж коммунистов матросов. Среди них какой-нибудь наш московский знакомец в качестве юнги, постепенно затем превращающийся в опытного красного моряка. Хорошо, чорт возьми!

В действительности цель заговорщического путешествия отряда ничего общего с зачислением ребят во флот не имела.

Батальон двигался в Азию, и его участники мчались с поездами к границам Афганистана.

Перед тем, как ребята оказались закупоренными и запечатанными в вагоны, запертыми и караулом заставлены в теплушки, разместились в каморках проводников, они получили от своих руководителей распоряжение все время путешествия в поезде практиковаться в изучении индийских наречий и только на них объясняться между собой.

Кроме того, им вменялось в обязанность, посредством выделенных для этого товарищей, поддерживать между всеми группами связь, проверять соблюдается ли сообщниками необходимая скрытность, не проникло ли в среду какой-нибудь компании товарищей разложение.

Но все шло благополучно. Ребята рвались поскорей очутиться на месте. Вагоны с ними отцепляли, прицепляли, везли снова.

Но вот однажды через три недели, после того, как ребята оставили Москву, все они оказались, наконец, на самой конечной станции Средне-Азиатской железной дороги.

Здесь уже отряду был организован прием. Приехавшие прежде всех Пройда, китаец Сан-Ху, индианки и Стремяков договорились с начальником станции, сделали ему указания о цели своего приезда и приготовили до утра приют: пакгауз разгрузочной станции.

Вплоть до вечера запечатанные с ребятами вагоны должны были стоять в тупике.

В одном из этих вагонов через маленькое отверстие смотрел, выслеживая что происходит на станции, Петряк, сообщавший товарищам свои наблюдения.

Под другим терпеливо дежурил, забравшись на тормазную раму и балансируя на ней так, чтобы не попасть под колесо, Вагонетка.

Почувствовав, что вагоны приехали уже на край света, ребята в качестве дневальных ждали от руководителей распоряжения и терпеливо скрывали свое присутствие на избранных ими самими постах.

Но только что наступил вечер, стемнело, зажглись фонари станции и опустели линии запасных путей, как среди составов товарных вагонов зашагали фигуры двух человек.

Это были Стремяков и китаец Сан-Ху, приставший к Пройде, чтобы помогать большевикам в Индии.

Стремяков и Сан-Ху сперва нашли вагон, в котором было отверстие Петряка.

— Затворники! позвал Стремяков в дырочку.

— Ты, Мишка... что?

— Приехали! Сейчас вагоны поставят к разгрузочной, будем вылезать!

— Ура!

— Готовьте багаж!

— Есть, скажи другим.

Сан-Ху тем временем искал пультман, под которым дневалил Вагонетка.

Но он не знал его номера и в потемках сбился, оставиваясь то перед одним, то перед другим составом.

Стремяков вырубил его.

— Ходя—камрад, здесь!

Стремяков уцепил глазами насторожившуюся фигуру Вагонетки, который принял в темноте товарищей за посторонних и старался сжаться еще больше, чтобы не выдать себя.

Он только что было кое-как расположился жевать переданные ему товарищами виноградники сухого изюма и теперь, искривившись „в три погибели“, не смел пошевеливаться, чтобы высунуть голову и взглянуть, кто подошел.

Китаец и Стремяков, поняв трагическое положение законопатившего себя в угол под вагоном, вымазавшегося в мазут дневального, хмыкнули, и Стремяков издевательски шепнул:

— Буржуй! Ишь ложу занял!.. вылазь, черт, вагон сейчас поедет!

— Стремяков? Вагонетка шевельнулся и быстро высунул голову.

— Да, скажи, своим, чтоб готовились слезать. Багаж выбрасывать сразу, как только пристанем. Приехали!

— Что же молчали до сих пор... С обеда стоим!

— Днем нельзя было, чтобы кто-нибудь не узнал. Готовьтесь.

— Здравствуй, Сан-Ху!

— Здравствуй, палня! Лусской молотца!

И вестовые скрылись между вагонами.

Пройда между тем получил у одного из коммунистов станции пакет от Граудина. Латыш не потерял даром дорогого времени, чтобы успеть товарищу прислать ценные сведения.

В письме Граудин сообщал Пройде, что он напал на след центра Икс-Ложи и отправляется в Лондон. Но кроме того, он узнал, что в Индии агентами Ложи являются англичанин Бурсон и русский белогвардеец Лакмус-Родченко. Ни о месте пребывания этих лиц, ни о характере их деятельности энергичный секретарь Пройды не сообщал ничего больше, но в пакете, кроме письма, оказался свежий номер английского военного офицера. Пройда развернул его, увидел на одной странице очеркнутый цветным карандашом правительственный приказ и из него узнал, что ввиду беспорядков в Северной Индии, в городе Майенвили вводится осадное положение и исправляющим должность военного начальника назначается полковник Бурсон, которому предлагается отправиться в Майенвили и принять зависящие от него меры для водворения в городе спокойствия.

Пройда посмотрел на карту. Майенвили он нашел недалеко от границы Индии возле Пешавера. Тогда Пройда решил с группой нескольких помощников поспешить в этот городок, оставив в качестве руководителя идущего следом за ним главного отряда Таскаева. Для того чтобы осуществить этот план нужно было только тронуться со станции.

В лице членов небольшой станционной ком'ячейки Пройда и его друзья нашли себе нескольких деятельных помощников и в эту же ночь отряд со всеми мерами скрытности выгрузился, чтобы до рассвета выступить в поход.

Но как преобразился этот отряд, прежде чем ему тронуться со станции и очутиться в барханах пустыни и перевалах гор, через которые предстояло ему перейти, прежде чем он спустится в пешаверские долины Индии!

Большинство ребят за исключением франтившего Стремякова и раньше, правда, не блистали особенно европейским видом своей внешности, но все-таки они ходили по крайней мере одетыми с головы до ног, теперь же про них и этого нельзя было сказать.

Одни в остатках персидских халатов и рваных шароварах до колен, другие в каких-то подобиях рубах или кафтанов, третьи совсем, как анчутки, только с кусками материи на чреслах.

Цвет кожи также почти у всех был изменен и в разной степени, но все они настолько потемнели, побывав для этого на специальной переделке в руках Таскаева что тропическому солнцу уже нечего было делать с кожей московских комсомольцев, чтобы превратить их в потемневших и пожелтевших „боев“ и „баранчуков“—ребят Азии.

Все они объяснялись между собой, спорили и обращались друг к другу исключительно на диалектах Индии или английском языке.

Все не чаяли, как можно скорей перейти границы Индии.

Трудно было Стремякову свыкнуться с его теперешней одеждой индийского уличного подростка—боя.

Организатор пионеров, незадолго перед выступлением из Москвы, попав в весьма благоустроенный дом отдыха, познакомился со всеми благами и слабостями культурного самоуваживания. Он пристрастился к франтоватому костюму, ухаживанию за телом, ванне, душе и совсем увлекся своей внешностью, мечтая о том, как он, совершив какой-нибудь революционный подвиг, заставит сразу влюбиться в себя восемнадцать тысяч курсисток с московских рабфаков.

Теперь на комфортные привычки и мечту о триумфальной помпе перед москвичками пришлось махнуть рукой, надолго превращаясь в неприглядного азиатского оборвыша.

В толпе того экзотически ярмарочного сборища ребят, в какое превратился отряд комсомольцев, теряли всю свою оригинальность желтолицый ординарец Пройды Сан-Ху и обе танцовщицы, сблизившиеся за время совместного путешествия с „большевик комсомол“ и почти всех ребят узнавшие по именам.

Перемена внешности ребят ни в какой степени не понизила их настроения. Наоборот, все они, выйдя со станции и очутившись в степи, где кроме кустов саксаула и песчаных бугров, когда взошло солнце, не развернулся

хотя бы вид оазиса карагачей или какого-нибудь кшляка—не только не упали духом, а ожили, повскакивали с арб и, разбившись на группы, пустились опережать караван и разминаться в чехарде, бегах и нырянии под арбами. На одной из них сидел только китаец с Еркою Чекаревым и Вагонеткой и разучивал с ними на нескольких инструментах индийские мелодии и буйные треньканья, веселя смеявшихся над их игрой танцовщиц.

Таскаев, Пройда и Партаб-Синг, кроме Сан-Ху и комсомольских вожаков, составляли штаб этого отряда.

Пройда, посоветовавшись с Таскаевым относительно сведений, сообщенных Граудиным, решил, что он снова встретится с товарищами в Бенаресе, впредь же до этого с Партаб-Сингом, Сан-Ху, тремя ребятами и танцовщицами, оставив отряд, поедет со всей возможной скоростью вперед для того, чтобы найти того фашиста полковника, имя которого сообщал Граудин и немедленно же по его связям ознакомиться с деятельностью и силами врагов революции.

Но прежде он хотел еще убедиться в том, насколько конспиративно может отряд пройти страну и перебраться через границы Индии.

Когда станция железной дороги осталась далеко позади, и отряд очутился в пустыне, Пройда и Таскаев подзвали к себе несколько подростков.

Четверо верховых комсомольцев, вооружившись натурографами, отделились по распоряжению руководителя от каравана, двигаясь на некоторой дистанции от него впереди, сзади и по сторонам и привели аппараты в действие.

Особо организаторы отряда позвали Петряка и Стремякова.

— Поедте с нами! кивнул Таскаев ребятам, направляясь с Пройдой в сторону от отряда.

Ребята повернули коней.

Минуты три вся группа рысцой удалялась от отряда в степь.

Вдруг Стремяков, оглянувшись назад, остановился и пораженно ткнул рукой назад:

— Товарищи, где же, отряд?

Все оглянулись.

Пройда и Таскаев, обменявшись взглядом, многозначительно усмехнулись.

— Пропал караван! остолбенел и Петряк. Где же отряд?

Действительно, караван, как будто провалился в песках степей, не оставив никакой видимости своего движения.

Петряк и Стремяков вытянули уши и разом почти воскликнули:

— Голоса! Арбы едут! Кричат!

Кто-то действительно перекликивался в сотне шагов от группы всадников, но нигде не видно было кричавших и откуда мог исходить шум двигающихся людей и лошадей—было выше понимания обманутых странным явлением комсомольцев.

— Что за чертовщина? обернулись парни. Как это делается? Кто выкинул этот фокус?

— Этот фокус произведен натурографами, объяснил Таскаев. Сейчас со стороны отряда действует несколько натурографов по принципам активной и пассивной натурографии. Натурографы во-первых фотографируют окрестности спереди и сзади каравана, а затем выбрасывают завесы, окружая ими отряд. На этих завесах беспрестанно воспроизводится со стороны каравана окрестность, какую она должна бы быть без каравана. Весь наш отряд окружен сейчас такими завесами с натурографическим воспроизведением на них местности, которую он проходит. Вот почему мы самого каравана не видим, а видим будто бы голые песчаные холмы. Это обман натурографа: мы видим иллюзию местности и не видим того, что на ней в самом деле есть. Это нам очень важно, потому что таким образом, приняв еще только меры предосторожности против оставления сзади нас следов лошадей и своих, а также меры против шума, мы никем невидимые перейдем пустыню, минуем населенные пункты и перешагнем самые границы Индии.

— Чудеса! выразил свой восторг Стремяков и бухнул кулаком в бок лошади, которая подпрыгнула.

— Великолепно! подтвердил Петряк. Это не только в Индию войти, а и по Лондону пройти можно невидимками.

Пройда сказал:

— Это вам показано нарочно, чтобы вы видели, как важно не производить дорогой шума и оставлять поменьше следов. Едемте в отряд, и договоритесь со всеми ребятами о том, чтобы как и в вагонах, здесь не было шума и оставлялось поменьше следов от нашего движения. Смотрите друг за другом.

— Кончено! Все будет сделано! заявил Стремяков, давая обещание от лица всех своих товарищей.

Штаб отряда направился к каравану, по слуху определяя, где его искать. И, только, что сделали товарищи два десятка шагов и минули невидимую завесу натурографа, как весь отряд очутился перед их глазами.

Первые встречи.

Возле уездного города, расположенного на левом берегу Инда и населенного индусами и сикхами, на пустыре у берега реки остановился в походной фуре и раскинул палатку балаган бродячей цирковой труппы, состоящей из двух танцовщиц, трех гимнастов мальчиков, двух борцов и клоуна китайца.

Балаган прибыл рано утром и уже через два часа после того, как установка палатки была закончена из нее сперва вышли и направились в город две танцовщицы и индус борец, а затем и сам владелец цирка парсис в тарбуше, с серьгами в ушах, в белых штанах и пестром жилете сверх кафтана.

Парсис вошел в город. Минуя заросшие мохом архаические остатки стен какого-то здания, он встретился с выезжавшей из города, одинокой нагруженной покупками тонгой¹⁾ деревенского баньи-лавочника и, на секунду остановившись в пустынном переулке окраинной части города, повернулся в ту сторону улочки, где белеющиеся из-за стрельчатой листвы пикообразных тиковых деревьев высокие дома указывали ему на центр города.

От пытливого взгляда спокойно шагавшего владельца балагана не ускользнули те подозрительные взгляды, которыми его встретили и проводили судра-пильщики, грузившие в одном дворе на телегу доски; группа женщин, сплетничавших с кувшинами возле колодца, из которого они

¹⁾ Тонги—повозка, запрягающаяся волами или лошадью.

брали воду; выскочившие в школьные ворота несколько учеников, встречавшие и обгонявшие его туземцы прохожие.

Жители объявленного недавно на военном положении города очевидно чего-то боялись.

Парсису нужно было завернуть еще за один угол, чтобы причина этой боязни стала ему ясной.

Когда он уже почти достиг центра города и вышел с окраин на улицу перед рынком, он увидел пересекающий улицу отряд туземцев солдат, возвращавшихся с какого-то обхода и с злобным беспокойством уставившихся на ходу глазами себе под ноги.

Парсис с видимым равнодушием перевел с них взгляд на улицу, и сами собой ресницы его закрыли у него блеснувшие полным пониманием происходящего глаза. Он уловил, что те подозрительные взгляды, которыми встречные только что ошупывали его, теперь с скрытой ненавистью направились на удаляющуюся команду караула.

Какой-то парень ремесленник, выглянувший было в ворота с ношей пеньки на спине, юркнул обратно во двор и вышел опять, оглядываясь, только когда солдаты исчезли за углом.

Парсис балаганодержатель сдержал собственное дыхание, с монументальным спокойствием изучая все, что видел и направился дальше.

Он обогнул здание почтово-телеграфной конторы и очутился перед рыночными рядами, где суетня носильщиков и разносчиков, шатанье туземцев по закулочным, движение бедноты у палаток торговцев и ремесленников, делали жизнь города показательнее, чем его окраины. Но и здесь не было обычного для восточных рынков трепетания беспечно волнующейся праздной и бурливой толпы. Вместо этого он увидел часть палаток заброшенными, а в нескольких из них лавочки укладывались, как будто также собираясь покинуть рынок.

Парсису теперь уже ясны были причины угнетенного настроения населения, но он не понимал, почему пустеет рынок. Он остановился на полминуты для того, чтобы ориентироваться в собственных скрытых под маской непоколебимого спокойствия и туземной внешности планах.

Мнимый парсис балаганодержатель был никто иной, как явившийся с товарищами сообщник индийских революционеров, к главарям которых он теперь спешил на помощь, большевик Пройда.

Балаган и превращение Пройды с его спутниками в цирковую труппу было той очередной мистификацией революционера, к которой он решил прибегнуть при своем появлении в Майенвиле, чтобы ловко обмануть всех, кто пожелал бы им заинтересоваться со стороны его преданности к господствующим в стране английским властям.

Личина бродячей труппы почти гарантировала его сообщникам неприкосновенность и в этом отношении Пройда не мог бы придумать ничего более удачного.

Труппе теперь нужно было только легализовать свое появление в Майенвиле, чтобы затем в течение одного-двух дней узнать все, что можно было, о связях Бурсона с фашистами.

Пройда полминуты постоял возле пустой палатки сестных рядов, пропустил мимо себя несколько туземцев и, увидев на столбе перед лавками остатки какого-то недавно наклеенного объявления, подошел к правительственной афише. Прочтя на кусочках бумаги отдельные фразы, он понял, почему оно изорвано.

Но он и теперь сохранял прежний невозмутимый вид.

У оборванца носильщика, сбросившего сзади него тую кожи и остановившегося отдохнуть, он спросил на ломаном местном диалекте:

— Приятель! где здесь канцелярия уездного начальника?

Носильщик — сикх в рубахе до бедер и коротких штанах, кивнув головой в сторону от рынка, пояснил:

— Если не по торговому делу, то нет теперь уездного начальника... Комиссар-начальник теперь и сагибы. Там.

— Мне отдать сбор в канцелярию города, где она?

— Это здесь, где телеграф.

— Спасибо.

Пройда направился в канцелярию городского правления.

Он добрался до секретаря городского управления, туземца, не спеша совещавшегося о чем-то с уездным тасилдаром, сборщиком налогов. Испанец в европейской одежде

независимого путешественника делал им обоим распоряжения и в заключение велел позвать судью мустифа.

— Что вам? остановился чиновник сирдар на парсисе, догадываясь, что перед ним приезжий.

— Кому я должен сделать взнос, чтобы получить право на открытие цирка на два—три дня? Я еду с гимнастами, клоунами и нач-герл в Лагор к ярмарке. Хочу здесь заработать, что-нибудь, перед тем, как поеду дальше. Сколько стоит место возле берега?

Инду сирдар обернулся к сагибу испанцу, ткнув рукой на парсиса:

— Вот!.. что с ним делать?

И, обращаясь к спокойно ожидавшему парсису, он объявил:

— Идите обратно и придете завтра, если во что бы то ни стало захотите открывать балаган... Сегодня у нас много других забот.

— Но я же должен хоть место арендовать, чтобы в'ехать в город...

— Вы остановились в гостинице?

— За городом, прямо на берегу. Гостиницы дороже стоят, чем вся прибыль балагана.

— Ну за городом и обождите... Для этого разрешения не нужно, а завтра внесете деньги, укажете, где будет ваш балаган и получите документ. Зря только вы сюда явились... Не до вас!.. Счел он необходимым предостеречь предпринимателя.

— Да что у вас происходит? с удивлением спросил мнимый парсис, выдавая себя соответственно своему положению за ничего не подозревающего пришельца.

Чиновник вместо ответа махнул рукой.

Парсис пожал плечами и вопросительно взглянул на изучавшего его судью и хозяйничавшего здесь европейца, намереваясь уходить.

— Обождите, остановил его испанец. Вы говорите, у вас нач-герл. Сколько их?

— Две тамилки...

— О-о-о! тамилки—это женщины из женщин! воспрянул испанец. Горячей цыганок! Хороши ваши балерины?

Пройда почувствовал, что балагану не миновать посещения его испанцем. Но вести себя так, чтобы вызвать подозрение у уездных властей и господствовавшего в канцелярии сагиба, все поведение которого свидетельствовало о том, что он является агентом правительства, было рискованно, ибо каждая нотка колебания в ответах ему, могла повести к гибели всего состава балагана.

Он поэтому без запинки, в тоне естественного хвастовства подтвердил:

— О, красота! Изюминки!

Испанец чмокнул губами и гордо объявил:

— Мое имя Дон Пабло Доморесско. Я по особому приказу выполняю здесь государственные поручения правительства. Но во всем городе здесь нет вероятно тамилок. Это хорошо, что ваш цирк ищет работы. С одним коллегой, приехавшим по тому же делу, что и я, мы после обеда придем к вашим танцовщицам. Есть у вас вино и место где станцуют нач-герл?

— Мы в цирковой палатке, сагиб начальник! Оркестр только походный. Вина... если бы был буфет, но буфета при цирке мы никогда не имеем...

— Пустое дело вином стол зарядить... чтоб нач-герл приготовились. Вот деньги на вино и ждите нас. Иначе чорт возьми, тут сдохнешь от того, что весь город прячется и прячет всех своих бегум и биби ¹⁾ от приезжих белых мужчин...—Бунтовщики!

Пройда взял бумажку в пять рупий, которую сунул ему разгорячившийся от предвкушения удовольствия, испанец.

— Что тут происходит? испытал он теперь, испанца после его самоаттестации, прежде чем уходить.

— Что?.. Покоя не найдут себе... Судра и кули устроили бунт по подстрекательству националистов. Туземные канцеляристы бунт допустили, усмирить его не смогли, а теперь после экзекуции притихли и хотят поднять новый гвалт какой то...

¹⁾ Бегум—женщина, биби—девушка.

— А! понял мнимый балаганодержатель, кровопускание значит... Тогда я с цирком не останусь. Завтра же еду. Мне бунты на пользу не идут. Благодарю вас! любезно поклонился он, поворачиваясь уходить.

Пройда сам улыбнулся бы своей самоуверенной естественности, с какой он играл роль владельца бродячего цирка, если бы у него не забота, вызванная намерением испанца прийти к нач-герл. Не теряя времени, он направился через рынок в балаган.

Но на рынке, однако, он снова на несколько минут задержался, проходя по рядам.

Здесь возле одной лавки он увидел своих спутниц-танцовщиц, под предлогом производства покупок успешных уже обойти полгорода и завести знакомство с отысканными ими двумя-тремя товарками по профессии.

Подойдя к девушкам, Пройда серьезно сказал им:

— Кончайте ваши рысканья и идите сейчас же домой. Нужно кое к чему приготовиться. Где Партаб-Синг?

— Партаб и Сан-Ху узнали что-то от знакомого, которого здесь встретил Сан-Ху и сказали, что пойдут по важному делу. Они что-то замышляют.

Действительно, Партаб-Сингу и Сан-Ху удалось тем временем установить нечто такое, что сразу могло ввести группу Пройды в городские дела и связать товарищей с главными действующими лицами происходящих событий.

Когда все уходящие участники отряда собрались в палатке, успевший уже с Вагонеткой искупаться Петряк схватился за сумки с продуктами и поставил ящик, за который должны были сесть для совета и взаимного осведомления взрослые члены группы.

Пионер, устроивший с Граудиным перед отправлением из Москвы проделку по временному изъятию письма из поповского стола, кивнул головой облаченному, как и он в одни штаны ненаглядышу вдовы уборщицы из кооперативного магазина, смешившему вместе с миловидной наивной Первин китайца Сан-Ху рассказом о налете ребячьей шайки на нэпачей, когда пионеры шли на вокзал и с фамильярной выразительностью призвал приятеля к порядку.

— Брякало! Идем, посмотришь за берегом, а я расположусь возле дороги.

Ерка Чекарев вскочил и последовал за Вагонеткой наружу, для того, чтобы не допустить возле палатки какого-нибудь случайного подслушивания.

Пройда сел перед ящиком, который немедленно окружили и остальные оставшиеся в палатке, и сперва неспособная на вид к скрытности Дадабай, а затем Сан-Ху и Партаб-Синг начали свои сообщения, важность которых усиливалась их осторожным изложением.

Они рассказали.

Явившийся в Майенвили для водворения порядка „саиб джемадар“ Бурсон сразу же после своего прибытия проявил себя в городе такими расправами, какие мог безнаказанно производить только человек, уверенный в том, что все его действия получают одобрение правительства.

Он произвел всего несколько арестов, малозначущих в движении именитых горожан.

Но зато через несколько дней из двух принимавших в бунте участие схваченных рабочих местной паровой мельницы, старшего по упаковке и транспорту Агабая Боса и кочегара Нур Иляша, первый был найден убитым, а второй бесследно исчез.

Прошло два дня и также пропал без вести учитель туземной общинной школы Премчанд. Его изуродованный труп через несколько дней разыскали в камышах Инда. Затем в самом городе сторело имение уважаемого туземца и известного всей Индии делегата индийского конгресса земиндара Раджаба Гош, вместе с сыном находившегося в Бенаресе. Во время пожара погибли двое детей-девочек и ночевавшая с ними бабушка.

Население ни на минуту не усумнилось в том, что все эти насилия произведены полковником, негром, прибывшим в его свите и несколькими подозрительными штатскими саибами из этой же свиты, которые толклись все время в штабе полковника.

Население совершенно упало духом, не зная, какие еще будут произведены насилия диким усмирителем.

В это время из уст в уста стала передаваться молва о том, что Нур Иляш, схваченный вместе с Агабай Босом, вырвался из рук убийц и благополучно скрывается у озлобленных и терроризированных жителей. Стали говорить

также, что приехал и тут же в городе скрывается старший брат сгоревших девочек, сын делегата земиндара Арабенда Гош. Между тем убийства продолжались, и вдруг однажды утром, выскочив по неистовому воплю схваченной усмирителями жертвы, жители Майенвили едва не застigli возле дома кочегара негра и саибов полковника. Они только что расправлялись с женой бежавшего Нур Иляша.

Тотчас же толпа, волнуя криками город, двинулась к дому полковника. Но там уже была рота солдат, которая подпустив возмущенных протестантов, открыла убийственный огонь. Толпа пораженная массовым убийством разбежалась. Всю ночь происходили после этого аресты, на утро же в довершение всех произведенных насилий жители города прочли позорящее их объявление: в специальном приказе полковник объявлял, что отныне мимо его дома, как местонахождения представителя европейской власти все туземцы, независимо от их кастовой принадлежности, пола и возраста могли не ходить, а только ползти на животе, если им требовалось прийти в штаб начальника или пройти мимо.

Неслыханное издевательство ошеломило горожан и заставило их на что-нибудь решиться. Когда им передали, что Арабенда Гош и Нур Иляш, скрывавшиеся в городе предлагают предпринять „хеджрат“¹⁾—массовую эмиграцию из Майенвили, то отчаявшихся оказалось не мало и вот в эту ночь из города должна была двинуться экспедиция беженцев.

Это и узнали ходившие из балагана в город помощники Пройды.

— Нам или что-нибудь сейчас же нужно предпринять,—сказал в заключение доставивший больше всего сведений Партаб-Синг,—или немедленно отсюда уходить, потому что когда большинство горожан уйдет, мы, как бы мы не легализовались, легко привлечем на себя внимание шайки Бурсона и тогда нам не сдобровать.

¹⁾ Хеджрат или „хизрат“ по мусульмански переселение. В 1919 г. был издан указ высшего мусульманского духовенства о переселении из Индии угнетенных „неверными“ последователей ислама. Движение потерпело неудачу, но слово вошло в общее употребление.

Пройда не возражал, но сообщения его не удовлетворили. Угол жил пересек у него лоб линиями суровой и озабоченной решимости.

— Нам надо, сказал он, во что бы то ни стало разыскать этих Арабенду Гоша и Нур Иляша...

Партаб-Синг переглянулся с ослабившимся Сан-Ху.

— Шанго, тавалс Плойта. Ми делали все!..—воскликнул китаец..

Партаб-Синг спокойно взглянул на русского товарища и сообщил:

— Обоих скрывающихся вожаков можно попробовать сейчас позвать сюда. Мы узнали в городе, где находится их убежище... Они спрятались в колодце сгоревшего двора отца Арабенды.

— Что? удивился Пройда. На виду у всех?..

— День то просидеть там они могут, а что потом, не знаю, сказал Партаб.

— Как вы нашли их?

— Один хатбе, ¹⁾ земляк Сан-Ху в чайной намекнул Сан-Ху о подозрительном поведении сторожа сгоревшего домовладения, который делает визиты во двор, хотя там уже стеречь нечего. Мы с Сан-Ху проследили этого старца и видели, как он под предлогом вытаскивания воды, спускал в колодезь продукты и разговаривал через сруб.

— А не ошиблись вы и Сан-Ху?

— Нет, шевельнулся Партаб Синг.

Сан-Ху, с радостным сиянием слушавший сообщение о своей удаче, вытянул голову и убежденно тихо протянул Пройде, подкрепляя ужимкой свирепой серьезности свои слова:

— Не можно ошипайсь, шибко шанго мой витали и Палтаб витали калотцы. В калотцы тихо, тихо хаварил со сторошай тва тюша пальшевой хинду... Тумали никто не знайт.

— Тогда, Партаб, возьмитесь за это дело. Вечером надо их привести сюда. Мы можем узнать от них, что нам

¹⁾ „Хатбе“ так называют в Индии простолюдины китайцев.

надо и поможем им отправить беженцев. Имейте в виду только и вы, Партаб-Синг, и остальные товарищи, что сегодня к нам придет пьянствовать один агент Бурсона с своим приятелем, которого соблазнило то, что в балагане есть девушки нач-герл. Мы сейчас же будем готовиться, чтобы сразу их напоить и как только придут отделаться от них, но смотрите, не нарвитесь на них с скрывающимися, когда будете вести их сюда. Пока фашисты будут пьянствовать, вы их спрячете в фуру, а затем мы с ними поговорим. Но последите, чтобы скрывающиеся не ушли до вечера. Идите прямо сейчас, Партаб. Сегодня ночью у нас будет много работы для всех...

Партаб поднялся, полсекунды постоял о чем-то думая и вышел из балагана.

Пройда, не вставая из-за ящика, оглянул остальную руппу товарищей, столпившихся, чтобы выслушать своего руководителя. Он повернул голову сперва к насторожившимся танцовщицам, а потом на Сан-Ху и Петряка и посвятил их в предстоящие события.

— У нас много дела, товарищи, сегодня для всех, повторил он. Прежде всего нам придется устроить для двух фашистских прохвостов пьянку. Лучше всего конечно было бы, если бы мы их не угощали, а взяли за жабры, когда они разойдутся и пырнули в Инд. Но, вероятно, кто-нибудь из их коллег будет знать, что они к нам пойдут. Поэтому Сан-Ху и Петряк должны будут пойти купить пойла для них и приготовить закуску. Кроме того Сан-Ху, Вагонетка и Ерка Чекарев должны заготовить свои зурны и изобразить оркестр. Но они придут из-за Дадабай и Первин. Так как мы не можем отдавать им для пьяного надругательства наших товаров, то Дадабай и Первин сейчас же должны будут пойти в город и пригласить к нам немедленно двух нач-герл, которым не опасно будет объяснить, что от них требуется, и за которыми Дадабай присмотрит, пока фашисты будут пьянствовать. А затем нужно будет, чтобы девушки их во время отвели куда-нибудь. Петряк, Первин и Партаб-Синг тем временем будут где-нибудь по близости. Нам нужно будет еще этот же вечер и ночь использовать и для слежки за Бурсоном и для сношения с беженцами. Понятно, товарищи, что нам предстоит?

— Панятни! Отозвался Сан-Ху, вставая.

— Значит нам итти доставать деликатессов фашистской шпане?

— Да.

Петряк с сомнением качнул головой и повернулся к Сан-Ху, собираясь с ним итти.

— А нам сейчас итти? спросила Дадабай за себя и за вопросительно взглянувшую на него Первин.

— Да, канарейки! Нам пора готовиться. Но смотрите, чтобы девушки знали поменьше и не делились с своими гостями ничем кроме балаганной болтовни. Вам, Дадабай, я поручаю наставить их как следует и смастерить все угощение так, чтобы эти типы ничего не заподозрили и ушли во время. Для того, чтобы они не обалдели от вашей свежести и щечек Первин, если она им попадет на глаза, вы с Первин немного намажьтесь и изуродуйте себя хоть горбом... какой-нибудь опухолью на щеке, что ли... А тех, которые будут с ними гулять, наоборот подкрасьте, иначе вся наша музыка пропадет: они озвереют и могут вас не пощадить.

— О, морды! воскликнула, Дадабай, схватившись за шарф, пусть попробуют!

Первин с'ежилась, умоляюще посмотрев на Пройду, и видно было, что девушка, привыкшая к большевикам, не переносит мысли о том, что она может теперь стерпеть попытки близости людей, чинящих насилия над ее братьями.

Пройда ободряюще кивнул девушке головой.

— Знаю, знаю, Первин-граченок! Потому я и прошу вас самих держать себя на чеку и быть подальше от этих жохов!

— Мы погибнем, если теперь останемся когда-нибудь одни и попадем опять в увеселительные дома, убито сказала Дадабай.

— Э, сестры, мы не расстанемся с вами, пока наши парни не женятся на вас и Индия не делается советской. И в Россию поедете с нами обратно...

— Правда?

— Правда!

Девушки повеселели, и схватив друг друга за руки, заспешили в город.

Пройда явившимся Чекареву и Вагонетке объяснил, как должны будут вести себя ребята, когда явятся фашисты.

Пионеры взяли за перестановку ящиков в палатке и инвентаря цирка.

Через некоторое время палатка начала принимать вид трактирной беседки со столом возле стены, ковром и подушками на полу.

Явившиеся с рынка Сан-Ху и Петряк стали нарезать рыбу, выложили консервы и выставили несколько бутылок.

Вскоре Дадабай и Первин привели двух молоденьких особ. Первин с Петряком после этого ушли к дороге поджидать Партаб-Синга и караулить стоянку от посторонних взглядов, а Дадабай взялась за прихорашивание приведенных ею девушек.

Это были две канджерия¹⁾ Майенвильских увеселительных заведений. В городе было теперь не до развлечений, заведения не веселились и никого не веселили. Девушки не имели никакого промысла и поэтому Дадабай и Первин легко сговорились о том, что им было нужно.

Пройда, увидев, что все готово для приема фашистов стал ждать их появления.

Наконец двое вышедших за город на прогулку европейцев показали на дороге и, увидев палатку, направились к вышедшему из нее китайцу.

Пройда, с манерами намеревавшегося предоставить распоряжение сагибов весь цирк угодливого антрепренера, представил явившихся, как хозяйке, Дадабай. Дон Пабло Доморесско сделал широкий жест удовлетворения, взглянув на вино. Его коллега, высокий сумрачный швед, Адам Эльстра, немедленно сел на ящик, приготовившись ждать развлечений и неопределенно крикнул.

Антрепренер подсунил милости сагибов коробку с спарами.

— Тошно вероятно сагибам управляться с чернью? — объяснил он криканье шведа.

— Э, „тошно“!.. разразился испанец, приступая к вину. — Не поймешь, что думают ваши, никогда ничего не пикнувшие

¹⁾ Канджерия — девушки из публичных заведений.

малайки и не поймает хитрых браманов ни в чем, пока с ними нянчишься. Быдло!

Он осушил стакан и кивнул шведу, который предупредил парсиса, что бы тот знал, с кем имеет дело:

— Мы действовали здесь иначе, хотя это не наша обязанность. Мы атташе... Но мы скоро уезжаем отсюда... Пей с нами вино, хозяин.

— О!.. взял стакан Пройда, раскрыв с почтением глаза при открытии шведа о том, что он „атташе“. Вы важные сагибы-начальники!

Между тем комната наполнилась.

Китаец, вооруженный подобием флейты, возвратился с двумя „боями“, которые, звеня струнами саранги и медяшками бубен, уселись вместе с ним возле выхода палатки.

Пришли канджерия. Дадабай им налила вина, взяв на себя хозяйствование и хлопнула в ладоши, чтобы девушки танцевали.

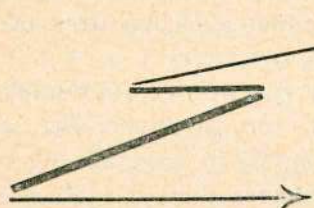
И вот начался пляс, сопровождающийся опустошением бутылок и поощрениями немедленно оживившихся подзрительных сагибов.

Китаец дул в свою флейту, раскачивая для выразительности головой и водил косящими глазами по ребятам, изредка выразительно подмигивая им на фашистов. Ерка Чекарев и Вагонетка брякали один на гитаре, другой на саранги, не подавая вида о своих настоящих чувствах при лицезрении попойки.

Канджерия с бубнами извивались посреди палатки, а в промежутках между танцами, присаживались к начавшим пьянеть и откровенничать фашистам, уговаривая их будто бы потихоньку от хозяина уйти с ними гулять в другое место. Дадабай только управлялась раскупоривать оставшиеся еще бутылки и переглядываться с ребятами.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

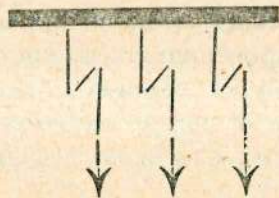
ЧИТАЙТЕ

третий выпуск

**„БОЛЬШЕВИКИ ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ“**

В третьем выпуске печатаются:

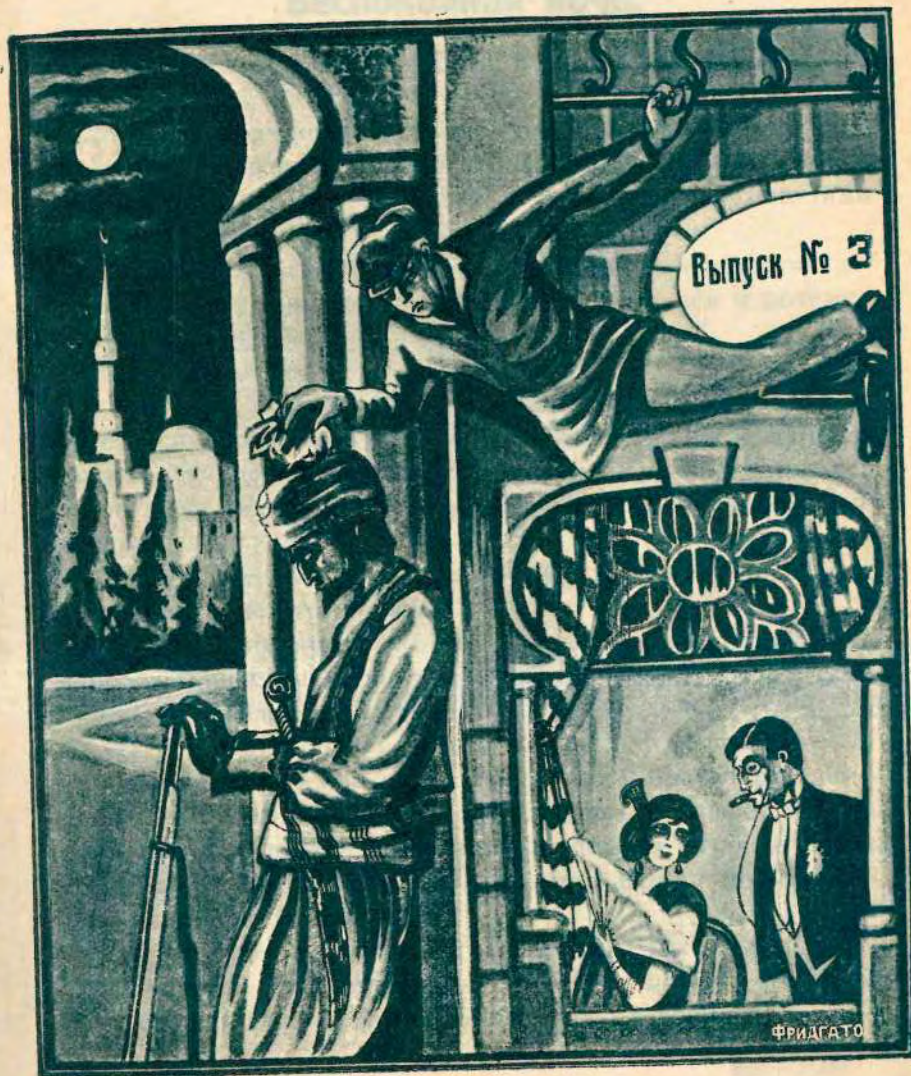
1. Беспокойная ночь.
2. Загадочный усмиритель.
3. Хеджрат.

Требуйте во всех книжных магазинах,
в киосках и у газетчиков „БОЛЬШЕ-
ВИКИ по ЧЕМБЕРЛЕНУ“.

**БОЛЬШЕВИКИ
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ**

Беспокойная ночь.

Тем временем Партаб—Синг в городе ждал наступления вечера.

Когда окончательно стемнело, исчезли на улицах прохожие и миновала опасность каких бы то ни было встреч, он направился к месту пепелища сожженного фашистами имения брамина.

Возле полуразрушенного забора имения с группой деревьев возле руин он внимательно всмотрелся в потемки улиц и прислушался.

Все было тихо.

Тогда он перепрыгнул тростниковый забор, скользнул к остаткам сгоревших стен дворовой постройки, сзади них подошел к уцелевшему срубам колодца и, наклонившись возле него, тихо стукнул раз, раз и еще два раза по обводу сруба.

Тотчас же он почувствовал, что на него кто то смотрит в отверстие между досками.

Через секунду этот невидимый наблюдатель тихо спросил пришельца:

— Что надо?

Партаб-Синг опустил глаза и также тихо сказал:

— Брат Арабенда и тут еще с тобой брат Нур Иляш—меня зовут Партаб-Синг, я приехал сюда издалека с русскими большевиками. Мы знаем, что делают в городе саибы и я пришел сказать вам, что мы хотим вам помочь. Пойдемте со мною...

— Русские большевики? усомнился тихо невидимка. Их не пустят сюда англизмены, как они могли очутиться тут? Мне трудно поверить тому, что ты говоришь...

— Потому инглизмены и боятся большевиков русских, что коммунисты идут к угнетенным во все концы света и умеют делать то, чего другие не умеют делать...

— Откуда ты узнал, что мы скрываемся здесь?

— Нам нужно было найти вас и мы розыскали, проследив, как вам давали пищу.

Невидимка ничего не ответил. Очевидно он обдумывал или неслышно совещался с кемнибудь.

— Как ты нас поведешь? спросил, наконец, тот же голос после двухминутного молчания.

— Я не знаю, как называется здесь местность. Итти за город на берег, возле перевоза. Но я вас не обманываю, потому что тогда я пришел бы не один и не выдумывал бы про большевиков.

— У тебя есть оружие?

— Револьвер...

— Ты можешь положить его на землю?

— Могу...

Снова воцарилось молчание, которое продолжалось теперь минуты три, а затем вдруг Партаб почувствовал, что сзади его выросло две фигуры, безмолвно схватившие его, прежде чем он оглянулся.

Это были те люди, с которыми разговаривал Партаб. Они очевидно вышли из колодца потайным ходом, сзади него.

— Если на нас нападут, мы будем сопротивляться и убьем тебя, как морду предателя, сказал один из очутившихся возле юноши и заглянул ему в лицо, повернувшись так, что Партаб-Синг сразу увидел на молодом человеке священный шнур браминской касты. Он догадался, что это сын земиндара—Арабенда.

Более грубая фигура Нур Иляша впилась глазами в Партаба с другой стороны.

— Пойдемте, с тихим спокойствием сказал Партаб-Синг. Если на вас кто-нибудь нападет, то я останусь защищаться, а вы тогда уходите. Постарайтесь найти моих братьев в балагане на берегу, так как они явились в город под видом цирковой труппы. Но не попадитесь чужим, которые придут туда пьянствовать.

— Веди нас, сказал Арабенда, но мы будем держать тебя за руки.

Партаб-Синг кивнул головой и, шагая еще осторожнее и осмотрительнее, чем шел в город, повел решившихся очевидно дешево не продать свою жизнь друзей. Он шел, как бы находясь в плену у обнаруженных им в убежище колодца людей. Индийские революционеры, лишённые крова и права показаться кому бы то ни было на глаза, двигались с ним нога в ногу, почти держа его под руки.

Они не говорили ни слова, столько же наблюдая за Партабом, сколько и стараясь пронизать всеми своими чувствами потемки, чтобы угадать возможное нападение своих врагов.

Партаб в свою очередь боялся случайной неожиданной встречи с фашистами или чьего-нибудь предательского опознания, при встрече с каким-нибудь прохожим.

Но ничего не случилось. Они спокойно вышли из города.

Пахнуло прохладой, мелькнула темная лента Инда внизу, пшеничные поля на склонах балок, и путники увидели светлевший в стороне от дороги шатер, из которого несло бряцанье музыкальных инструментов.

Партаб-Синг остановился и тотчас же из бурьяна перед революционерами выросла фигура ждавшего их Петряка.

Брамин юноша и судра кочегар вздрогнули, опуская руки на оружие.

Успокаивающим движением руки Партаб-Синг остановил их.

— Вы? шепнул бой. Идите в фуру, а я дам знать. Пройде, что вы пришли.

— А эти... уходить собираются? указал Партаб на палатку.

— Сейчас я скажу, что вы пришли, и их спроводят. Действительно, вызванный Петряком на минуту и возвратившийся в палатку Пройда жестом руки показал Дадабай, что пора отделаться от опившихся гостей.

Дадабай шепнула что то девушкам, вылив одновременно незаметно остатки вина из стаканов.

И вот танцовщицы сразу поднялись...

Дон Пабло Доморесско, увидев что канджерия покидают их, почти отрезвел.

Швед отупело-негодующе застыл на стуле.

— Куда вы, схватились? Еще же мы не познакомились, как следует. Мы пришли, чтобы веселиться, а вы уходить. Стойте! Музыка, играй!

Но канджерия закапризничала окончательно.

— Нам скучно в этой конуре, объявила одна из девушек. Музыка одна насмешка! Вина уже нет!.. Мы в городе можем провести вечер так весело, что зря досадно даже терять время! Хозяин не может удерживать нас. Мы можем делать что хотим...

— Куда вы пойдете?

— За рынком на берегу есть один дом, там настоящий бал всегда идет... фаренги только туда и ходят для веселья.

— Идемте!.. Мы пойдём с вами, объявили фашисты.

— Идемте, если деньги есть...

— О, деньги!..

Через пять минут две пары гостей, провожаемые Пройдой вывалились из палатки.

Пройда облегченно выругался.

— Животные!.. Уберите все и зовите Партаба.

Он отодвинул бутылки и оглянулся по палатке.

Ребята оставили свои зурны. Вагонетка побежал к фуре и все поднялись навстречу показавшимся у порога под предводительством Петряка туземным революционерам.

Пройда указал статному молодому юноше-брамину и его спутнику, беспокойному мужчине в опорках, на цыновку шатра и по английски сказал:

— Садитесь!

Гости сели.

— Мы знаем, сказал Пройда, о том, что тут у вас произошло. Сегодня мы весь день потратили на то, чтобы выяснить это. Мы установили, то безвыходное положение, в котором оказалось население и в частности вы сами. Что вы думаете делать дальше? Чтобы вы не стеснялись говорить с нами, я должен сообщить вам, что мы пришли для борьбы за освобождение Индии. Я раньше был здесь. Мои товарищи—большевики. Я ученик Ленина—революционер. Говорите, можем ли мы вам чем-нибудь помочь?

Арабенда поднял глаза.

— Нам надо вывести отсюда эмигрантов. Сегодня в городе уже сборы.

— Знаю, подтвердил Пройда. А вы считаете, что с караваном и вам обоим надо идти?

— Нет. У нас много дела теперь в Индии, после всего того, что чинят кругом чиновники правительства. Из-за нас они даже на караван нападут. Нам нужно ехать в центральные города, чтобы начать проповедывать восстание. Нельзя больше терпеть того, что происходит. Но если мы не поможем беженцам, караван погибнет. Бедняки ремесленники будут думать, что мы их предали, они не будут знать, что делать, если перейдут границу, и они или пропадут в горах, или заблудятся в пустыне, если даже выберутся за пограничную полосу.

— Куда идет караван?

— Куда угодно. Мы хотели сперва в Афганистан или Бухару, а потом дальше...

— В советские республики?

— Да, в советские.

— Намерение правильное.

Пройда задумался. Индусы, не показывавшие впредь, что они подмечают все подробности действий большевиков, которые явились здесь под видом бродячего цирка, спокойно ждали результата, но заключение о том, что они попали не к врагам, напрашивалось у них уже само собой. Они почувствовали в явившихся не только товарищей, но и знамение новых сил в борьбе с англичанами. Каждый из них думал удивленно:

— Слава Индии! Мы победим.

— Ну, вот видите, указал Пройда, на своих сообщников, у нас тут дружная большевистская компания. Эти две девушки, нач-герл, приезжали ко мне в Москву по поручению революционной организации. Товарищ Партаб-Синг, отыскавший вас, учился у нас в Москве. Эти бои тоже молодые большевики. Сообща с вами мы решим, как отправить беженцев. Но понимаете ли вы, что вы делаете только первый шаг? Что вы будете делать, когда водворите куда-нибудь беженцев. Стоит ли нам надеяться на то, что вы, сделаетесь более близкими нам товарищами? Мы приехали для того, чтобы помочь организовать такую же борьбу, какая ведется теперь во всех капиталистических странах.

Арабенда поднял спокойные, как и у Партаб-Синга глаза — Когда я в Бенаресе узнал, что морды-убийцы и англичане-палачи сожгли дом моего отца и девочек, моих сестер, я поклялся, что не буду искать себе очага и приюта, пока останется хоть один насильник в Индии. И несчастный ожесточенный отец, до этого времени умеренный политический деятель, благословил меня для этой борьбы против угнетателей. Поэтому, если вы преследуете изгнание убийц и палачей, я готов делать все, чему вы меня научите. Я о братьях большевиках кое-что знаю. Хотя я, когда выведу беженцев из Индии, еще, может быть, съезжу в Москву...

— А! вырвался у Пройды звук удовлетворения.

Нур Иляш сказал:

— У меня нет ни рода ни племени. А вы говорите, как братья. Я согласен с вами делать все, что нужно против врагов моих и ваших, одинаковых во всем мире.

Пройда поднял глаза.

— Тогда начнем вот с чего: знаете вы, что Бурсон действует здесь не столько как правительственный чиновник, сколько как агент фашистской Икс-Ложки?

Арабенда вопросительно посмотрел на Пройду а Нур Иляш блеснул глазами и внимательно уставился на брата большевика.

— Если это так, то тогда многое делается более ясным, сказал Арабенда.

— А что делается более ясным? Спросил Пройда.

— То, что Бурсон, не успев кончить здесь усмирения уже получил новую секретную командировку. Правительству посылать его незачем куда бы то ни было так поспешно. значит это фашисты и затевают что-нибудь новое.

— О, кайманы, джасусы и сидвалла, жрущие кровь и мясо народов! воскликнул Иляш. Они прилетают к доведенному до нищеты народу на крылатых машинах, приезжают в моторных каретах и умеют говорить по проволокам... Но и летают, и ездят, и разговаривают они только для того, чтобы схватить в свою пасть новую жертву. Когда же их уничтожит бедная, замученная Индия?

— Уничтожит, брат Иляш, ибо теперь уже всем ясно, что не спастись империализму!.. заметил Пройда. О какой

командировке Бурсона вы говорите? спросил он Арабенду. Вы знаете подробности?

— Мы с Иляшем прошлую ночь скрывались в доме Бурсона, ответил Арабенда, и там мы из разговора прислуги узнали, что кровожадный джемадар получил телеграмму, ехать в Индо-Китай. Сегодня приедет к нему с секретным письмом нарочный и тогда можно узнать об этом подробнее, если принять меры...

Пройда оглянулся на товарищей, и осторожно спросил:

— Не знаете, откуда должен приехать нарочный?

— Он вечером выедет вероятно с почтовой станции Дагбунгало, с восточной стороны города...

Пройда на полминуты задумался. Затем он снова взглянул на своих сообщников.

— Это обстоятельство имеет для нас важное значение. Дело в том, что сколько я догадываюсь, Бурсон не простой агент Икс-Ложки, а несомненно один из ее видных уполномоченных. Так вести, как он себя ведет, может только крупный душегуб, с которым вероятно не одно правительство считается и который, может быть, ни с одним правительством не считается. Бурсон—это очевидно псевдоним, за ним скрывается много тайн. Нам нужно узнать какую новую расправу или гнусность затеяла Икс-Ложка, прибегающая к помощи этого профессионального усмирителя. Нам нужно перехватить у нарочного переписку...

— Перехватить воскликнул Иляш, переписку? Нарочный будет вооружен и конечно будет сопротивляться...

Арабенда также удивленно посмотрел на чужеземца-революционера и с недоумением поднял брови.

Но прибывшие с Пройдой, уже привыкли не удивляться неожиданным предприятиям и, молча, ждали дальнейших объяснений своего главаря.

— Дело несколько осложняется тем, что нам еще сегодня нужно отправить беженцев. Но решив, как это сделать, мы затем уже будем совершенно свободны. Итак, я предлагаю: мы отдаем беженцам свою фуру и весь инвентарь. Двое наших товарищей, Чекарев и Вагонетка, поступают под команду Арабенда Гош. Действуя натурографами, они отходят от города и переводят через границу беженцев, стараясь встретиться с нашим большим отрядом. Они

доводят караван до такого места, откуда дальнейшее его путешествие в Афганистан или Бухару будет совершенно безопасно. Я напишу кое каким моим товарищам, чтобы беженцам на новосельи помогли устроиться. Затем оттуда ребята возвращаются опять в Индию в какой-нибудь крупный город, где и вливаются в местную организацию.

— Правильно, сказал Партаб-Синг.

И он взялся объяснять свойство натурографа Арабенде и Иляшу.

С своей стороны Пройда разъяснил необходимость кратковременного возвращения за пограничную полосу с беженцами Чекареву и Вагонетке.

Чекарев и Вагонетка подчинились распоряжению.

Как только ребята решились расстаться с остающимися товарищами, Арабенда поднялся, чтобы идти к беженцам. Вагонетка и Чекарев быстро вооружились сумками.

И тут же все уходящие почувствовали опасность того, что они могут больше не увидеться.

Но пионеры героически сдерживали свои чувства.

Отправляющиеся ребята трясли руки танцовщиц, поцеловались с Петряком, обняли Пройду. С уважением сделал специальный жест остающимся Арабенда.

Затем он поднял руку, и вся уходящая группа скрылась в темноту за прибрежный кустарник.

Остались в палатке, кроме Пройды, Партаб-Синга и Сан-Ху, Петряк, обе танцовщицы и Нур Иляш, для которого появление группы Пройды разрешало вопрос о том, что ему делать с собой, когда уйдут беженцы, ибо к ним кочегар присоединяться не хотел, так как все толкало его, чтобы вести борьбу против насильников Индии.

— Теперь предстоит решить, что будем делать мы, сказал Пройда. Нам успеть во все концы надо...

И он взглянул на Петряка, который готовно принял настороженную позу.

— Нужно, чтоб ктонибудь из нас прокрался к штабу полковника и подверг наблюдению дом, в котором расположился Бурсон со своей шайкой. Нужно постараться проникнуть возможно ближе к его логовищу, и, если не в самом логовище, то возле него продежурить вечер и проследить за всем, что там делается. Если случится, что-

нибудь особенное, то сообщить нам туда, где мы будем находиться...

Пройда вопросительно посмотрел на Петряка.

— Я могу сделать это, сказал Петряк, но один буду бояться... Двум не так страшно будет...

— С вами пойдет Первин, показал Пройда на младшую танцовщицу. Ведь и вы, сестры, хотите помочь нам в борьбе против насильников народа?

— О, да, брат, русский! Мы давно обижаемся на тебя почему ты еще не разу не захотел, чтобы мы делали чтонибудь серьезное. Мы также не боимся умирать, как и тот сын пандита, который сказал тебе речь и ты послал его спасти много людей. Хоть язык пускай вырывают у нас саибы субадары²⁾, мы не откроем рот, чтобы сказать чтонибудь против своих братьев. Мы все сделаем, что хочешь.

Пройда растроганно покачал головой.

— Хорошо, сестры... Значит так и решим: Первин пойдет с Петряком. Вы, Дадабай и Сан-Ху, немедля, собирайтесь на станцию и с первым же поездом катите в Бенарес. Вслед за вами приеду и я туда с Партабом. Нужно, чтобы товарищи приготовили нам там явку и сразу ввели нас в свои дела. Сумеете вы обделать это и не провалиться, как только расстанетесь с нами?

Дадабай и Сан-Ху дружно отмахнулись от сомнения, высказанного Пройдой.

— Бенарес! живо схватилась Дадабай. Я там все знаю. После завтра опять все увижу у себя дома!... Ой ля, теще-тще! Утром будем на поезде! Ура! Собирайтесь, дядя Сан-Ху!

Пройда улыбнулся и взглянул на Партаба и Иляша.

— Нам, товарищи, есть другое дело. Вы, Иляш, отведете нас на дорогу, по которой должен приехать нарочный из Даг-бунгало.

— Я знаю дорогу, сказал Иляш. Гонец-морда не минует нас.

— Идемте... Давайте попрашаем, Дадабай и Сан-Ху. С вами мы дня три не увидимся.

— До свидания!

²⁾ Субадар—офицер.

— До свидания! До свиданья!

Пройда, Партаб и Иляш направились в обход дороги. У них был определенный план, которому могла помешать только независимая от них случайность. Но все шло как по писанному.

Через два часа, после того, как они оставили палатку, они вели в прибрежную рощицу схваченного ими при в'езде в город сипая.

— Надо раздеть его, сказал Пройда.

— Есть! ответили Партаб и Иляш.

Они сняли с трепетавшего солдата белый китель и остальные одежды, которые тут-же подвергли тщательному осмотру.

Через минуту Пройда нашел в них казенный пакет. Он вскрыл и прочел его. Однако, официальный приказ о командировании полковника Бурсона, которому предлагалось с получением пакета отправиться в Камбоджу для выполнения поручений английского правительства, „о которых вы осведомляетесь одновременно особыми инструкциями“, как значилось в приказе, не удовлетворил Пройду.

Нур Иляш, роясь в одеждах курьера и перебирая его оружие, вдруг издал сдержанный возглас и указал Пройде подозрительный шов в ножнах большого туземного меча.

Пройда вскрыл его и оттуда выпал мелко исписанный лист бумаги.

Большевик взглянул на него. И, увидев что письмо зашифровано, он принял озабоченный вид.

Он кивнул головой кочегару и повернулся к охранявшему сипая Партабу.

— Расспросим теперь этого воина, сказал он, а затем надо избавиться от него.

— Что мы с ним сделаем? спросил Партаб-Синг тихо. Убьем?

— Нет. Никакой надобности в этом нет. Мы его отдадим в караван беженцев, под их надзор и попросим вывезть его за границу. Оттуда он если и уйдет, то повредить нам не сможет. Пусть из Туркестана убегает, если захочет.

Он велел развязать перепуганного солдата и поручив Партабу сфотографировать документ, обернулся к солдату.

— Ты индус? спросил он.

— Я мотлах. Пустите меня, я вижу что вы националисты. Я буду служить тоже националистам и убегу от саибов.

— А раньше ты знал, что помогаешь саибам угнетать свой народ, перебил его Нур Иляш, пешка!

Партаб сжал кулаки.

— Оставьте его, сказал Пройда. Я хочу с ним поговорить о его начальниках. Кто тебе дал этот меч? спросил он пленного. Санджиб Гупта? Богач? Кто он?

Перепуганный солдат не скрывал, что он получил поручение из Бомбея от туземных фашистов.

Пройда узнал все, что ему нужно было. Кончив доклад, он велел одеться Партабу в форму схваченного солдата. Воспитанник московских организаций индус-изгнанник должен был разыграть перед Бурсоном роль нарочного и доставить ему письмо.

После этого вся группа во главе с Нур Иляшем направилась туда, где должна была быть стоянка каравана майенвильских беженцев. Условились все сойтись еще раз в палатке балагана, для того чтобы передать ее затем с лошадьми и повозками беженцам и немедленно выехать в Бенарес, где у Пройды была условленная явка с Таскаевым.

Загадочный усмиритель.

Петряк и Первин в потемках вечера подошли к дому, где находилась квартира штаба Бурсона. Окна дома сверкали огнями. Со стороны фасада они еще издали увидели часового и, шопотом меняясь друг с другом замечаниями, решили что отсюда, что нибудь выследить безнадежно.

Тогда они сделали по каким то безмолвным переулкам круг и вышли в тыл главного дома.

Здесь в окнах тылового флигеля были более скудные огни, должно быть тут помещались солдаты и полицейские. Но этот флигель, во первых, имел с одной стороны конюшенные глухие постройки, во вторых, он был отделен от главного здания большим садом манговых, банановых и тиковых деревьев.

Петряк в чужой обстановке мало знакомой природы, непривычных строений и неведомой совершенно туземной

атмосферы городка чувствовал себя не так уверенно, как это было бы с ним на родине. Но не выполнить задания руководителя отряда это значило бы опозорить себя не только перед Пройдой, а перед всей коммунистической ленинской молодежью и поэтому ему ни на одну минуту не пришла в голову мысль об отступлении.

Наоборот, перешептываясь с Первин, которую ему более всего хотелось уберечь от какогонибудь несчастья, он подбадривал и девушку, вместе с ней делая продвижения от одного темного угла к другому.

— Ничего, козочка, успокаивал он трепетавшую танцовщицу, мы узнаем, что нужно товарищу Градимиру. Надо только нам забраться в кабинет этого вояки.

— У него вероятно и в кабинете солдаты.

— Посмотрим. Вот это дерево, веранда и занавес хороший ход, чтобы забраться к нему в нору. Мы полезем на нее по дереву. Ты можешь лазить?

Разведчики из сада осмотрели на здание дома, в котором светились два-три окна.

— А там не смотрит ли ктонибудь?

— А мы сейчас узнаем. Тс!

Вслед за этим Петряк поднял что то из под ног и ловко бросил поднятый предмет на веранду.

Брошенная сухая чурка дерева упала вверху и глухо стукнулась о пол.

Петряк полминуты обождал.

— Никого! Констатировал он, убедившись, что с веранды никто не подал признака жизни. Теперь попробуем за занавесом.

Он бросил другую чурку в неподвижную полуоткрытую занавес.

Но и на этот раз ничьего внимания стук упавшего предмета не привлек.

— Хозяева заняты делами! заключил Петряк, гости могут чувствовать себя свободными.

Теперь предстояло сделать самое главное.

Сзади молодых отчаянных сорванцов революционеров слышались иногда в тишине вечернего покоя возгласы выходявших из дверей и входивших в них людей. Затем этот шум замирал. Из конюшни доносилось редкое пофыркива-

ние. Если еще не все спало, то скоро должно было уснуть. Но не было ли гденибудь тут поблизости ночного сторожа? А между тем Петряку нужно было запечатлеть в натурограф по крайней мере хоть кабинет Бурсона, если не его самого. По всей видимости Пройда почуял в полковнике большую контр-революционную птицу и через него может добраться до Икс-Ложки. Их шайка до сих пор орудует по всему миру беспрепятственно.

— Эх, если бы спаять тут все их секреты!

И по мере того, как Петряк чувствовал близость врага, настроение его делалось все более повышенным, пока он не перестал думать о какой бы то ни было опасности.

Теперь он чувствовал, что Первин его стесняет. На секунду он нерешительно остановился, а затем шепнул ей:

— Мы сделаем вот что, сестричка, я не хочу, чтобы ты зря пропала. Ты войдешь к нам в комсомол, когда индусы прогонят англичан и мы вместе поедим в Москву, а тут нас обоих могут схватить. Ты обожди меня здесь. Влезь в кусты и лежи или сиди, как мертвая, пока я не возвращусь. А потом вместе уйдем.

— А если русского братика заметят и убьют?

— Тогда уходи скорее на берег в наш цирк.

— Нет! Сказала вдруг нач-герл, выпрямившись и сердито вспыхнув. Буду здесь...

— А что-же ты будешь делать? Ведь двух нас, если мы полезем, скорее увидят или услышат...

— Русский бой пойдет один. Но я буду ждать: я выведу из конюшни двух коней. Открою засов в воротах. Если чтонибудь случится, братик Петряк прыгнет с веранды, и мы убежим..

У девушки, очевидно, тоже поднялось настроение, и она, высказав свое предложение, решительно взглянула из потемок на Петряка.

Парень схватил ее за руку.

— Молодец Первин, настоящая комсомолка. Теперь я знаю, что ты меня не забудешь.

Танцовщица склонила голову, скрывая волнение.

Петряк схватил ее за руку и потряс, потом, когда ему этого показалось мало, он вдруг поцеловал девушку и, не дав ей ничего ответить, ринулся к дереву возле дома.

Он снова почувствовал враждебную темноту сада, не видимую опасность веранды. Но теперь у него от боязни не осталось и следа.

Он быстро взобрался на верхушку дерева. Раскачавшись здесь на одной ветви, он бесшумно вцепился за выступ балкона. Секунду вслушивался в то, что было за занавесом а затем очутился в его полотнище. Здесь снова остановился на полминуты. Он всмотрелся в темноту и почувствовал себя не ближе к цели, чем он был в саду: никаких признаков жизни ни было ни в том большом помещении, куда он попал, ни в примыкающим к ним комнатам.

Он однако различил, что прямо против выхода на ту веранду, у порога которой он скрылся, находится другой ход с такой же, очевидно, верандой.

Полминуты еще постоял он, чтобы убедиться, что близко никого нет. Осторожно поднял на полу веранды чурки, которые бросил из сада. Здесь он повторил тот же маневр. Он бросил чурку в очертание двери налево. Полминуты обождал. Ни звука в ответ.

Бросил другую чурку направо. Тоже самое. Тогда, осторожно, но быстро переступив босыми ногами через помещение, он очутился в складке занавеса второй веранды.

И здесь, взглянув вперед, он понял, почему пусто было в помещении, где он находился.

То, что они с Первин приняли за большой раскинувшийся на целый квартал дом, было квадратом строений, среди которых помещался небольшой внутренний сад. В том строении, которое выходило своим фасадом на улицу, ряд окон был освещен. На некоторых из них были кружевные гардины и тюль. Петряк увидел в числе освещенных комнат в верхнем этаже и кабинет Бурсона, а в нем человека, европейская внешность которого не вызвала сомнений насчет того, что он является тем именно субъектом, который больше всего интересовал компанию Пройды. Человек этот пил сироп шербета и что то рассматривал. У нижнего входа дома стоял часовой, также как снаружи на улице. Пристройки с боков пустовали.

Но как увидеть ближе полковника?

Можно было бы спрыгнуть в сад и попытаться проникнуть к балкону, пробравшись и дальше к нему по де-

ревьям, но солдат мог услышать шум ветвей и тогда все пропало.

Петряк еще раз оглянулся и решил добраться до интересовавшего его места по плоским крышам строений.

Он, как кошка, пополз по плоскости из глины и досок.

Через пять минут он был над верандой и окном полковника.

Но здесь, вытянув осторожно голову, он вдруг увидел то чего не видел прежде: во первых, у входа веранды находился часовой, как внизу. Во вторых, полковник говорил с какой то женщиной, которая очевидно вошла, пока он пробирался по крыше.

Разговор был полезен Петряку в том смысле, что он помогал ему что нибудь узнать. Часовой же все труды Петряка делал бессельными, ибо благодаря ему нельзя было приблизиться больше ни на один аршин к окну, а вследствие этого парню не было ничего не видно, не слышно.

Всякого другого это обескуражило бы окончательно, но отчаянный Петряк уже наловчился выходить героем из таких положений, которые многих других ребят его возраста поставили бы в тупик.

Не составляло никакого сомнения, что часовой, сидя на табуретке возле входных дверей, дремал, кивая головой.

— Это нам дело знакомое! Мысленно ободрил себя Петряк.. Сейчас ты, бедняга, заснешь по настоящему.

С этими словами, молодой „домушник“ вынул из сумки, с которой он еще ни на минуту не раставался, флакон с какой то жидкостью.

Затем он еще раз взглянул вниз на солдата.

Возле самой головы часового болталась кисть от драпелей занавеса.

Петряк прицелился к ней флакончиком и стал из него капать на кисть хлороформом.

Накапав достаточно, Петряк сунул флакон обратно и замер, выжидая результата.

Часовой, почувствовав что то в воздухе возле себя постороннее, потянул носом, но вместо того, чтобы проснуться, еще тверже прислонился к косяку входа.

Петряк снял с себя пояс, сделал на нем из булавки крючок и, опустив его как удочку к шнуру, на котором

болталась кисть, начал подводить ее к носу часового. Тот расслабленно опустил руки и окончательно свалился на стену.

В одну минуту Петряк очутился около него и положив ему полумокрую кисть под бороду—взял из его расслабленных рук ружье и сунул его в сторону.

Теперь он получил возможность безбоязненно двигаться по веранде. Если даже ктонибудь услышал-бы шум его шагов, будут думать, что ходит часовой.

Он осторожно взглянул в окно и увидел там красивую девушку блондинку, которая стояла, опираясь коленом на кресло и разговаривая, пристукивала веером по столу. Против нее сидел средних лет мужчина в легкой офицерской блузе, прекративший очевидно на время что то писать. Возле него лежала книга, которую он захлопнул.

Они разговаривали.

Вынув из сумки натурограф и, приспособив его для с'емки, Петряк нажал кнопку и стал действовать аппаратом, одновременно слушая разговор.

К величайшему удивлению комсомольца красивая блондинка называла Бурсона русским именем:

— Алексей Васильевич, увлекаетесь! говорила она. Вы ваших русских идеализируете и потому расцениваете не так объективно, как я... Кто из них зарекомендовал себя за время нашей более чем полугодовой совместной деятельности? Молодые люди способны только шантажировать, более старые даже этого не умеют, а занимаются или нищенством или тунеядством. Из небольшой группы энтузиастов у нас действительно идеальными врагами большевиков являются только итальянцы, да французы. Мы, американцы и англичане, действуем частью потому, что понимаем всю гибельность мирового успеха большевиков, а чаще потому, что Ложа хорошо за это платит. Но и в том и в другом случае мы методически бесстрашно делаем больше всех, ужаснее всех и значит практичнее всех.

Петряк выждал, пока полковник ответил блондинке.

— Русский белогвардеец, думал юноша. Вот оно в чем дело.

— Не отрицаю этого, сдержанно произнес голос военного барина. В самых сложных и опасных случаях прихо-

дится все таки действовать мне. Я сознательно закрываю глаза на то, что Крудж использует и меня в качестве орудия английской политики. Теперь командировка в Камбоджу, это ни что иное как авантюра против Франции. Я сделаю там все, что от меня требуется, так как никакого другого способа нет, чтобы разрубить сразу все узлы большевизма. Война, мобилизация, военное положение, теперешние средства уничтожения противника, может быть одни смогут развязать нам руки для ликвидации красных бандитов. Посмотрим!

Петряку достаточно было действия его натурографа и он, оттянув его, отошел от своей позиции.

Он снял кисть с плеча часового и как кошка взобрался на крышу по уступам стены и косяка входа.

Но он на всякий случай решил запечатлеть натурографом еще вид стола и разговаривающих сверху. Он подобрался теперь к окну по крыше и принялся за с'емку отсюда.

Но только, что он поставил аппарат натурографа, как в кабинет полковника кто то вошел.

Петряк вытянул уши и услышал доклад:

— Прибыл нарочный!

— А! впустите.

Нарочный—это было так важно для целей информации что Петряк снова очутился на веранде и сунул по прежнему часовому кисть под бороду.

Затем он выглянул в окно. Но, увидев вошедшего нарочного, он чуть не пошатнулся от удивления. Вместо незнакомого лица полицейского он вдруг в военной форме увидел Партаб-Синга.

— Партаб провокатор? мелькнул у него в голове вопрос. Но увидев, как подобострастно подал Партаб пакет Бурсону, и каким чужим человеком стоит он перед полковником, Петряк сообразил вдруг, что мог означать его визит после того, как вся группа революционеров направилась именно для встречи нарочного на дорогу от Даг-бунгало.

— Молодцы! пришел в восторг юноша, мысленно одобряя товарищей произведших подмен. Работают на ять! Но что же будет Партаб делать дальше?

Полковник, получив пакет, спросил: все ли это?

Отрицательно мотнув головой, Партаб указал на блондинку.

Полковник сделал рукой успокаивающий жест и тогда Партаб, сняв с себя туземный меч, подал его Бурсону.

Полковник махнул рукой нарочному в знак того, что тот может уходить. Партаб вышел.

Полковник, проводив его за дверь глазами, начал осматривать меч и, остановившись на одном украшении, извлек оттуда письменное послание. Тотчас же Бурсон положил его на стол, придвинул к себе книгу и вместе с блондинкой начал читать.

— Книга это ключ шифра! догадался Петряк. Чудесно! Хорошо что она у меня пошла под аппарат. За это дядя Градмир скажет мне, должно быть, здоровенное спасибо! Ура!

И, не медля больше, Петряк той же дорогой, какой добрался до окна полковника, пополз обратно.

Спрыгнув сзади дома в сад, он нащупал глазами выступившую ему навстречу Первин и двумя шагами очутился возле нее.

— Ну что? спросила та трепетно.

— Ничего, сестричка, чудесно! Это русский белогвардеец. Партаба видел в гостях у него...

— Не может быть. Почему Партаб?

— После скажу. Идем скорее отсюда.

— А лошадей взять?

— Ничего не нужно, скорее айда отсюда!

— Ну, айда!

Молодые люди нырнули через стену и быстро направились к месту их кочевого становища.

Хеджрат.

Снова остававшиеся еще здесь революционеры сошлись ненадолго в балагане за городом, на берегу Инда.

Но компания имела теперь фотографии по всей видимости чрезвычайно важного шифрованного письма и командировочного приказа Бурсона. Петряк, засняв кабинет Бурсона, не только сфотографировал его, его сообщницу, но и ключ к шифру письма. Этим ключом оказалась индус-

ская поэма „Мегнадбад“. А затем он узнал о политическом смысле действий фашистского полковника и установил его русское происхождение.

Еще больше должно было открыть письмо. Но прочесть его немедленно не представлялось возможности вследствие отсутствия необходимой для расшифровки письма книги, которую можно было достать в каком нибудь большом городе.

Все другие мотивы заставляли Пройду спешить в Бенарес. И поэтому, не откладывая своего отъезда, главарь большевистского отряда сделал последние распоряжения Петряку и Первий, которым поручил остаться в Майенвили и продолжать неусыпное наблюдение за Бурсоном, куда бы тот не отправлялся, сам же с Партабом и Иляшем к утру был уже далеко за пределами города.

От балагана цирка не осталось никакого следа.

Между тем, с другой стороны города, в это же утро бесшумно, но быстро собиралась толпа беженцев. Со дворов города, с переулков на выгон двигались люди с носилками, мешками, тележками, с козами, муллами, детворой, телегами и тонгами, запряженными быками и лошадьми. Майенвилльцы-индусы собирались к заброшенной у дороги будийской пагодке и здесь приводили в порядок перед выступлением в долгий караванный путь свой скарб, распределяя его по подводам и тележкам.

Нигде не видно было главаря у этого каравана из сотен семейств городского и крестьянского населения. Но чьи то распоряжения передавались из уст в уста среди тысячной толпы. Никто из них не знал хорошо, куда поведет их неволя. Но все изгнанники приспособляли очевидно все свои расчеты к бесконечно долгому пути. Никто не мог из них поручиться за то, что банда палачей города, от которых они бежали, не нападет на их толпу и не рассеет ее. Но другого выхода изгнанники очевидно не имели и потому они лишь торопились поскорее уйти от ненавистного усмирителя.

В таборе не без старшины. И в караване нашлись решительные, осведомленные люди, которые делали соседям указания, превращались в естественных заправил организации каравана, отдавали распоряжения и командовали.

Такими организаторами оказались, во первых, пожилой привратник из сгоревшего имения Раджаба Гош, Тилак Дард, во вторых, друг Арабенды молодой учитель майенвильской школы Ашутос, некоторое время монашествовавший в одной из сект лесных саманов, а затем вдруг бросивший секту и занявшийся весьма внимательно мирскими общественными делами.

Эти двое очевидно действовали с большим сознанием серьезности выступления, и весь караван как то невольно начал подчиняться всем их указаниям.

Они проверяли достаточно ли равномерно распределены ноши, не положен ли ненужный груз на телеги, усажены ли на подводы слабосильные.

Откуда то они перед самым выступлением каравана привели арестованного пленника сипая и сообщив, что это полицейский, который может предать их, поручили его стеречь нескольким молодым людям.

Наконец, когда караван совершенно приготовился в путь они вдруг возвратились с молодым Арабендой Гош и двумя неизвестными подростками парнями.

Тогда они крикнули, чтобы беженцы собрались и приветствуемый толпой Арабенда поднялся в полутьме наступавшего утра возле арбы.

Юноша поднял руку и сборище стихло.

— Братья индусы! воскликнул земиндар-революционер, мы сейчас покидаем наш край, наши дома, наши очаги...

— Мы покидаем их не потому, что мы не любим нашей земли, наших очагов, нашу родину. О, далеко нет! Но чужеземные насильники делают невозможной нашу жизнь больше здесь...

— И так они делают это не только в этом уголке Инда, а по всей Индии. Ибо саибы захватчики душат индийский народ одинаково и в Майенвили, и в Калькутте, и в Дели, и в Пенджабе...

— Но что там в Индии!... В самой Англии если бы мы пришли туда, нас превратили бы в презренных камбала¹⁾, в нищих рабов, которым место только в цепях в тюрьме, в рабочих домах, на каторжном труде. Ведь даже против

¹⁾ Камбала—отщепенец.

собственных же рабочих у них средство только одно: насилия и расправа.

— Убийствами, поджогами, насильем и издевательствами заставили нас бросить здесь все, все над чем мы трудились, жили и умирали. Нам нужно уходить отсюда...

— Но есть, братья индусы, на свете такая страна, где и нас не будут заставлять ползать на животе перед окнами насильников. Есть край, где всякого человека, какого бы цвета не была его кожа, считают братом своим, если он не насильничает; товарищем, полноправным гражданином и желанным гостем, если он трудом своим добывает себе хлеб...

— Это страна—советов на Севере...

— Так идемте же, братья индусы, туда! Далекое это... По горам, пустыням и безводным степям нам придется идти. Но лучше по трупам своих братьев прийти нам к свободе, чем к позорному рабству ползти на животах...

— Идемте братья!...

— Идемте! Идемте! Совет Россия! Совет Россия!

— Из советской России у нас есть эти двое молодых людей, которые имеют средство помочь нам благополучно пройти границу и избежать нападения Бурсона или какихнибудь других угнетателей. Пусть они идут с нами и помогают нам. Большевики дали нам письмо в советы русские. Нас там примут и помогут устроиться. Идемте, братья!

— Идемте! Идемте!

— Идемте! Слушайте все распоряжения Ашутоса и почтенного Тилака Дард. Вы их обоих знаете. Пойдемте! Понесем наше горе, проклятие против насильников туда, где нас поймут великие русские... Пойдемте.

— Идемте! Идемте!

Арабенда соскочил с телеги.

— Трогай! скомандовал Ашутос и караван двинулся.

Чекарев и Вагонетка, прикомандированные к каравану Пройдой, с Арабендой и одним индусом-ремесленником выехали из каравана верхом и немедленно окружили его завесами натурографа. Караван исчез из вида; стал раздаваться по дороге только неясный шум, не бросались в глаза даже облака пыли, рассеивавшейся в пределах завесы.

Так двигалось это шествие переселенцев несколько дней, пока не очутилось затем за пределами границ Индии.

Арабенда провел беженцев в верховья Инда и переправил их через реку, прибегнув к помощи паромы, изготовленного средствами самих беженцев. Сейчас же вслед за границей начались горы. Сразу открылся целый ряд трудностей, не предполагавшихся никем вначале движения.

Главною из них была почти полная невозможность достать пищи для такого значительного количества людей. Кроме того сказались усталость и болезни. Начинался упадок духа. Поэтому, переправившись за реку, Арабенда решил сделать длительную остановку для того, чтобы добыть пищи при помощи могущих встретиться караванов.

Но в то время, когда караван остановился, случилось неожиданное и сразу изменившее настроение беженцев событие.

Беженцы разнообразными группами, одни возле телег, другие под наскоро раскинутыми шатрами и палатками, третьи просто на ветвях тростника расположились отдыхать, бивуачничать и хозяйствовать над своим дорожным скарбом, выйдя за пределы страны.

Несколько религиозных индусов в разных местах занялись совершением молитв.

Ребятишки жались к родителям или, разбившись на артели, изобретали себе забавы. Арабенда Гош и его друг Ашутосх выехали за зону действия натурографа, посоветоваться, поручив наблюдение за порядком в караване Тилаку Дард и нескольким своим друзьям.

Двое индусов из отряда и комсомольцы с разных сторон загораживали караван действием натурографа, а в самой зоне прятались уже ознакомившиеся с действием большевистских аппаратов часовые индусы.

В это время по следам, которые только что оставил после себя свернувший с дороги караван, в кустарники вошли трое оборвышей подростков, которые, подозрительно нюхая воздух и тщательно озираясь, недоуменно остановились и стали совещаться очевидно о том, что им предпринять, для того чтобы разрешить возникшее у них подозрение.

Один из них вдруг увидел вынырнувших неизвестно откуда в самой непосредственной близости от них двух всадников.

Он дернул за руки намеревавшихся продолжать разговор товарищей и указал им на неизвестных путешественников.

Моментально подростки упали на землю, не переставая однако ни на секунду спускать глаз с появившихся людей.

— Что за навождение! пробормотали они друг другу, стараясь примкнуть к корневищам кустов и не производить шуму.

— Откуда они взялись?

— Пограничники что-ли?

— Они как будто гуляют...

— Или совещаются?

— Как бы они еще не направились по берегу, обязательно наткнутся на наших.

— Вот принесла их нечистая сила!

— Давайте ждать...

Но всадники очевидно не намеревались совершать длинной поездки. Они сосредоточились на разговоре, выехав к небольшой возвышенности, сблизили лошадей и то жестикулируя, то поворачиваясь друг к другу, завели такой разговор, как будто кроме их, никого не могло быть на сотни верст вокруг.

Наконец, они, очевидно, приняли какое то решение, пришли в себя, оглянулись с возвышенности и поехали обратно.

Проехав по кустарникам какую нибудь сотню—две сотни сажень, они вдруг исчезли так же неожиданно и странно, как и появились, среди мелких кустарников, где казалось должны были бы оставаться на виду еще с полверсты.

Подростки—оборвыши, приподнявшиеся для того, чтобы наблюдать за неожиданными путешественниками, переглянулись между собой и один из них удивленно присвистнул.

— Вот и факиры и магия началась, хотя Индии еще мы и не видели!...

— Нет, это не магия, а хуже даже.

— А что же это такое?

— Тоже, что у нас...

— Натурографы?!

— А что же больше?

— Но откуда? У них целый караван...

Вопрос остался без ответа.

— Вот что, снова сказал старший оборванец: ты, Исайка, сейчас же тартай эту новость к нашим. Сообщи обо всем товарищу Таскаеву. А мы с Марсельезцем проберемся поближе к этим печенегам и, может быть, узнаем, чего они ищут на белом свете. Катай скорее. Скажи, что нас пусть во всяком случае ждут с донесением не больше, как через час.

— Есть! подчинился младший из трех ребят, рыжий и курчавый мальчуган Исака, ныряя в кустарники и скрываясь в них.

Старший, который был никем иным, как Стремяковым, оставшимся при главной части отряда, в качестве наиболее энергичного пионерского вожака, кивнул другому своему товарищу, которого он называл Марсельезцем, тот ответил ему также кивком готовности, и оба они двинулись опять в зону каравана.

Они немедленно увидели весь табор беженцев.

Здесь на полминуты Стремяков остановился, ориентируясь в картине, а затем, увидев, что крутой берег речушки дает возможность добраться не только до табора, а почти очутиться под некоторыми телегами, кивнул в этом направлении головой и пополз к спуску. Марсельезец последовал за ним.

Они благополучно миновали расстояние, отделявшее их от табора, бредя по воде и держась руками за кусты, но только что хотели подняться на возвышенный борт берега, как вдруг остановились.

— Парень! шепнул Марсельезец. И вдруг он изумленно взглянул на товарища, жестом указывая ему впереди себя:

— Смотри! Кто это?

— Натурограф! Вагонетка! Вот чудеса! И Стремяков вдруг воскликнул:

— Янчик! Вагонетка!

Подросток, сидевший на обрыве с большой трубкой в руке, вздрогнул, вытянул голову, увидел оборванцев и вопросительно приподнялся.

Стремяков и Марсельезец очутились возле парня.

И вдруг Вагонетка узнал товарищей.

— Миша! Женья! воскликнул он. Не может быть!

Стремяков схватил за плечи товарища, видя, что тот не может выпустить из рук натурографа.

— Ты что это магию разводишь тут?

— Почему вы бродите здесь?

— Садитесь, будем рассказывать.

— Да говори, пожалуйста, скорей! Мы пойдем скажем товарищу Таскаеву.

— А вы все вместе здесь? Границу уже переходите?

— Здесь... осталось только пройти реченку эту...

Товарищи быстро осведомили друг друга о своих делах. Затем Вагонетка крикнув в табор, передал, удивленно собиравшимся индусам, чтобы они позвали Арабенду и когда тот пришел, отозвал его, чтобы поговорить по секрету.

Немедленно после этого Арабенда с двумя ребятами двинулся к становщику „Батальона всех за всех“. Он находился на расстоянии не более двух верст от табора беженцев.

Обе стороны чрезвычайно обрадовались неожиданной, но счастливой встрече. У беженцев члены комсомольского отряда могли узнать и получить много практически необходимых вещей для них, вроде документов, справок, явок, одежды. Таскаев узнал о том, что успел сделать Пройда. В свою очередь караван беженцев получил неожиданную помощь. Для батальона делался излишним теперь караванный инвентарь вроде верблюдов, обоза, лошадей и других громоздких предметов. Даже остаток пищи у ребят был достаточно большой, чтобы они не захотели пожертвовать его беженцам. Наконец, долгий путь, проделанный ребятами, выявил нескольких больших и слабосильных товарищей, которые очевидно в дальнейшем не могли справиться с климатом и предстоящими революционными испытаниями. Их сдали на руки беженцам для того, чтобы вернуть снова их на родину.

В этот день Таскаев с отрядом перешел границу страны.

Убийство возле храма.

Старшая из посетивших Пройду индианок танцовщица Дадабай хорошо знала Бенарес. Она пересекла базарные улицы города, подошла почти к берегу почитаемой реки, где толпились, толкались и передвигались тысячи групп и кучек разноплеменных богомольцев Индии и мусульманских народностей, и приблизилась к зданию большого старинного храма Шивы. По пятам за нею следовал китаец Сан-Ху, который должен был делать вид, что он ничем не связан с девушкой.

Танцовщице уже оставалось сделать сотню шагов и миновать один переулочек, чтобы очутиться на площади перед храмом, когда она вдруг увидела на углу переулка двух молодых людей.

Присутствие этих туземных юношей, выжидательно следивших за входом в храм, заинтересовало ее настолько, что она сразу изменила направление, обернулась к Сан-Ху, и когда имевший вид торговца китаец приблизился, догадываясь, что девушка имеет к нему сообщение, она шепнула ему.

— Брат Сан-Ху! Этот тамил—брат Кукумини, к которой мы идем. Но он должен быть в Сайгоне, где восстание. Он стоит здесь не даром. Приметьте, что он будет делать, а потом ждите меня в храме.

Сан-Ху, не останавливаясь, кивнул головой и, подойдя к храму, присел у его ступеней, как будто бы любуясь рекой, а в самом деле, наблюдая за вышедшим тем временем с переулка беспокойным гоанийцем-христианином. В обществе берегового босяка—авара он направился в храм и сделал рукой знак людям, стоявшим на углу.

Между тем, Дадабай, сторонясь прохожих и встречных, обошла фасад храма, завернула за угол и очутилась возле одной из наружных боковых колоннад храма, за которой немедленно и скрылась.

Оглянувшись из за колонн, не следит ли ктонибудь за нею, она затем пробежала взглядом ряд глубоких ниш в стене, являвшихся украшением основания храма, и в одну из них вошла.

Здесь она еще раз обернулась на улицу и, розыскав одновременно взглядом в нише комочек глины, как грязь

приставшей к плитам храма, сцарапнула ее поднятым для этого с земли камнем. Под глиною оказалось замаскированная дыра в стену и в ней шнур с пуговицей солдатского мундира.

Дадабай потянула его к себе раз и еще два раза и стала ждать.

Около минуты прошло без ответа.

Танцовщица не заметила, как в невидимую амбразуру ниши кто-то взглянул на нее, как воскликнув, этот кто-то быстро повернул большой рычаг в потайном коридоре фундамента. Большая каменная плита ниши зашуршала и втянулась в коридор, открыв квадратное окно в храм.

Дадабай нырнула в него. Плита шурхнула обратно. Танцовщица в узком темном коридоре столкнулась лицом к лицу с молодой стройной женщиной, одежды которой выдавали в ней девадаши, безотлучно находящуюся при храме.

— Сестра Кукумини! воскликнула Дадабай.

— Сестра Дадабай!

Молодые женщины поцеловались и несколько секунд взволнованно держали друг друга в объятиях.

Затем Дадабай, увидев, что ее подруга нерешительно остановилась, раздумывая, что ей делать, вопросительно посмотрела на девадаши.

— Я вторглась не во время, сестра Кукумини?

Женщина взяла за руку подругу и нерешительно посмотрела на нее.

— У меня скрываются брат и его друг, которые ушли два часа назад и скоро должны возвратиться, не будешь ли ты бояться встретиться с ними у меня?

— А почему они скрываются?

— Они возвратились из Сайгона, где было восстание. Теперь там торжествуют опять франки, правительства санбов ведут следствие. Брата и других начальников обманул компрадор Санджиб Гупта, который составил с ними заговор и послал их туда. Брат говорит, что богач Гупта подкуплен англичанами и получил от них много денег. Повстанцев же предал, и их схватывают...

— Я видела сейчас твоего брата Бихари Бай недалеко от храма с его другом, сказала Дадабай задумчиво. Они чего то ждут...

— Я боюсь, что с ними чтонибудь случится! воскликнула Кукумини. Они написали письмо Санджибу Гупта. Брат мой—беспутная голова! Он хочет во что-бы то ни стало от компрадора-богача получить деньги и поделить их с товарищами. Он должно быть назначил агентам компрадора свидание в храме...

— Они ничего не посмеют сделать с ним. Кроме того, я когда увидела Бихари Бая, я сказала одному нашему другу, чтобы он следил за твоим братом. Это большевик хатбе из Москвы. Он не допустит несчастья.

Кукумини удивленно открыла глаза. Дадабай любовно посмотрела на девадаши.

Полминуты Кукумини стояла смятенная. Потом она положила руки на плечи подруги и с мучительным волнением произнесла:

— Какие вести у тебя есть сестра, почему я безумная сразу ничего у тебя не спросила? Говори скорее, диди¹⁾... Были ли вы, видели ли его? Сказал ли он что-нибудь... Я умираю от горя! Индия гибнет, мы измучены... Говори, говори, говори сестра!

Дадабай обняла девадаши.

— Диди Кукумини, успокойся! Радуйся, диди Кукумини! Русский большевик, которого ты любишь, приехал с нами и через два дня будет здесь. Но он приехал не один. Много большевиков с ним приезжает. Много молодых боев коммунистов, которые Индию разбудят геройской борьбой и в наших рядах добьются ее освобождения. Незачем тебе волновать твое благородное сердце, сестра всех сестер. У нас прибавляются силы...

— Дорогая ронди—подруга! Где же он? Пойдем со мною и рассказывай... Все рассказывай, пока моя горячая тоска не утонет в слезах моей радости, которую ты принесла. Только тише рассказывай, чтобы не услышал какой-нибудь чужой браман жрец, расхаживающий по тайникам храма! Говори так, чтобы никто не слышал, даже стены, чтобы не поняли о чем ты шепчешь; пойдём, сестра Дадабай...

Кукумини, подобрав мановением руки распахнувшуюся ткань своей „сари“, ²⁾ повлекла Дадабай в придел храма,

¹⁾ Диди—сестра.

²⁾ Сарн—род плаща или платка, принадлежность женского костюма.

служивший одним из его тайных покоев. Но только что они очутились под сводчатым потолком обставленного темной обстановкой помещения, как вдруг из предверия храма к ним донесся отчаянный вопль, раздались крики, шум схватки.

Мгновенно побледнев, Кукумини остановилась, с недоумением прислушиваясь к шуму.

Встревоженная Дадабай также на минутку замерла.

Затем она быстро заставила сестру на сидение из ковра Кукумини и твердо произнесла ей:

— Ты жди сестра, я узнаю что там и скажу тебе... Я знаю здесь ходы...

С этими словами танцовщица исчезла в коридоре.

По знакомым ей тайникам стен храма она быстро очутилась у одной из амбразур коридора и через нее увидела на пороге храма распростертые крови тела в лужах двух человек и спешивших к ним из храма браминов, а с улицы богомольцев.

Она побежала к тайному выходу у порога храма и очутилась возле места происшествия.

Здесь уже собралась горячившаяся толпа.

Один из валявшихся в крови людей, сляясь не упасть от смертельной раны, приподнялся на одной руке.

Взглянув на него, Дадабай немедленно узнала в нем того человека, с которым стоял на улице Бихари Бай, брат Кукумини.

Переведя взгляд на другое распростертое тело и убедившись, что это не Бихари, танцовщица снова повернулась к начавшему выкрикивать проклятия, умиравшему другу Бихари.

Индус, собирая остатки сил, выкрикивал:

— Компрадор Санджиб Гупта—сидвала,¹⁾ наемник англичан! Он за английские деньги нанял бедных индусов поднять бунт против франков у анамитов и малайцев в Сайгоне. Он сказал, что заплатит нам здесь деньги, но прислал своих джасусов, чтобы те убили нас. Он получает без счета деньги угнетателей англичан и держит дружины убийц-морд, которые уничтожают индусов. Собака, продажный купец, раджа Санджиб! Нечистый кандала: кандала-ла—нассасалар!²⁾

¹⁾ Сидвала—полицейский агент.

²⁾ Нассасалар—носильщик трупов, отщепенец.

На раненого вдруг бросились явившиеся полицейские и должно быть агенты того же компрадора Санджиба.

Умиравший заметался.

Собравшаяся толпа глухо зароптала.

Несколько полицейских индусов загородили ей дорогу и подняли палки. Толпа подалась.

Полицейские подхватили и понесли трупы.

Дадабай, еще раз взглянув на двинувшуюся за шествием полицейских толпу, напрасно попыталась найти Бихари в толпе и, не увидев никого похожего на брата Кукумини, скрылась в тайник. Она убито направилась обратно к Кукумини, не зная что ей сказать девадаши. Но только что она сделала несколько шагов, как чья-то тень выступила перед ней в коридоре. Чуть не воскликнув, она увидела Сан Ху, загородившего ей дорогу.

— Как вы сюда попали? Где брат Кукумини? Почему вы не ждете меня в храме? Что случилось тут? Закидала девушка вопросами товарища.

Сан-Ху поднес к губам палец.

— Несля пили в храм! Мы ушивали отна морта. Они Пихари хотели упийт. Вот Пихари...

Действительно из тени простенка выросла фигура возбужденного юноши, который воскликнул:

— Дадабай!

Дадабай испуганно подалась назад.

— Дадабай! передай Кукумини, что мне сейчас увидеться с ней нельзя. Скажи, что я с этим хатбе бегу отсюда в Бомбей. Мы поступим в дружины Санджиба Гупты к мордам. Я устроюсь у них сам и помогу устроиться другим товарищам. А потом мы уничтожим этих собак в огне или утопим в крови вместе с Санджибом. Он вместо того, чтобы помочь бунтовщикам и выручить их, послал к нам своих рабов и те убили моего товарища, а меня только спас этот хатбе... Кланяйся сестре и скажи, что скоро мы добьемся свободы для Индии. До свидания!

Вслед за этим тамилец дружинник кивнул головой к тайцу и указал ему на выход. Оба, спаситель и спасшийся, скрылись туда, прежде чем Дадабай пришла в себя.

Девушка схватилась руками за голову, окинула взглядом коридор и быстро направилась к Кукумини.

— Беда будет если враги—брамины увидят, что здесь прячутся! мелькнуло у ней в голове.

Через две минуты Дадабай была у подруги.

Девадаши тревожно бросилась к Дадабай на встречу.

— Что случилось?

Дадабай взяла подругу за руку и проговорила:

— Убийство, сестра Кукумини, но не бойся за Бихари.

И девушка рассказала, что она видела.

Кукумини с отчаянием провела у себя рукой по голове.

— Но когда этого уже не будет? Когда бедные угнетенные индусы, получат возможность заниматься спокойно своей несчастной жизнью?..

— Об этом, сестра, тебе может сказать только твой друг—большевик, который для этого сюда и едет... Подумай лучше, сестра, как здесь ему устроиться, чтобы его не схватили сразу джасусы.¹⁾ Подумай, как помочь целой армии молодых большевиков, которые идут за ним; какую дать им помощь, как разослать по Индии и свести их с нашими братьями в союзах. Расскажи и мне, что у вас делается...

Кукумини не могла говорить.

— Сестричка, где Первин, девочка?

— Самоцвет Первин с русскими... Они не отпустили бы и меня, если бы не спешил тебя предупредить твой друг. О, они отважные люди! Мы с Первин танцевали им и помогали им. А потом, когда мы оставались одни я учила Первин складывать про них песни. Я про них тебе могу спеть много песен, дорогая Кукумини, и все они понравятся тебе...

И Дадабай запела радостную песню о молодых русских большевиках, которые издалека, издалека идут, едут и приближаются к Индии, чтобы бороться за счастье индусов райотов и судра. Ведет их большевик большевиков Пройда.

Кукумини схватила за руку Дадабай, когда веселая девушка запела. Но Дадабай ответила речитативом новых строф своей песни. И когда она упомянула имя Пройды, у Кукумини показались на глазах слезы радости.

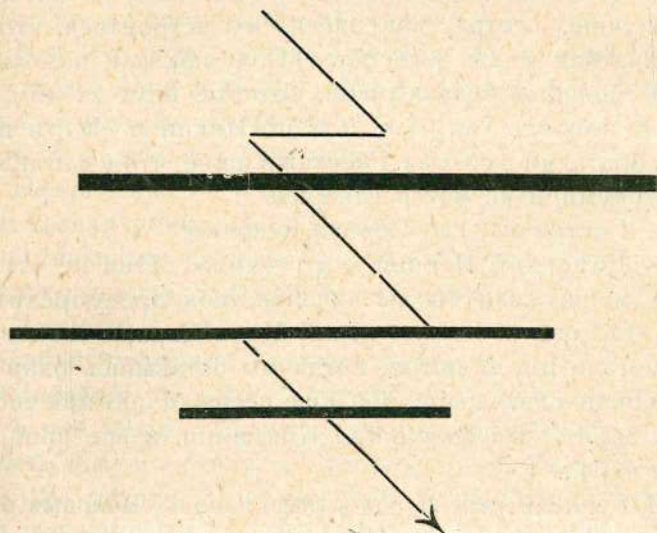
Девушки обхватили одна другую руками и упали на циновку.

¹⁾ Джасус — шпион.

Содержание следующего выпуска

„БОЛЬШЕВИКИ по ЧЕМБЕРЛЕНУ“

1. В Бенаресе
2. По пятам врага
3. Против самого себя
4. Товарищи не дремлют

ЧИТАЙТЕ,

требуйте у всех газетчиков

„БОЛЬШЕВИКИ по ЧЕМБЕРЛЕНУ“

№ 4

БОЛЬШЕВИКИ

ЧЕМБЕРЛЕНУ

Выпуск № 4

Цена 20 к.

Содержание следующего выпуска

„БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ“

1. В Бенаресе

2. По пятам врага

3. Против самого себя

4. Товарищи не дремлют

ЧИТАЙТЕ

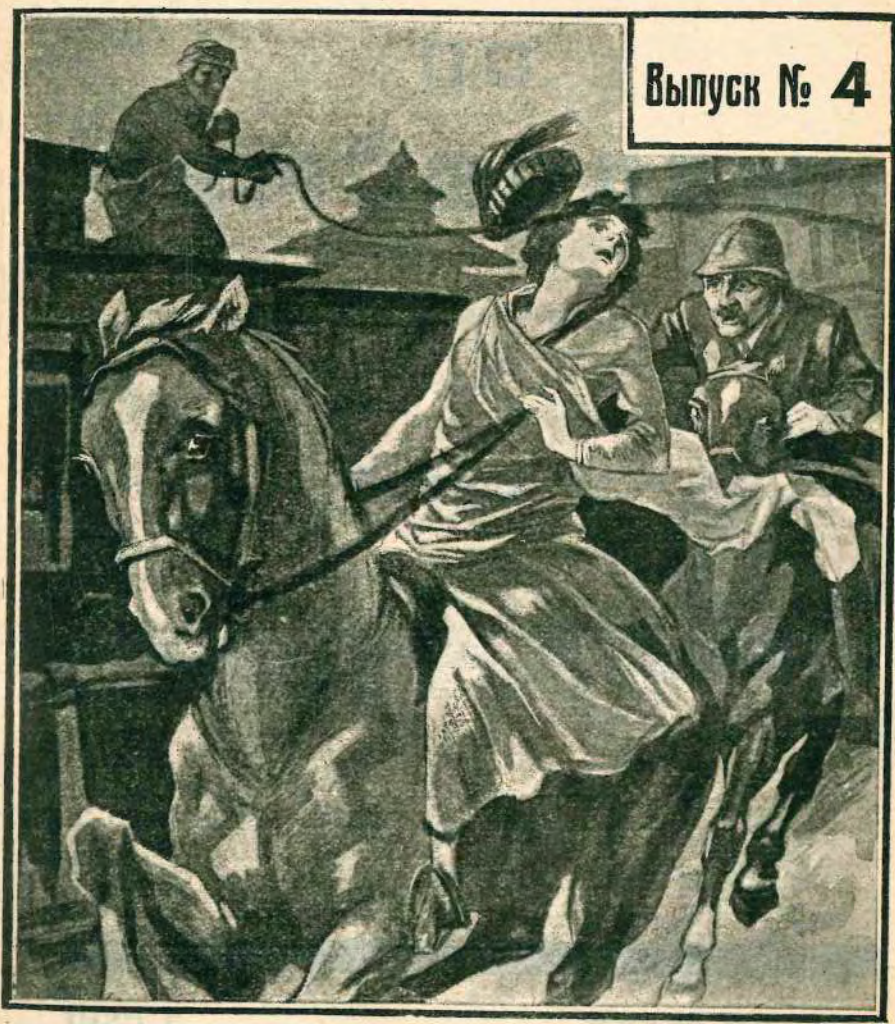
требуяте у всех газетчиков

„БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ“

№ 4

БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ

КНИЖКА
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ

Тов. Инкогнито.

Большевики по Чемберлену

(Фантастический роман)

Выпуск 4.

1925 г.

„Новая Москва“

В Бенаресе.

Священный город проснулся. По бесчисленному количеству узких азиатских улиц, неизменно вырвавшихся вдруг на какую-нибудь площадь с неожиданно грандиозным храмом, задвигались индусы в паграх¹⁾, мусульмане в тарбушах²⁾ и фесках, женщины, закрытые белыми „бурка“ с ног до головы и выглядывающие через отверстия для глаз, патаны, шейки, сикхи, и европейцы. Рынки начали гудеть, а храмы и берег Ганга наполняться богомольцами. Появилась уже какая-то похоронная процессия с четверкой слонов, привлекающая на минуту внимание уличных торговцев и посетителей базара. Началась посадка пассажиров на готовый к отплытию пароход и пронесли на его борт на носилках несколько европейских путешественников с приобретенной ими в городе парой обезьян. Несколько на отлете от ряда уличных палаток продавцов украшений, парикмахерских и ковровых заведений, под корпусом индусской конторы пароходной компании, появился, недавно избравший себе тротуар конторы местом для стоянки, шлифовальщик и золотых дел мастер—парсис с точильным камнем, примитивной переносной стойкой для паяльника и ящиком.

Он выправил навес палатки, разложил на циновку свои инструменты и начал пригонять к серебрянному женскому поясу, извлеченному из ящика, камни.

— Бабу Варис, вы отбиваете работу у соседа Аслана! Воскликнул продавец позументов шейк, отойдя от своей палатки и заглянув к шлифовальщику.

— Хватит работы на всех, сосед Курбан, пока саибы фаренги³⁾ не увезли еще с собой за море все серебро, золото и жемчуг на этих пароходах.

И шлифовальщик кивком головы указал на пароход.

— О, они много увозят! Они приезжают смотреть наши храмы, ставить чиновников, продавать нам дешевый товар

¹⁾ Пагра—половной убор в виде тюрбана.

²⁾ Тарбуш—годобие чалмы.

³⁾ Фаренги—чужеземцы.

и увозят дорогие изделия. Они так много скупают у нас, что, кажется, все они за морем должны сиять в золоте и камнях, как боги в богатых храмах. И все им еще мало. Когда же они оставят в покое бедную Индию? Слышали вы, что вице-король назвал депутатов конгресса бритыми забастовщиками за то, что конгресс не согласился дать денег на полицию?

— Слышал, сосед Курбан. Правительство считает всех нас бритыми забастовщиками за то, что мы националисты. Сейчас вице-король деньги на полицию получит на основании чрезвычайного закона, который сам же и распорядился опубликовать. Будем работать да платить инглизменам, чтобы они увозили от нас все, что им нравится.

— Проклятые фаренги! Значит налог все таки вводится?

— Вводится.

— Ой, сосед Варис, плохо это кончится. Знаете Вы, наклонился вдруг и, озираясь по сторонам, начал сообщать туземец, что националисты хотят поднять бунт, и что инглизмены к берегам страны присылают большие военные корабли с пушками, чтобы расстрелять Бомбей?

— Знаю,—ответил шлифовальщик. И если бы лавочник националист в мусульманской феске на голове, широких штанах, белом кафтане и пестром жилете сверху мог читать в душе парсиса, он угадал бы, что после этого сообщения шлифовальщик не только обнаружил показную озабоченность, отвечающую праздной болтовне, но что у него чувство опасения перед военными мерами повелителей страны было значительно более тревожным и глубоким, чем это подходило для мирного рыночного мастера.

Однако лавочник не мог угадать мыслей парсиса, который в тон ему ответил:

— Плохо будет, сосед Курбан... Особенно если национальное собрание не переедет из Дели.

— А если оно переедет?

— В Дели мои братья индуисты и браманисты—дадут у себя на глазах арестовать всех депутатов и будут только поститься, да угнетенно переносить все, пока инглизмены не загонят всех их на плантации, а сами рассядутся в рынке торговать, как у себя дома. Это уж там так наверно будет. А потом станет и нам здесь делать нечего...

— Что же нам делать, сосед Варис?

— Не знаю; плохо будет, сосед Курбан.

— Если бы сюда приехали депутаты! Мы бы все им предоставили и сказали—распоряжайтесь!

— О, мы знали бы, что делать!

Шлифовальщик заложил в топочку паяльник. Позументщик ушел в свою палатку.

Пройда (это был он) скрыл улыбку и нагнулся над паялом.

На минуту он задумался и как-то опустился, дав безвольно опасть на цинковку, на которой сидел, своему костистому телу.

Он находился в Бенаресе уже около недели. Организация коммунистической партии предоставила ему ряд возможностей для того, чтобы под видом какого нибудь легального занятия скрыть свою революционную деятельность. Он выбрал себе занятие уличного ювелирного мастера, переняв на время палатку и инвентарь от одного туземного сообщника, как заранее еще наметил это себе в створе с Таскаевым. Тем временем он, повидавшись с Кукумини Бай и несколькими вожаками организации, сделал им доклад о том, что предпринимает фашизм и какие силы им может противопоставить революция. Затем он побывал на тайном партийном собрании, на собрании правления союза нач-герлей, рабочих пристани, вокзала и некоторых мастерских.

Расшифровав перехваченные письма к Бурсону и сопоставив ряд сделавшихся известными ему, фактов, он объяснил руководителям индийских коммунистов о том, что компрадор—посредник английских банкиров Санджиб Гупта является агентом фашистов. Сообщил, что выступление анамитов и индусов в Индо-Китае является делом рук этих же фашистов и имеет целью провокацию войны. Теперь провокация уже обнаружилась и, вследствие требования соглашательских левых элементов европейских парламентов, Лигой Наций в Сайгон послана следственная комиссия из депутата социалиста Арну Дюваля и филантропа Труксена. Икс Ложа фашистов заинтересована в том, чтобы недопустить разоблачений этой комиссии. И вот компрадор поручал от имени секретариата Ложи Бурсону в тех письмах,

которые перехватил Пройда, уничтожить членов комиссии. Другим не менее важным сообщением этих писем была справка о том, что для подавления назревающего в Бомбее восстания рабочих будут отправлены в распоряжение дружин Санджиба Гупта пулеметы, с тем, что дружины заранее расставят их по плану в определенных пунктах и, при выступлении рабочих или националистов, расстреляют революционные массы.

Обдумыванию планов фашистов преданся на минуту Пройда, не переставая отделять камни и вставлять их в пояс одной из организованных танцовщиц.

Он не провел в бездействии эту неделю. Как только из расшифрованного письма Пройда узнал, что белогвардеец фашист Бурсон должен организовать убийство комиссии в Камбодже, он немедленно же послал туда Нур Иляша, хотя за кровавым полковником и следили уже Петряк с Первин. Затем Дадабай Пройда сделал поручение обойти учреждения тайной и явной полиции и переснять натурографом шпионов, агентов фашистских бюро, дружины туземных „морд“, организованных богачами и полицией.

Так как в Бомбее, вследствие недавнего захвата фабриками рабочими, теперь началось усмирение, то он направил туда одного индуса—члена организации для фотографирования событий.

Наконец, чувствуя, что события в стране назревают и только не хватает искры, чтобы вспыхнуло во всей стране всеобщее восстание, он написал ряд писем, в одном из которых вызывал Тарканатру из Москвы для руководства партией.

В то же время по его настоянию индийские коммунистические организации должны были собраться на нелегальную конференцию, которая сделалась тем более необходимой, что правительство распустило национальный индийский конгресс и начало снова усиленно арестовывать националистов.

Надо было, однако, действовать еще энергичнее, с еще большими силами, и как их казалось теперь мало Пройде! Но все, что надо для торжества революции, делалось.

И по мере того, как к мнимому шлифовальщику возвращалось сознание о необходимости действий, он делался увереннее, и движение его паяльника становилось твер-

же. Выровнялись и поднялись плечи, затем выпрямилось туловище, наконец, напряглись и сделались стальными ноги. На лбу образовался угол кровеносных взбучившихся жил.

Надо было действовать!

К палатке кто-то подошел и остановился.

Пройда поднял глаза и узнал в подростке, прикрытом рваной чогой, Стремякова.

— А... Наконец!

Он поднялся, оглядываясь по пространству переулочка, через который колыхалась передвигающаяся толпа восточного рынка, и быстро, чтобы не задержать комсомольца, спросил:

— Таскаев тоже пришел?

— Да...

— Встретили вы в дороге переселенцев? Возвратились с вами Чекарев и Вагонетка?

— Да, все собрались...

— Сколько человек оставил с собой Таскаев?

— Пятерых.

— Где вы остановились?

— Возле вокзала под бассейном.

— Хорошо! Вы идите, устраивайтесь вот по этому адресу, там уже готова техническая мастерская и находится Партаб-Синг. До вечера устраивайтесь и отдыхайте, а вечером в редакцию „Свараджа“ пусть придет Таскаев и вы с Партабом. Благополучно прибыли?

— Да, по дороге в поезде узнали, что какой-то индусский финансист или коммерсант, учредитель английских банкирских контор в Калькутте, Бомбее и Бенаресе из сынков буржуазии и разных отбросов, организовал отряды фашистов,—по здешнему „морд“, а по нашему черносотенцев, против коммунистов и вооружает их.

— Как зовут этого коммерсанта?

— Санджиб Гупта.

— А, хорошо... Значит, до вечера! Спросите в „Сварадже“ Лотику Гора...

Стремяков отошел от палатки и, последовав за выступившим по рынку трио каких-то полуголых варваров, исчез в толпе.

Возле шлифовальщика остановился индус матрос, принесший в починку запястье, то-ли полученное от возлюбленной, то-ли украденное. Служитель какого-то храма прогнал мимо палатки несколько коров. Продавщик бетеля, остановившись среди улицы, разругался с водовозом, хлюпнувшим нечаянно водой в его корзину.

Группа горожан мусульман и индусов остановилась возле одного фокусника и поощряла его криками на дальнейшие номера. Предостерегая увлекшихся от несчастья, захрипела сирена автомобиля, прокладывающего себе дорогу. Где то гудели еще большие толпы...

Сосед Варис, он же организатор необыкновенно задуманного заговора—Пройда, начал торговаться с матросом о цене за работу, а когда рынок стал пустеть, закрыл палатку и направился в город.

Вечером в одном из задних помещений редакции туземной газеты „Сварадж“, в квартире учительницы женской школы Лотики Гора, для того, чтобы познакомиться друг с другом и отдохнуть в товарищеской среде, собрались прибывшие из далекого пути товарищи и несколько человек участников местной организации коммунистов.

Из этих местных товарищей, кроме самой Лотики, была еще возглавлявшая тайную организацию нач-герлей Кукумини Бай, два руководителя студенческих обществ и метранаж из типографии газеты Бенарджи.

Бенарджи был за морем, хотел учиться в Англии, но лишился помощи со стороны отправившего его туда прежнего редактора газеты—националиста и, возвратившись после этого на родину, снова поступил в типографию, для работы по своей прежней профессии, а, кроме того, занялся методической подпольной деятельностью, применяя на практике те свои сведения о коммунистической борьбе, которые он получил от встреченных активных большевиков Европы, во время неудачной попытки ознакомиться с наукой английских университетов.

Лотика Гора была одной из тех самостоятельных индусских девушек, которых пробудившееся национальное самосознание заставило отречься от „пурда“¹⁾ и „зенапа“²⁾:

¹⁾ Пурда—обычай ходить с закрытым лицом.

²⁾ Зенапа—затворничество женщин.

оставить глубокие покои задних женских комнат в домах родственников и попытать свои силы на арене общественной деятельности.

Таких женщин уже не мало занималось в Индии обучением своих соплеменниц, их организацией, журналистикой и различной культурной деятельностью.

Из знакомых уже нам друзей и товарищей Пройды, явились Таскаев, Стремяков, Партаб-Синг и Дадабай.

Пока Лотика готовила в медном кувшине шербет, Дадабай и Кукумини расположились на одной циновке и весело болтали о своих профессиональных делах, а Пройда, Бенарджи и студенты живо спорили о том, нужно ли из Дели переезжать куда нибудь национальному собранию.

Бенарджи приводил доводы за то, что Дели менять на Бенарес не имеет никакого смысла. Ни в одном, ни в другом городе нет пролетариата.

Таскаев устроился на диване и, чувствуя себя после долгого пути в кругу товарищей, „как у Христа за пазухой“, с блаженным спокойствием то следил за болтавшими девушками, то переводил довольные глаза на мужчин и едва не смеялся радостным смехом.

Стремяков сидел прямо на полу возле дивана, как бродяжка нищий, допущенный к празднику живущих в довольстве людей.

Всем было хорошо.

Когда вошла Лотика и разлила в чашечки шербет, разговор стал общим. Заговорили о том, что английские империалисты очевидно готовятся к подавлению восстания, раз они присылают к берегам Индии крейсера. С другой стороны, все теперь зависело от того, как поведет себя национальное собрание.

— Если правительство заставит выпустить с крейсеров хоть один снаряд в мирное население, вся Индия восстанет от дельты Ганга до Солемановых гор, как один человек! —сказал Бенарджи.— Во всяком случае оружие и бомбы у нас есть... Студенты и рабочие об'единили тайные дружины в один штаб. Левые националисты решили всячески поддерживать коммунистов. Посмотрим!..

— А правительство это сделает, конечно, раз присылает сюда эскадру,—произнесла Лотика.

Каждый из собравшихся, отхлебывая шербет, думал свою думу.

— Чем все это кончится в Европе, скажите нам, товарищи русские?—воскликнула снова Лотика. К чему приведут фашистские авантюры и открытые насилия капиталистов? Сколько из-за них по всему миру прольется крови? Неужели они разобьют нас, а потом объявят войну советам и пойдут против Москвы?

Таскаев улыбнулся. Бенарджи энергично повел плечами и сжал по швам белых штанов кулаки, как будто собирался отшвырнуть всякого, кто задумает что-нибудь не только против Индии, это еще куда бы там ни шло, а против советов. Студенты вопросительно взглянули на Пройду.

Пройда засмеялся.

— Без войны и крови, конечно, не обойдется ни здесь, ни в Европе. А кончится это... Знаете, чем это кончится?

Все вперли глаза в сухого, как будто он был отродясь испечен солнцем, рабочего большевика, которого в его пагре, белом кафтане, широких штанах, с кольцами в ушах и козловых кожаных туфлях с изогнутыми носками, не отличила бы даже его собственная мать от парсиса.

Пройда, повернувшись лицом к собравшимся, блеснул довольными глазами.

— Это кончится тем, что все мы через несколько месяцев из Индии торжественной делегацией поедem в Москву, на великий съезд большевиков всех стран. Поедет Кукумини, Бенарджи, Лотика, Дадабай и сотни других наших братьев и сестер. Москва по случаю победы народных масс в Индии будет утопать в знаменах, шуметь и гудеть. Кукумини, Бенарджи и Дадабай, сядут в автомобиль... Массы московского пролетариата будут кричать „ура“ представителям и представителям свободной Индии. „Джаратер Бая!“ „Хиндустан Дже!“ Дадабай, Кукумини и Бенарджи поднимут руки, разовьют шарфы, крикнут „слава! слава!“ Дадабай объявят председательницей комсомолок всех стран. Радуйся, Дадабай певучая!

Пройда вдруг остановил взгляд на унесшейся куда-то в счастливой мечте подруге Кукумини. Дадабай сидела на цыновке и, отдавшись всецело тому, что говорил большевик,

ритмически в такт своим мыслям двигала пальцами босых ног, как будто она в самом деле сидела в автомобиле и блаженно важничала под шелковыми зонтами.

Остальные гости, пившие шербет, оглянувшись также по направлению взгляда Пройды, вдруг увидели, как Дадабай в полном самозабвении то сжимает, то разжимает пальцы ног, плотно стиснув губы и из-под лба глядя далеко перед собой.

Девушка, очнувшись, увидела, что на нее смотрят, и также с недоумением посмотрела себе на ноги.

— Ай!—воскликнула она, появив почему на нее все уставились. И, вспыхнув, как уголек, она упала головой к себе в ноги, пряча в них глаза.

Дружный товарищеский хохот засвидетельствовал девушке сочувствие собравшихся к ее мечтам. Студенты воскликнули „ура!“

Кукумини вскочила и обняла подругу.

— Ах, простушка, простушка, певучая дикарка Дадабай!

Друзья успокоились от взрыва веселья. Они заговорили о том, как использует партия Индии чудесные аппараты Таскаева, как использовать, изменившееся в сторону вооруженной борьбы, настроение националистов и народных масс.

По пятам врага.

Петряк и Первин неотступно следовали за Бурсоном с его агентами, вскоре выехавшими из Майенвили. Им пришлось побывать в Калькутте, Рангуне, Банкоке и, наконец, они очутились в камбоджийском областном городке Пном Пенхе на реке Меконг, населенном, кроме камбоджийцев и индусов, еще анамитами, китайцами, малайцами и небольшим количеством европейских чиновников, которые в стремлении к успеху, попытав счастья на родине и не достигнув удовлетворения, оказались в этой части колоний, чтобы здесь всеми мерами насилия над туземцами создавать себе положение.

Здесь население еще находилось под впечатлением только-что подавленного восстания камбоджийцев и инду-

сов. Сенегальцы солдаты под командой французских офицеров и теперь были наготове возле казарм. Полицейское бюро производило усиленную работу по проверке населения, вышухиванию участников восстания и поискам оружия. Французские офицеры, сержанты и чиновники резидента-губернатора ходили мимо белых плоскокрытых домов туземцев с видом победителей.

Бурсон с негром поселился в доме одного анамита. Гризетка француженка и известные нам „атташе“ Дон Пабло Домореско и швед, с которыми полковник сподвигчал в Майенвиле, устроились, наоборот, в европейской гостинице.

Петряк, убедившись, что тут (на краю света, казалось ему) нужно бросать якорь и ему с его компаньонкой, сейчас же вспомнил, что Пном Пенх был одним из пунктов, куда должен был также прибыть с натурографом комсомолец из „Батальона всех за всех“. Поэтому, облюбовав себе с Первин в качестве тайного обиталища заброшенный сарай хлопковой плантации за городом, он начал под видом немого беспризорного мусульманского попрошайки рыскать по улицам с надеждой встретить кого-либо из товарищей по делу и установить с ними связь. Первин он поручил вертеться возле ворот двора того анамита, где поселился Бурсон, и той гостиницы, где остановилась гризетка.

Вскоре он заметил, что оба пособника фашиста куда-то уезжают.

Он с Первин проследил их и услышал название станции, когда они покупали билет: Сайгон. Если бы Петряк был в курсе намерений Бурсона, и знал то, что уже было в это время известно Пройде в Бенаресе, а Граудину в Лондоне, то он, сообразив, что это пункт, где остановилась следственная комиссия, поехавших для изобличения английского правительства, пацифистских парламентариев, сразу догадался бы, что именно нужно в Сайгоне агентам Бурсона. Но парень и так не сомневался, что фашисты совершают свое турне не для ради пустого времяпрепровождения.

Однако, не успели уехать погромные джентльмены, как Первин сообщила, что уезжает и гризетка. Она отпра-

вила на склад страховой транспортной конторы багаж, и по адресу его отправления ребята немедленно определили, в какой далекий путь собралась красавица авантюристка. Местом назначения багажа оказался Бухарест—столица Румынии. Даже там нашлось какое-то дело компаньонке Бурсона.

Узнав это, Петряк усилил свою бдительность и пошел на риск.

Ему удалось пробраться во двор анамита хозяина квартиры Бурсона, когда к полковнику приехала на прощальное свидание гризетка.

Прежде чем кончилось их свидание, Петряк пришел взволнованный к Первин и начал с ней делиться планами.

— У этой французской мамзели в шляпке драгоценная для нас бумага. Бурсон дал ей мандат на с'езд фашистов. Они сейчас оба выедут. Мы должны проделать чудеса изобретательности, чтобы овладеть документом. Слушай: она будет проезжать вместе с ним по мосту, Я сделаю так, что шляпка у нее к чорту, хотя бы вместе с головой, слетит в воду, когда они будут переезжать реку. Ты должна быть в воде и или поймать или схватить шляпку. Сделай это и немедленно улетучивайся. Мне придется ночь провести на другом берегу. Ты жди меня до утра. Если я благополучно возвращусь, то хорошо, а если нет, то сестричка, что хочешь делай, но немедленно доставь в организацию в Бенарес те бумаги, которые будут в шляпе. Скорее идем, а то опоздаем. Не боишься ты, товарищ?

— Нет, с тобой, братик русский, не боюсь.

— Хорошо, танцующий безродный граченоч... Идем тогда.

Оборванная пара молодых уличных азиатцев достигла моста, проложенного через реку, на другом берегу которой непосредственно раскинулся европейский квартал нескольких бунгало. Было хотя не так поздно, чтобы оборвышей не встретил какой-нибудь поздний прохожий, но Петряк действовал напропалую.

На одном конце узенького моста была сделана крохотная будочка заброшенной мостовой заставы и под'емный шлагбаум. Эта будочка и шлагбаум и явились базой для отчаянной попытки Петряка.

От поднятого верха шлагбаума к крыше будки он, пользуясь темнотой ночи и отсутствием живой души близко, протянул веревку, как их устраивают для вешания белья, достаточно однако отпущенную, чтобы маневрировать ею. Затем в будочке, своим дном помещавшейся над водою, поднял доску пола, чтобы при надобности нырнуть в нее. Прежде чем уцепиться под потолочком на перекладинке, где он облюбовал себе позицию для действий, он объяснил Первин еще раз, что именно он сделает.

Затем, услышав вскоре после того, как все было готово, приближающихся всадников, тронул рукой девушку и приготовился сам.

Всадники, не подозревая засады, в полной темноте въехали на мост. Впереди была женщина, как бы нащупывавшая дорогу.

Петряк поднял веревку.

Только что поравнялась всадница с шлагбаумом, как вдруг, что-то под ней шурхнуло и изо всей силы рвануло ее по голове. Истерический крик ужаса вырвался у амазонки из груди, обе лошади рванулись, женщину арабская кобыла понесла, а мужчина, наткнувшийся грудью на веревку, вылетел из седла.

— Джерси!—крикнул Бурсон, поднимаясь и бросаясь бежать за всадницей и своей лошадейю.

— Лучше, чем я думал!—Вскочил и воспрянул духом Петряк... Хорошо... Можно даже веревку снять.

Он обследовал мост. Нашел удаляющуюся тень Первин под мостом в воде и снял веревку с будочки. Прислушался и подумал, не лучше ли ему догнать свою сообщницу. Однако на берегу слышался голос полковника и подвергшиеся нападению должны были прийти искать шляпку. Тогда Петряк быстро сошел с моста, юркнул на берег и ушел в закоулки города, чтобы где-нибудь в случайном задворке провести ночь.

Он устроился на берегу за полторы версты от моста под лодкой.

Перед рассветом он заспешил к Первин, зная что она будет беспокоиться.

Однако он не пошел через мост, боясь места вчераш-

него нападения, а переплыл реку и вошел в город с другой стороны.

Но только, что он вступил в город, как вдруг почти лицом к лицу столкнулся с таким же, как он, ранним бродягой. Это был негр—слуга Бурсона.

Невольно Петряк побледнел, увидев что попался в такое недоброе время на глаза чернокожему.

Негр тоже растерянно было остановился, а затем вдруг быстро подошел и схватил юношу за плечо.

— Говори,—прошипел он по французски.—чего ходишь, чего смотришь?

— Мы—ы—ы! М—м—м—ы—ы!—отбивался и, вопросительно вытаращив глаза, истошно мычал, симмулируя немого Петряк.

— Убью! рычал негр. Поведу в полицию...

Это может быть было бы не такой страшной угрозой, если бы из-за угла не показался случайный обход стражи в лице трех полицейских, которые немедленно двинулись к месту столкновения негра с оборванцем.

Оглянувшись и сорвав из-за спины сумку, Петряк решил, что ему уже не уйти. Он пропал. Нужно было сохранить тайну „Батальона всех за всех“ и Петряк, сунув в сумку руку, нажал кнопку самовоспламеняющейся петарды натурографа, внутри которого все начало бесшумно гореть и плавиться. Вспыхнула и сумка, которую парень выпустил из рук, мыча то на нее, то на негра, то на схвативших и его и негра полицейских.

— Немой!—решили полицейские. В чем дело?—спросили они негра, пытаясь затоптать огонь брошенной Петряком сумки.

— Он ворует! Он выслеживает, кто богаче,—я заметил. Он не немой.

— Идемте к начальнику, он разберет.

И негра и Петряка полсмены повели в канцелярию начальника стражи.

Но негр отговорился и его сейчас же отпустили. Петряка же стали обыскивать перед тем, как оставить в камере. И вот, когда один полицейский оцупывал его, наблюдавший за этой процедурой, вышедший шпион анамнт вдруг быстро схватил сыромятный кожаный пояс Петряка.

ткнул пальцем в шов посреди пояса, где были стачаны два конца и, вынув нож, быстро распорол складку этих концов.

Как же содрогнулся Петряк, когда он вспомнил, что у него в поясе лежит, безрассудно состряпанный для него одним приятелем перед отправкой из Москвы, фальшивый мандат, удостоверяющий будто податель его, товариш Петряк, является и агитатором, и организатором, и уполномоченным для сношений с коммунистами во всех странах, комиссаром, и чуть ли не главным барабанщиком и музыкантом всемирно известной Первой Конной Армии..

Петряк мысленно умер.

Шпион же, наткнувшись на бумажку, едва не подпрыгнул от радости за то, что оправдалось его подозрение.

— Что?—рычал он во все стороны, немой! Русский штучка! большевистский штучка! Звереныш, у—у—у какой злой дух из самой Москвы сюда забрался!..

Перепуганные полицейские, посмотрев на непонятную бумажку, вдруг сразу изменили свое поведение и сейчас же панически обступили Петряка, убитого не столько собственным провалом, сколько обнаружением рокового документа. Провал с этой бумажкой был для него теперь равен гибели его репутации перед комсомольской братвой всего мира.

Полицейские ничего этого не знали.

— Начальнику это!—держались целых три варвара за несчастный мандат.

— В колодки джалы ¹⁾ его!—волокли они Петряка.

И парализованный подросток даже не сопротивлялся, прощаясь заранее с жизнью.

Его привели в какой то пустой каменный, темный простенок тюрьмы, где маленькая, с кулак величиной амбразура в толстой стене была единственным источником света.

Здесь валялись на земляном полу избитые остатки соломы.

Когда ввели сюда Петряка, группу полицейских и схваченного узника, догнал какой-то дикий азиат тюремщик, который своими глазами хотел посмотреть на необычайную жертву ареста.

¹⁾ Джала — тюрьма.

Он скомандовал что-то, и Петряка, дергая во все стороны, усадили на пол, замкнув его ноги в колодки.

Пригрозив ему еще расправой и ткнув об пол, тюремщики, наконец, ушли.

Петряк убито поник головой.

Одна невыносимая мысль ворочалась в мозгу парня. Он очень быстро сообразил, что как не опасна была находка мандата полицией лично для него, значительно худшим однако было то обстоятельство, что местные власти и прежде всего французское правительство, во владениях которого он был схвачен, использует эту находку для подрыва престижа Союза Социалистических Советских Республик. Франция, правда, давно уже признала советское правительство. Но это, вынужденное обстоятельствами, признание было весьма непрочным, и все отношения между реакционно-демократическим французским кабинетом и Наркоминделом СССР сопровождалась постоянной угрозой их разрыва. При чем главным жупелом не только у французского, а и у всех правительств буржуазии, посредством которого они пугали обывательское и мещанское воображение, так называемой, демократии, была вот уже в течение почти пяти лет „большевистская пропаганда на Востоке“.

Никто этой „пропаганды на Востоке“ советского правительства нигде до сих пор раньше обнаружить не мог, хотя чего кажется не дал бы любой кабинет министров Европы и Америки, чтобы только доказать, хотя бы одним примером существование связи между деятельностью коммунистов в разных странах и советским правительством. И вдруг, случайно обнаруженное, самочинное удостоверение комсомольца давало в руки империалистов всех стран такой повод для самых яростных выступлений против советских республик, что, думая теперь о последствиях своей неосторожности, Петряк не мог считать себя иначе, как злейшим врагом и предателем советской власти.

Мог ли он в самом деле с таким сознанием своей вины спокойно теперь думать о товарищах и об общем с ними деле? Не принес ли он вреда своей несчастной страстью к бумажкам значительно больше, чем пользы, какую принесла его работа в организации комсомола? Несомненно

французские власти, используя документ, раздуют этот случай, всем станут известны обстоятельства его провала, и тогда мало того, что он погибнет от руки врагов, но еще вдобавок и друзья о нем будут думать с презрением.

— Ах, проклятие! — метался несчастный семнадцатилетний колодник, судорожно вздрагивая в своем тряпье и горячечно блуждая глазами то по одежде, то по тяжелому дереву колодки, не дававшей даже подняться ему и удариться головой о стену, то по темному пространству своей каменной могилы.

— Но неужели ничего нельзя сделать?

И Петряк закачался над колодкой, продолжая свои думы.

— Что сделает Наркоминдел в России, если получит от французского правительства ноту об обнаружении агитатора с советским удостоверением? Он, не подозревая даже о деятельности „Батальона всех за всех“, конечно, обявит это удостоверение подложным, ибо органы советской власти никогда таких документов не давали и командировок не делали. А если французский представитель в Москве захочет проверить по регистрационным журналам подлинность мандата? — спросил сам себя Петряк. И вдруг он поднял голову, осененный новой мыслью:

— Да ведь он там ничего не найдет: удостоверение собственного производства. Ура! Дутый номер ставился на глазах самого Петряка... Пускай ищут!

И обрадованный Петряк вскочил бы на ноги, если бы тяжелые колодки не ссадили ему ногу, как только он сделал резкое движение.

Но как же вернее идти к цели, чтобы его показания носили характер вероятности? Это надо было обдумать. И подорванный несчастьем, но не упавший духом, парень снова начал работать головой.

Его не интересовало, поверят ли французские власти его оправданиям. Но если он заявит и запишет в протокол о том, что удостоверение подложно, то французское правительство вынуждено будет с этим считаться и во всяком случае потеряет право оперировать с мандатом, как с подлинно советским документом. Хорошо! Это выход.

Петряк не изменит коммунистической партии, даже безвестно погибая в колодке или под пытками империалистов.

Правда, в таком случае с ним поступят без всякого снисхождения. Он тогда прослышет перед всеми, кто не будет знать его поступка, в качестве белогвардейца и фашиста. Его имя будет называться вместе с именами других поддельвателей антисоветских документов. Но пускай! Зато своим показанием он искупит собственную вину перед делом революции! Пускай же!

— Все одно погибать, — думал юноша. — Жаль только, что не будет знать по настоящему, что случилось со мной Первин, которой не все равно это. Жаль только, что с Первин проститься не пришлось. Эх, не везет!

И у парня засосало в груди.

Петряк повел себя рукой по первому еле пробившемуся пушку на месте усов, и у него дрогнули губы, а на глазах показались слезы.

Он прощался со всем на свете, видя ясно впереди только одну гибель.

Против самого себя.

Мысли Петряка один раз были прерваны появившимся начальником полицейской стражи, который пришел с несколькими стражниками, молча уставился на несколько минут острыми глазами в юношу, разглядывая его в свете открытых дверей и также молча ушел, кивнув головой, чтобы закрыли дверь.

Затем через несколько часов парня вызвали на допрос в контору, при чем здесь уже был не только начальник полиции, но и несколько чиновников с переводчиком и возглавлявший их французский губернатор.

Пожилой генерал-губернатор с минуту посмотрел на оборвыша и обратился к подростку с вопросом по французски:

- Французский язык знаешь?
- Знаю.
- Сколько лет?
- Семнадцать.
- Когда в большевистские агенты поступил?

— Никогда не поступал.

— Гм. Откуда удостоверение большевистское получил?

— Мои показания записываются?—спросил Петряк.

— Гм. Опыт какой! Гм!—Губернатор оглянулся и ткнул на чиновника, писавшего за столом протокол допроса.

— Вот, видишь! Все будет записано, если правду скажешь...

— Я скажу во всяком случае то, чего вы не ожидаете, раз вы считаете меня агентом большевиков. Я заявляю, что этот документ подложный...

— А, вот что... это очень интересно... Записывайте, записывайте, секретарь... Мы этого молодчика изловим... Кто же его подделал?

— Кто его подделал, я не знаю, но от кого я его получил, это сказать могу...

— От кого же? очень, очень, интересно!

— Получил я это поддельное удостоверение, написанное будто бы большевистскими властями, от человека, который называет себя полковником Бурсоном—и который в настоящее время проживает здесь в доме атамита Агли Вана.

— Вот что, зачем же он вам дал его?

— Он в самом деле не англичанин Бурсон, а русский белогвардейский офицер—князь по имени Николай Ардальонович... Фамилии его я не знаю. Он решил всю свою жизнь посвятить борьбе с большевиками. Он нанял меня еще возле афганистанской границы, где я бродяжничал, ища средств к существованию, вследствие ряда несчастий в семье моих родителей. Он сказал мне, что заплатит много денег, но только чтобы я везде и всюду ругал французское и английское правительство перед туземцами и дал мне это удостоверение, сказав, чтобы я его обязательно носил с собой. Я понимал, что он хочет, чтобы меня арестовали, но я думал, что у меня его не найдут и спрятали его, как можно дальше. Теперь, когда я вижу, что дело принимает такой опасный для меня характер, считаю, что лже-Бурсон скорее всего и выдал меня, так как арестовал меня его слуга негр. Поэтому я решил лучше сказать, что мне выгоднее.

— Ты не сочиняешь, молодец?

— Проверьте...

— Мы проверим... Только мы не будем искать какого-то Бурсона, а поручим нашему представителю в Москве прислать подтверждение подлинности документа...

Губернатор испытующе посмотрел на Петряка.

— Это дело ваше, как вы будете проверять,—спокойно ответил тот.—Мне важно установить, что я не преступник, а сам—жертва злого умысла.

— Посмотрим. Уведите арестанта...

Губернатор, однако, сказал неправду, заявивши о том, что он не будет искать Бурсона. Наоборот, он поручил немедленно полиции и шпионам проверить, есть ли такое лицо в городе и установить за ним на пару дней слежку, после чего под осторожным предлогом пригласит его к нему для допроса.

Петряка пока на это время оставили заброшенным в колодках.

Полковник Бурсон раздосадованный случаем на мосту, когда, вследствие какого-то невыясненного происшествия, его сообщница чуть не лишилась жизни, ждал со своим слугой результатов того предприятия, из-за которого он приехал.

Прошло два дня со времени отъезда его сообщницы, когда в дом Агли Вана явился посыльный и попросил Бурсона от имени губернатора явиться в его дворец. Бурсон, сохранявший здесь во всяком случае инкогнито, удивился, но пошел.

Губернатор принял его в кабинет и вежливо предложил садиться.

Не понимавший в чем дело Бурсон сел и выжидательно посмотрел на губернатора.

Тот с любезной веселостью начал:

— Я извиняюсь, полковник, что попросил вас посетить меня, но у нас только что произошел прелюбопытнейший казус, который все таки требует, чтобы вас с ним ознакомили... Мы арестовали на днях здесь русского большевика с документом, спрятанным в поясе. Не сомневаясь ни на минуту в том, кто он, мы произвели допрос. Но знаете, что он при этом стал нам сообщать?

Губернатор, с вопросительным любопытством уставился на Бурсона.

Последний, спокойно подняв жестокие глаза, ответил, предлагая очевидно продолжать:

— Да, — что же?

— Он заявил, во первых, что будто имел сношение с вами... Что вы не Бурсон, а русский князь...

Губернатор снова остановился и секунду следил за искоса взглянувшим на него Бурсоном.

— Вы что-нибудь скажите по этому поводу?... — спросил он с осторожной напряженностью.

— Что же, что я не Бурсон, или вернее и Бурсон и русский князь... это правда, — холодно ответил Бурсон. Что он вам еще сказал?

Губернатор с удивлением приподнялся.

— Но если это правда, то я должен начать следствие и арестовать, может быть, даже вас. Кто же вы в самом деле?

Бурсон свысока измерил губернатора взглядом и, подняв голову, указал на брелок губернатора с каким-то значком.

— У вас это брелок случайно или символ союза?

Губернатор сделался сразу сдержаннее.

— Символ магистров...

— Хорошо... Я магистр грамоты личного посвящения Икс-Ложж. Вот мой знак...

И Бурсон, открыв жилет, показал черный нагрудник, на котором выделялся белый знак Икс со знаками свастики по обеим сторонам.

Тотчас же губернатор, как это не было неожиданно, почтительно встал и скрестил на груди руки.

Бурсон закрыл жилет.

— Протокол допроса этого большевика велся?

— Да...

— Дайте мне его!

Губернатор покорно развернул портфель и извлек из него папку. Затем он нашел в ней допросный лист Петряка и подал его Бурсону.

Тот внимательно прочел его, прожигая глазами строки мелкого почерка. Читая, он сопоставил в уме ряд фактов

с теми сообщениями, какие делал Петряк. В голове его мелкнули кое-какие догадки о слежке за ним. Не обнаруживая, однако, беспокойства, он взглянул на все также почтительно стоявшего губернатора и, положив на стол папку, вырвал из нее допросный лист. Он положил его себе в карман, а остальные бумаги перервал и бросил.

— Я здесь по одному особому делу, о котором распространяться совершенно излишне. Не мешайте мне. Что же касается до этого мальчишки, то кто бы он не был, он знает больше, чем это допустимо знать кому бы то ни было. Но ваше следствие это длинная и ненужная история. Я пришлю к вам вечером сегодня негра — слугу и вы распорядитесь, чтобы арестованного с ним отпустили. О дальнейшей его судьбе после этого не заботьтесь. Поняли?..

Губернатор, понимая многозначительность вопроса, утвердительно кивнул головой.

— До свидания! Очень благодарен, что вы осведомили меня об этом случае не обычным полицейским способом, что было бы значительно хуже. Продолжайте, губернатор, ваши дела...

Бурсон подал руку и ушел.

Губернатор задумчиво сел в кресло и долго думал о происшедшем.

Читайте интересный роман

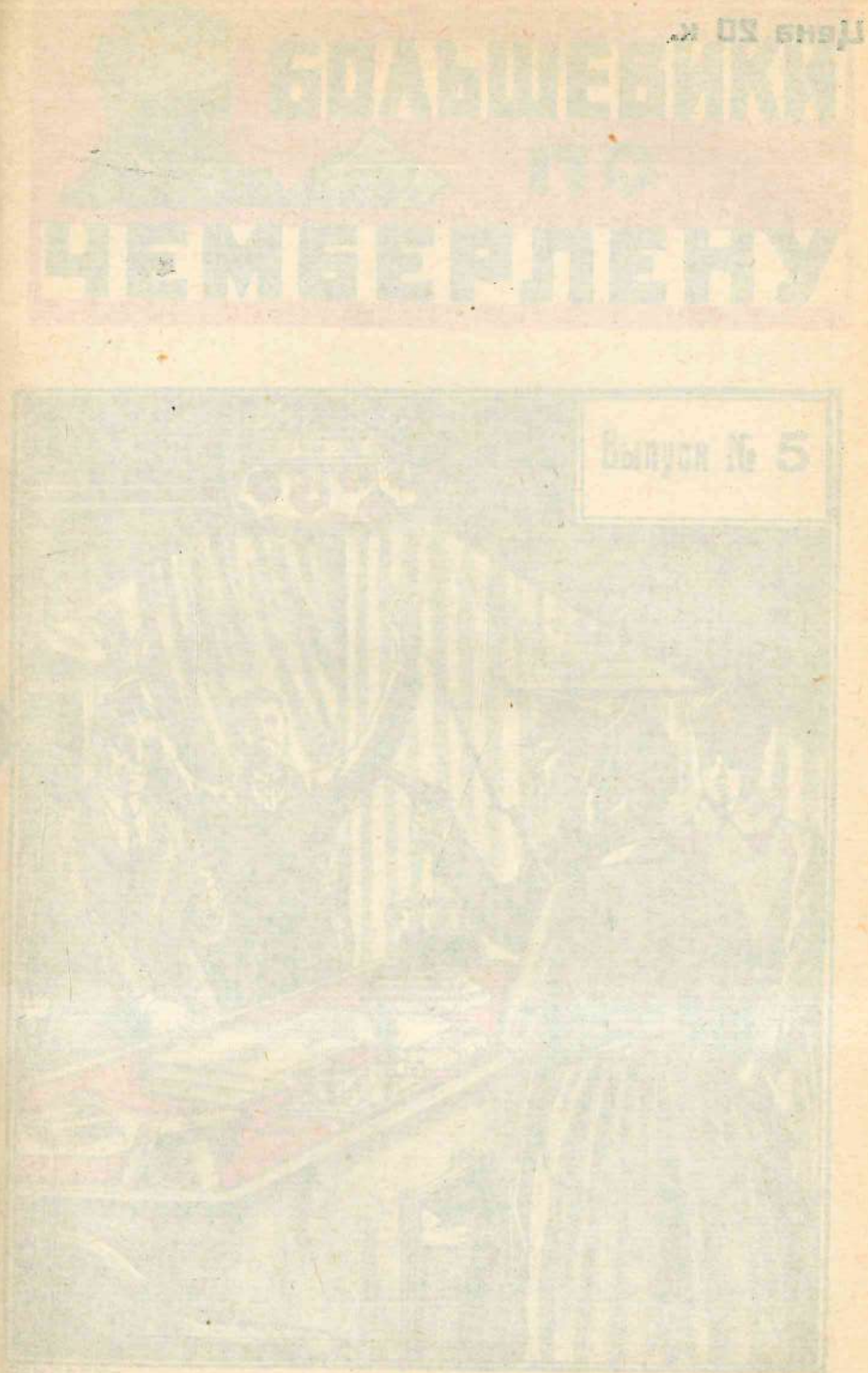
**„Большевики
п о
Чемберлену“**

Требуйте в киосках, у газетчиков и
во всех книжных магазинах выпуски

„БОЛЬШЕВИКИ

**п о
ЧЕМБЕРЛЕНУ“**

Очередные выпуски в печати

Цена 20 к.

Читайте исторический роман

„Большевики
по
Чемберлену“

Требуйте в книжках, у газетчиков и
во всех книжных магазинах лядушки

„БОЛЬШЕВИКИ
по
ЧЕМБЕРЛЕНУ“

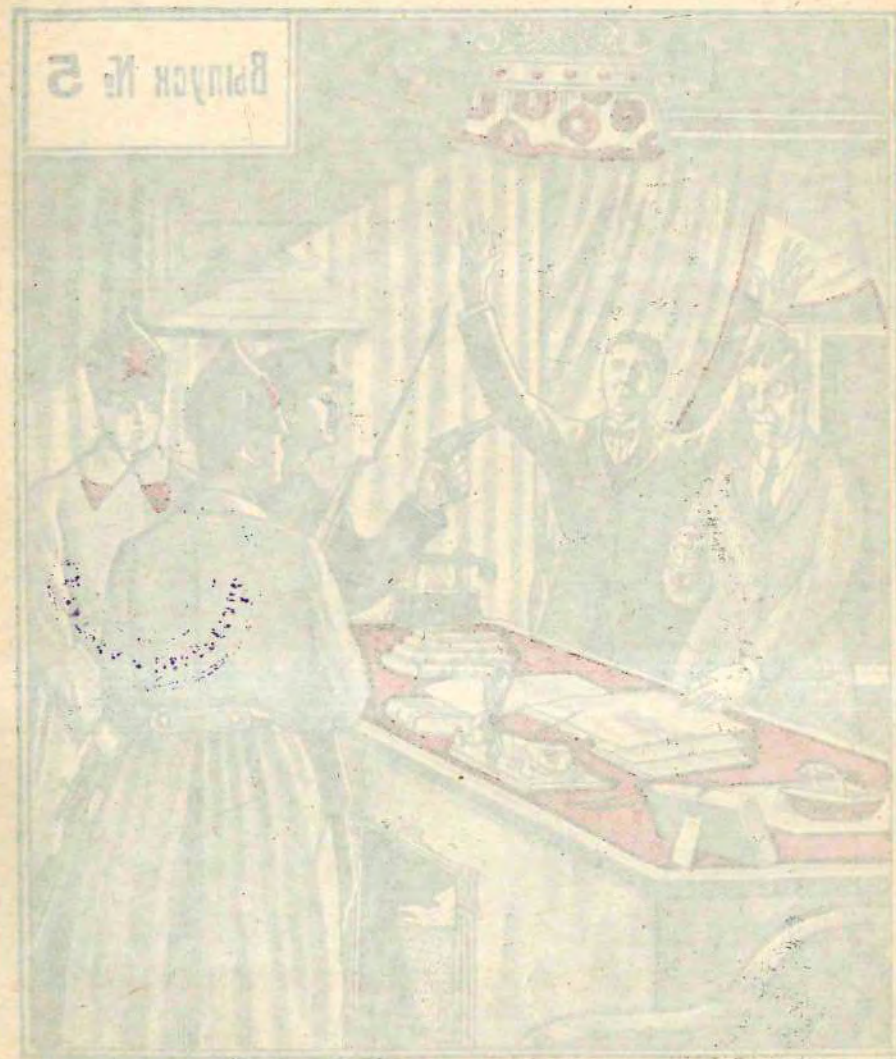
Очередные выпуски в печати

БОЛЬШЕВИКИ
по
ЧЕМБЕРЛЕНУ

Выпуск № 5

ФРИДГАТ

Тов. Инкогнито.

Большевики по Чемберлену

(Фантастический роман)

Выпуск 5.

1925 г.

„Новая Москва“

Первин оказалась верным товарищем Петряка в том деле, которое молодым людям поручил Пройда.

В тот вечер, когда уезжала сообщница Бурсона, молодая танцовщица, спустившись в воду и спрятавшись возле борта мостика, выждала пока всадники наткнулись головой на веревку, после чего у „белой начгерл“, как мысленно окрестила Первин гризетку, слетела шляпа на край моста, которую Первин тут же схватила и, как ей велел Петряк, быстро с ней направилась к берегу.

Мимо нее по мосту пронеслась замершая от ужаса на лошади гризетка, затем промчалась лошадь полковника и, наконец, пробежал Бурсон.

Первин пропустила всех их, а сама вышла на берег, посмотрела, не догонит ли ее замешкавшийся товарищ, и, памятуя о его наставлениях, направилась к плантации на окраине города, где под складом было ее и Петряка обиталище.

Она стала ждать Петряка. Но чем дальше шла ночь, тем больше начинала беспокоиться она. Она понимала, какую отчаянную дерзость проделал русский с Бурсоном и его подругой. Хотя полковнику в первые минуты происшествия с ним и не дозлоумышленников было, и Петряк имел время скрыться, но зато майенвильский усмиритель мог весь город поставить на ноги после того, как он пришел в себя.

И чем дальше, тем Первин волновалась все больше и больше.

Русский отрок—гази¹⁾ так товарищески делил все невзгоды и всю занимательность опасного заговорщического путешествия с нею, что Первин не раз думала о том, почему он не индус, почему его родители не были соседями ее отца, когда она еще десятилетней девочкой жила в Бирме, пока семью не постигло несчастье смерти ее отца лодочника, после чего девочку взяли жрецы в храм.

Могло бы случиться так, что родители обоих детей устроили бы торжество их брачного соединения, представили бы праздничному собранию родственников мальчика и девочки и, произведя все обряды, предоставили бы молодоженов их будущему.

Этого не случилось,—что же должно было произойти теперь, когда она, бедная танцовщица, в русском подростковом — посланце революции нашла такого переполненного жизнью и заботой о ней и о своем деле друга? Первин этого никак не могла представить себе, ибо понятия о близких отношениях у русских парней и девушек она не имела; Петряк же об этом, очевидно, даже не думал. Первин не знала, что это обстоятельство объяснялось прозаическим неведением Петряка о матримониальных инстинктах, неразумевшего еще о каких-либо иных отношениях к женщинам, кроме товарищеских.

Сама Первин, несмотря на юный возраст, по опыту домов развлечений, где она вращалась около двух лет, уже знала о том, что есть другие области жизни. И вот теперь она боялась думать о каком бы то ни было несчастье, которое могло навсегда оторвать от нее товарища большевика—Петряка.

Всю ночь и добрую часть утра сидела она, поджав ноги на мху, под деревянным полом загородного склада.

Утром, будучи, наконец, не в силах ждать, она поднялась и, положив на то место, где обычно они устраивались вдвоем, чтобы поесть и переждать несколько часов дня или ночи, камень, сунула под него кусочек оторванной от своих одежд ткани, что означало для нее и для Петряка, что она была здесь и скоро придет опять. Тут-же она спрятала под балку в полу шляпку французенки.

¹⁾ Гази—на восточных языках—герой.

Затем она пошла в город. Но, побродив возле храма и по базару, она того, кого искала, не увидела.

Тогда она вновь заспешила к складу, где ночевала, смутно надеясь, что, может быть, уже ее товарищ пришел.

Но когда она брела, неохотно грызя поданный ей в одной лавке остаток куса маисового хлеба, возле полицейского городского двора она заметила таинственно разговаривавших надзирателей тюрьмы и полицейских в фесках и краем уха услышала, что они говорят о мальчике руськ, большевик, сейчас арестованном.

Первин, на секунду остановившаяся, чтобы в своем сознании запечатлеть услышанную фразу полицейского, вдруг побледнела и, поникнув головой, пошла прочь.

Теперь не оставалось никаких сомнений, что Петряк арестован, и нужно было что-нибудь предпринимать.

Но что же? Прежде всего нужно было исполнить последнее приказание Петряка и отправить самым надежным путем те документы из шляпки, из-за которых погибал юноша.

А затем надо было спешить с выяснением того, как для него и ради него погибнуть и самой.

Первин и в голову ни на минуту не приходило бросить теперь Петряка, хотя бы для того, чтобы отправиться с документами в Бенарес.

Девушка, возвратившись в свое убежище, достала шляпку и сейчас же стала зубами разгрызать в ней каждый шов.

Через четверть часа от шляпки остались одни клочки и пух, а в руках Первин оказалась какая-то записочка.

Первин заделала записочку к себе в косы.

Со стовически каменной твердостью духа затем она оглянулась, как на уютнейший очаг, где провела самое счастливое время, на обнаженное со всех сторон подполье сарая, после чего с брызнувшими из глаз слезами вышла из него.

Она решила, что в соседнем, находящемся за несколько десятков верст, городке, она найдет кого-нибудь из бродяжек батальона „всех за всех“ и пошлет с ним в Бенарес. Пройде записку и известие об аресте Петряка, после чего вернется снова сюда обратно.

Ей повезло.

Пропутешествовав голодная, разбитая и прячущаяся от всяких встреч и расспросов один день частью на подводах, частью пеше, она на следующий же день встретила одного пионера, присланного Таскаевым с натурографом для с'емки восстаний, но исполнившего свою миссию и теперь на обратном пути бродившего из города в город по провинциям.

Это был прятавшийся когда-то для наблюдения за фашистом в штабеле дров оратор пионеров Поспелов.

Рассказав ему в чем дело, Первин именем всего отряда заставила его направиться обратно и немедленно доставить письма и известие об аресте Петряка Пройде.

После этого Первин, добыв у товарища пару рупий денег, имевшихся на всякий случай у каждого члена отряда, и запасшись от него хлебом, возвратилась.

Явившись в Пном Пенх и тут же увидев по улице направлявшегося с прогулки домой Бурсона, Первин механически стала следить за ним, пока он не приблизился к тому двору, где жил.

После этого танцовщица повернулась уходить и вдруг очутилась перед Нур Иляшем.

Да, настойчивый и преданный кочегар, посланный Пройдой для разведки на подкрепление Петряку и Первин, в конце концов нашел Бурсона, стал следить за ним и столкнулся с Первин.

Немедленно же девушка повлекла его к своему убежищу под складом, рассказывая по дороге парсису, что случилось с Петряком.

Парсис обстоятельно выслушал девушку, задумался, заставил пересказать ему все еще раз и сказал, что надо обо всем сообщить большевику большевиков Пройде.

Но он мог прибегнуть к почте, так как Пройда, отправляя его в отдаленнейшую часть Азии, посвятил его в тайны шифровки, замаскированных посланий и симпатических чернил.

Кочегар тем временем уже поместился на квартиру у одного рыбака малайца и делал вид, что намеревается заняться уличной торговлей.

Он предложил Первин пока пользоваться своим прежним убежищем, уговорился с ней об очереди наблюдения

за полковником и условился, как разыскать друг друга при экстренной надобности, успокаивая при этом девушку заверениями, что с Петряком еще не все пропало и, может быть, удастся его выручить, если не выпускать из виду Бурсона.

На следующий же день Иляш, заведя знакомство с одним сенегальцем солдатом, удостоверился из его таинственного повествования, что Петряк сидит в колодках. Кроме того, оба разведчика проследили, как к фашисту пришел посланный губернатора и как, после этого, Бурсон побывал у губернатора.

— Ну, теперь нельзя спускать глаз с санба джемадара, сказал девушке Иляш.

Действительно, вечером к губернатору пошел негр. Он, спустя некоторое время, вышел, и, засовывая в карман бумагу, от дворца направился к острогу.

Кочегар и Первин, взвинченные догадкой о том, что их врагами принимаются какие-то быстрые и решительные меры, подстрекнули друг друга парой коротких замечаний и последовали за слугой полковника. Они остановились за углом переулкa и стали ждать.

Через двадцать минут после того, как негр скрылся в полицейском дворе, он вышел оттуда, но уже не один.

Но как же затрепетала Первин, когда по лохмотьям фигуре выведенного негром оборвыша она вдруг в потемках вечера узнала Петряка.

Негр вывел его со связанными руками и, отходя от ворот мрачного полицейского двора, оглянулся по пустынной, мертвой в это время улице.

Немедленно же Первин, как тигрица выпрямилась и схватила одной рукой Иляша, а другую протянула к его поясу, за которым, как она знала, был спрятан неразлучный друг кочегара короткий кинжал-дах.

— Брат Иляш, кинжал!

— Зачем?

— Давай, он убьет его сейчас!

Такая же догадка мелькнула в голове Иляша, когда он увидел, как еще раз оглянулся негр.

— Я сам! воскликнул он.

Но нож уже был в руках Первин и она, как раненый зверь на ципочках, припадая невидимой тенью к стене домов, побежала к двум переходившим улицу фигурам. Иляш бросился следом, в два прыжка обогнал ее и, очутившись сзади негра, вдруг схватил его за шею...

— Р-р-р-! хрипнуло рычание у негра, изо всей силы рванувшегося из объятий кочегара.

Иляш пошатнулся, чувствуя, что негр сваливает его. Вдруг негр ахнул, разжав руки, и Иляш выпрямился.

Возле падавшего слуги полковника, блистая злыми глазами, стояла поразившая негра кивжалом Первин.

— Что, собака, большевик убивать? Так же внезапно девушка обернулась к ошеломленному и еще не все понявшему Петряку и, поцеловав его, быстро затем разрезала веревки.

Иляш пришел в себя.

— Бежим!

Все трое товарищей—и спасенный и его избавители, быстро зашагали, минуя дома и заборы, прочь. Они направились в убежище Первин.

— Сестричка! Сестричка! Вот комсомолка была бы ты... Черноголовый самоцвет!

Первин трепетала от радости и возбуждения, вызванного первой несомненной ее победой над врагами.

Маневр чекиста.

Пройда не ошибся, когда отправляясь из Москвы, поручил взяться своему инициативному и деятельному секретарю за раскрытие тайн Икс-Ложки.

У Граудина была уже зацепка и зацепкой этой являлся Пит Граф.

Только что отправил Граудин Пройду, как Пит Граф получил из Нью-Йорка письмо, немедленно же сфотографированное и, прежде чем оно дошло до адресата, прочитанное предприимчивым латышем. Граудин извлек из него сведения, определившие сразу ряд мероприятий с его стороны, по отношению к фашисту.

В письме сообщалось о том, что секретариат магистров Ложки счел необходимым командировать в Москву второго своего агента со специальной задачей наблюдения за иностранными посетителями Коминтерна.

Второй резидент, которого посылала Ложка, должен был прибыть с выехавшей по разрешению Советского правительства из Канады коммуной реэмигрирующих в СССР сектантов духоборов.

Расшифровав письмо и подослав его фашисту, Граудин сейчас же осведомился в Наркоминделе, когда и куда прибывают из Америки эмигранты коммунары.

Таковые оказались уже прибывшими неделю назад во Владивосток.

Граудин поставил на ноги своих помощников.

Начал работать прямой провод телеграфа Москва—Владивосток.

Настойчивый доброволец-эмигрант не отходил от провода, пока не имел необходимых ему сведений.

А сведения эти были таковы. Двое коммунаров после высадки во Владивостоке немедленно отсюда выехали. Один из них, ходок Андрей Выносков, отправился в качестве квартирьера в Кубанскую Область, где должна была осесть коммуна; другой—Степан Малабут, эмигрант-нотариус, взял разрешение у руководителей переселенцев на поездку в Москву для того, чтобы хлопотать там о поступлении на курсы советского строительства. Запросив некоторые дополнительные сведения и оставив в покое Андрея Выносова, Граудин немедленно послал несколько ребят из остатков батальона „всех за всех“ в Самару, поручив им встретить еще в пути подозрительного нотариуса.

Комсомольцы вошли в Самаре в контакт с железнодорожным контролем, пропустили несколько поездов, осматривая билеты и удостоверения у пассажиров и, наконец, наткнулись на человека с документами Малабута.

Они не подали вида, что нотариус духоборческой коммуны из Владивостока интересуется их больше, чем кто бы то ни было другой из пассажиров, но на одной из следующих же станций вышедший нотариус был остановлен каким-то телеграфистом, заспорил с ним и не успел вско-

чить на поезд. Подошедший контроль позвал его с собой, и здесь нотариус оказался задержанным до выяснения его личности.

Комсомольцы вернулись в Москву.

Пит Граф, спустя несколько дней по получении им письма, сидел с другими переводчиками в канцелярии полномочного китайского представительства.

Было утро, и рабочий день только что начинался. Дипкурьер представительства диктовал что-то машинистке. Вошедший новый человек, очевидно, приезжий и русский, по виду провинциальный чиновник, весьма дурно, очевидно, настроенный, потому что, войдя в помещение, этот посетитель сперва с неприятной миной отвернулся и от дипкурьера и от переводчиков, досадливо оглядел машинистку за столиком и после этого только подошел к Пит Графу.

Китайцы и машинистка, увидев, что незнакомец подошел к переводчику, перестали на него обращать внимание, между тем как тот, поклонившись фашисту, осторожно спросил:

— Вы Пит Граф?

— Да, что вам угодно?..

— Я приехал из Америки, сэр, с духоборами переселенцами. Там я видел ваших родственников...

Пит Граф бросил осторожный взгляд на китайцев и поднялся.

— Выйдемте с мною.

Приезжий повиновался. Пит Граф вывел его на улицу.

— Что вам передавали мои родственники Пароль?..

— Они просили меня сказать вам, что я тот человек, который пользуется доверием на свой заработок в иенах и на ваш в червонцах.

— Они прислали мне что-нибудь?

— Есть письмо...

— Ваша фамилия как?

— Меня зовут Степан Малабут. Я был у духоборов за деревенского нотариуса. Но так как, для продолжения успешной деятельности в этой же должности, мне необходимо

познакомиться с советским правом и законами, то община ходатайствует перед Советской властью о том, чтобы мне здесь в Москве было разрешено бывать на краткосрочных курсах административных деятелей.

— Ловко!—усмехнулся Пит Граф.

— Да, никому не придет в голову, что и моя наука, как ваша дипломатическая деятельность — прикрытие... Нарвется на нас кое-кто!..

— Посмотрим. Я уже кое-что нащупал. Вы вечером принесите мне письмо, и мы поговорим...

— А у вас квартира надежная?

— Безусловно...

— Я первое время, пока не свикнусь с обстановкой, буду бояться каждой мелочи. Этот фрукт не смотрит за нами? Малабут одним глазом указал на разносчика почты, искавшего над воротами номер какого-то дома.

Пит Граф бросил в указанном ему направлении взгляд, остановился на почтальоне, проследил, как тот прошел к другому дому, посмотрев там также номер, и пошел во двор.

— Нет!—успокаивающе решил он.

— Ну, значит до вечера...

— До вечера...

Вечером в доме № 13 на Леонтьевском Пит Граф проводил из своей квартиры танцовщицу Эча Биби, не пропускавшую вечера, чтобы не посетить любовника и вскоре после этого впустил Малабута.

— Вы уже устроились какнибудь?—спросил фашист прибывшего.

Малабут с общинческим полуехидством, полураздраженно скривил рот.

— Еще бы...—сообщил он:—прежде всего я снял галстук и воротничек, потому что среди „товарищей“ это первым долгом вызовет подозрение... Ну, а если одеть, как я сейчас, рубашку нараспашку, то сразу делаешься „своим“. Квартиру дали в каком-то фараонском общежитии за два рубля в сутки. Боюсь только, что как с приезжего с меня глаз не спускают. Всех что ли здесь иностранцев так

обнюхивают, как только скажешь что-нибудь не по-русски?

— А вы разве говорили что-нибудь?

— Одну фразу какую-то употребил, затруднялся по-русски выговорить...

— Выосторожней, хотя едва-ли из-за этого будут следить...

Пит Граф расшифровал врученное ему нотариусом письмо. По мере того, как из цифр шифра получались слова и фразы, он читал их Малабуту, который подтверждал расшифровку, очевидно, зная содержание письма.

В нем были адреса двух агентур для надобности Пит Графа и Малабута. Кроме американского давался теперь адрес в Европу, Бухарест—Яну Плоштовану и в Калькутте Санджибу Гупта для Бурсона. Ставилась также на вид необходимость обоим резидентам найти в пределах самой Советской России инициативных помощников, так как резидентов постоянных необходимо было иметь, кроме Москвы, в Ленинграде и Харькове, между тем секретариат магистров Ложи непосредственно из заграницы мог бы еще только найти такого для Закавказья.

Оба сообщника начали перешифровывать себе в записные книжки адреса и делиться связями.

Степан Малабут полчаса добросовестно вычислял цифры шифрующих дробей, в то же время Пит Граф сообщал ему о подозрительной мобилизации комсомольцев для флота, о роли Эча Биби и попа в качестве его помощников, рекомендовал найти и ему агентов, главным образом среди солидных самостоятельных московских старожил.

Малабут говорил о том, как деятельны Бюро Ложи в Америке, где почти ежедневно кто-нибудь из коммунистов и рабочих вожаков уничтожается без вмешательства суда и полиции.

— Это Пинсон там так великолепно работает!—сообщил Пит Граф.

— Да,—подтвердил Малабут—это такой, которому секретариат денег никогда не жалеет. Ох, если мы устроим дельца два хороших здесь, важить можно будет...

— Заживем! Я когда ехал сюда, получал тоже распоряжения от Пинсона, а теперь сношусь непосредственно с советом. Знаю секретаря и двух членов совета...

— Старейшин?—подобострастно спросил мнимый нотариус.

— Старейшин! подтвердил Пит Граф.

— Я их не знаю,—скромно признался Малабут.

— Американцы... Только один русский. Но не выскочка. Кровный аристократ. Перед ним и американцы на пыпочках будут ходить. Князь!

— О, для мебели кого-нибудь взяли...

— Нет, тут не для мебели... Он все сам делает. Ненавидит большевиков. По капле всем кровь выпустил бы.

Малабут, кончивший писать и с любопытством осматривавший комнату, перед тем как уйти, вдруг насторожил уши, услышав на лестнице шаги нескольких поднимающихся человек, и вопросительно поднял на Пит Графа глаза.

Тот также оглянулся на дверь.

Возле нее, очевидно, остановились.

И Пит Граф и Малабут побледнели и вскочили, хватаясь один за шляпу, другой за письмо.

— Откройте именем закона!—раздался вдруг повелительный стук в дверь.

Пит Граф схватился за ручку окна и, распахнув раму, очутился на подоконнике.

— Ни с места!—Донесся снизу голос мелькнувшего штыком красноармейца.—Застрелю!

— Откройте, не сопротивляйтесь напрасно!

Малабут стоял со шляпой, дико озирался и растерянно дрожал.

Пит Граф бросился к двери и открыл ее...

Начальник секретного отдела МГО, несколько агентов, в их числе почтальон—Граудин, которого утром видели Малабут и Пит Граф, вся эта группа охраны окружила двух агентов фашистов и начала производить обыск.

Взяли, первым делом, шифрованное письмо, которое не успел уничтожить Пит Граф, нашли шифрованные записки и в заграничных карманых блок-нотиках Малабута.

Начальник из МГО сокрушенно покачал головой и начал составлять протокол обыска.

— Вы арестованы, граждане!—объявил в заключение он.

— Почему? на каком основании?—пытался со слабой растерянностью протестовать Пит Граф. Но сами же сообщники не могли придумать сразу никакого благовидного предлога для объяснения обнаруженного у них письма и записей.

— Я объяснял своему другу, как производится шифрование, потому что пришлось к слову,—попытался объяснить шифр Пит Граф.

Но на вопрос, как давно установилась у него с гостем дружба, от ответил, что Малабут сегодня в первый раз посетил его по делу духоборческой коммуны, так как среди духоборов его, Пит Графа, кто-то случайно знал и рекомендовал Малабуту обратиться к нему. Какое дело у нотариуса могло быть к нему, он отказался объяснить.

Пугал и Малабут, объяснивший в соседней комнате, что он прибыл по делу духоборческой коммуны, случайно-де познакомился возле китайского посольства сегодня с Пит Графом, как с человеком, знающим ходы в советские учреждения. Что же касается до шифрованных записей в блок-ноте, то он их делал для того, чтобы не показаться невежественным перед комсомольцами, если бы кто-нибудь из них спросил его о способах шифрования. Но каких комсомольцев имел в виду только что приехавший адвокат, он об этом сказать ничего не мог.

Красноармейцы и агенты, почувствовавшие, что арест связан с какой-то заговорщической махинацией, наблюдая растерянность арестованных и беспомощные противоречия показаний, сразу решили, что имеют дело с матерями белогвардейцами, которых десяток лет существования Советской власти не заставил угомониться. С враждебным молчанием они дождались, пока было закончено составление протокола, и арестованные переданы ими для препровождения в специальное помещение при комиссариате милиции.

Тогда они скомандовали:

— Пошел!

И окружив арестованных, повели их.

Никто не заметил по поведению мнимого почталиона—Граудина, принимавшего участие во всей процедуре обыска, что арест ближе всего касается его, и что его роль в

этом деле значительно больше, чем можно это было думать по той второстепенной должности агента—сыщика, которой он прикрылся, чтобы присутствовать при аресте. Между тем, во время суতোлки обыска и допроса он обменялся

Малабутом выразительным, хотя и коротким взглядом, который явно свидетельствовал, что у этого почталиона и арестуемого неизвестного значительно больше общего, чем это можно было думать.

И действительно было так, потому что подлинный нотариус, он же фашистский агент, прибывший из Америки с сектантской коммуной, Степан Малабут, сидел под арестом в провинции в весьма строгом одиночном заключении, что же касается до арестованного на квартире гостя Пит Графа, то на этот раз это был никто иной, как корректор полиграфтреста Дергачев, привлеченный к участию в разоблачении фашистов и с увлечением согласившийся на него из-за той сенсационности, которую, в случае успеха, обещало раскрытие необычайной организации.

Он должен был по плану Граудина выдать себя за Малабута и, как мы видели, сделал это так натурально, что никакое сомнение не могло прийти в голову агента фашистов.

Наоборот, когда после допроса арестованных соединили и вместе посадили в изолированное арестное помещение, то ввиду того, что Малабут проявлял неизменное мужество, не падая, очевидно, духом, Пит Граф преисполнился к нему уважением и, не блистая сам излишним присутствием духа, стал искать в нем некоторой духовной поддержки.

— Влопались!—сказал он с отчаянием, опускаясь на изгаженные клопами доски нар, когда дверь камеры закрылась.

— Да... Вы заметили, почталион-то, о котором я вам говорил утром, тут был...

— Да... сыщик!

— Вот проклятые чекисты, до какого совершенства они насобачились выслеживать всех,—прямо в'ехать нельзя в эту несчастную совдепию...

— Тут не чекисты... Или выдал кто-нибудь, или, может быть, вы же дорогою проболтались кому-нибудь...

— Я проболтался?..

Малабут с красноречивым пренебрежением посмотрел на Пит Графа и отвернулся.

— Хотел в Москве хоть заработать, да открыть в Канаде свою контору... вот и заработал!—сказал он как бы самому себе, оглядывая стены и решетку над парами.

— А я мечтал собрать артисток в балетную труппу и сделаться антрепренером, признался фашист. Я не ожидал, что эти большевистские краснопань когда бы то ни было доберутся до меня.

— Что же вы святым хотели прожить среди них?

— Не святым, но я как мышь, кажется, прежде обнюхивал все кругом раз десять и только тогда высовывал голову.

— Вот и наскочили на котлов...

— Что же теперь делать?

— Надо соображать. Голова только одно теперь и будет думать...

— Бежать?—неуверенно спросил Пит Граф.

— Конечно... Не ждать же, пока эти пролетарии нас свезут куда-нибудь под мост да пристрелят...

— Разве без суда сделают это?

— Пхе, батенька, живете в совдепии, а еще спрашиваете об этом. Им цацкаться не долго с нами. Мы тут только что приходим в себя, а у них уже, может быть, решается наша судьба. Интересно, захотят они еще допросить нас, или надеяться не станут на допрос, а возьмут да просто прихлопнут. Проклятая жизнь!

И мнимый Малабут, охватив себе колени руками на нарах, как бы собрался ныть.

Пит Граф окончательно с'ежился и, конвульсивно держа плечами, опустился также.

— Не убежишь отсюда!..—уныло проговорил он больше себе, чем Малабуту.

Нотариус поднял голову и осмотрелся. Снова опустил голову и снова поднял ее.

Потом несколько минут просидел в угнетенном состоянии, взобрался к решетке и выглянул в окно.

— Если даже удалось бы бежать, надо мчаться к Владивостоку и скорей обратно в Америку, а у нас ни денег,

ни знакомых, ни перемены платья. Да и в Америке... что мы тут наделали, что вам там опять дадут работу... Я получил только первое поручение от бюро, и вот влип...

— Это-то они поймут. В Нью-Йорке мы добились бы приема у Круджа, а ему только стоит сказать, что у нас вышло и что мы к его услугам, и он поручит нам организацию бюро, если опять не в России, то в любом другом месте. Денег не пожалеет.

— Далеко до Круджа; жалко, что нет у нас ножа, пилка или хотя бы железа полосы. Эх, решетку бы сломать...

Малабут еще раз оглядел помещение, отводя одновременно безразличные глаза от сообщника, а про себя запечатлевая надолго в памяти услышанное имя, очевидно, какого-то фашистского организатора. Крудж, Крудж, Крудж...

— Обождем, пока заглянет сюда к нам кто-нибудь,—продолжал он вслух,—из этих осторожных индюков; может быть, какой-нибудь случай сам подвернется. Все-таки тюрьма—не тюрьма, а в городе мы. Со всех сторон дома и жизнь бьет ключом... Только пяток саженей, и мы на воле можем очутиться. Эх, денег, жалко, нет!

— Не думайте о деньгах...—перебил его измятый унынием Пит Граф...—денег достаем в Москве, у меня тут есть верная касса.

— Поп, должно быть!—подумал про себя мнимый нотариус.—Ну ладно, барин, поживем на белогвардейские денежки...

Вслух он сказал:

— Если денег есть достаточно, то это уже мы наполовину на воле... За деньги и сами чекисты много кой-чего для нас сделают...

-- Покурить хотя бы! воскликнул Малабут.

— Да, покурить бы легче...—подтвердил Пит Граф. Он попробовал лечь.

— Клопов много! Не заснем, все одно...—заметил нотариус.

— Да, уже за воротник заползло что-то...

— Как колючек на крапиве.

И Малабут, отломив от скамейки щепочку, начал осматривать и тыкать ею по щелям.

Зараженный им Пит Граф тоже поднял нары. Несколько минут он переходил от щели к щели, издавая мстительные восклицания и не замечая коротких взглядов наблюдавшего за ним Малабута.

— Большевики проклятые!— пыхтел он, уничтожая насекомых.— У, ты, красногвардеец! Бандит! Чекистская душа!

Но вдруг он издал отличное от своих возгласов междометие удивления:

— Там—тарам! что это такое?

Малабут взглянул на него и приблизился.

Пит Граф напал на одну из камерных „хавыр“ под койкой, куда арестанты засовывают предметы своего скудного дневного обихода. Кроме сухого куска житняка и нескольких огрызков сахара, здесь оказалось полвосьмушки табаку, спички и бумага.

— Курнем!—воскликнул он.—Русский табак! Делайте!

И он, отсыпав себе в бумажку махорки, поднес сверток Малабуту.

Тот потянулся за табаком, насыпая себе на цыгарку, но вдруг, остановленный какой-то мыслью, взглянул на сообщника.

— Не стоит ли нам сберечь табак?

Пит Граф с изумлением посмотрел на сообщника.

— Зачем?

— Видите, у нас очень мало шансов на спасение. Сама судьба дает нам в руки одно средство. Знаете, что можно сделать табаком, когда нас выведут куда-нибудь?

Пит Граф продолжал недоумевать.

— Засыпать глаза конвойным чекистам...

— А подействует это?

— Ого! Только бы не явился их целый взвод.

— Что же мы сделаем?

— Истолчем табак помельче и будем ждать...

— Но курить хочется...

— Давайте одной папироской покурим оба. И Малабут начал сворачивать цыгарку.

Полчаса сообщники, лежа на койках, курили.

Был поздний вечер. В коридорах где-то слышался говор дежурных милиционеров. С улицы иногда доносился

резкий рожок автомобиля или шум проезжающего экипажа. Двигались где-то последние вагоны трамвая.

На ступеньках по направлению к дверям каземата двух сообщников послышались шаги, кто-то остановился и сунул в замок ключ.

— Идут, готовьтесь, да не зевайте, если будет не больше трех человек, шепнул задушевым голосом Малабут. Или к стенке, или на допрос...

Оба сообщника побледнели. Пит Граф почувствовал, как у него застучало сердце. Однако оба арестованных, когда дверь открылась, сохраняли наружное спокойствие.

— На допрос оба!—скомандовал надзиратель.

— После допроса могут повести прямо к стенке!—шепнул Пит Графу Малабут еще раз, поворачиваясь, чтобы взять шапку. Не зевайте!

Арестованные вышли. Два красноармейца вышли из темноты и стали по бокам у них.

— Вперед!

Группа направилась через дворик к воротам с одиночным фонарем. За поворотом угла вблизи двора сразу же послышался глухой шум ночного движения.

Малабут держал в одной своей руке руку Пит Графа, а в другой сжал горсть табаку.

Конвой сделал несколько шагов, удаляясь от арестного дома. Малабут оглянулся еще раз, сжал руку Пит Графа призывая его действовать, и вдруг, повернувшись перед лицом сперва одного, потом другого красноармейца, обдал каждого из них табаком и одного свалил.

В то же мгновение Пит Граф ударом под ноги сшиб ближайшего к нему другого конвоира.

Раздался ругательский вопль конвоя.

Пит Граф и Малабут друг за другом юркнули за угол и смешались с публикой проезда центральных улиц. Сзади них раздался запоздалый выстрел догадавшегося будто-бы схватиться за курок красноармейца, а затем крики.

Через полминуты двое красноармейцев поднялись и посмотрели друг на друга.

— Ушли? с неслышным смехом спросил один из них товарища и теперь по голосу можно было узнать, что это Граудин.

— Ушли! также засмеялся его помощник.

— Ну, побежим немного и мы, чтобы публика не догадалась.

— Валим!

Но, очевидно, в расчеты Граудина не входило намерение настичь бежавших, ибо, пробежав полквартила, он завернул с товарищем за один угол и здесь, сев на извозчика, как ни в чем не бывало, поехал переодеваться.

В свою очередь Пит Граф и Малабут, смешавшись с публикой, улучили, наконец, момент для того, чтобы обменяться несколькими фразами.

— Теперь спасение зависит от вас,—сказал Малабут фашисту. Где мы скроемся, чтобы переодеться и достать денег?

— Поедемте, есть тут один подкупленный мной священник. У него мы достанем все, что нам надо.

— Едемте, вот извозчик. Спокойнее только держите себя. Вы весь дрожите...

— И вы тоже...

В новых ролях.

Граудин поставил себе целью использовать Пит Графа для раскрытия центра фашистской организации. Для этого он арестовал настоящего нотариуса Малабута, для этого заставил корректора Дергачева выполнить в дальнейшем роль этого Малабута, поручил ему явиться с шифрованным письмом к Пит Графу и обоим их арестовал, возложив при этом на своего помощника задачу симулировать устройство отчаянного побега, который вынудил бы фашиста немедленно броситься за границу к поручившим ему работу для того, чтобы информировать их, искать у них нового занятия и против своей воли открыть их тайны.

План его, как нельзя более, удался. Пит Граф нашел табак, накануне положенный в „хавыру“ никем иным, как мнимым Степаном Малабутом. Затем вместе с корректором-мистификатором он бежал, у попа в Леонтьевском переулке бежавшие получили денег и изменили несколько свою внешность переодеванием. После этого перед ними встал вопрос о том, как им попасть за границу.

Степан Малабут вел себя так, как будто единственным местом спасения для них была Америка, хотя при этом он не скрывал, что проезд до Владивостока по железной дороге и посадка на какой-нибудь пароход в Америку являются для них делом весьма опасным при условии, что ГПУ поставило на ноги для розыска бежавших всю свою агентуру и местные отделения.

Пит Граф сразу, как только Малабут привел ему эти резоны, возразил:

— А зачем собственно нам обязательно в Америку?

— А куда же больше? спросил наивно Малабут. Ведь я же там получил поручение и деньги...

— Мы можем поехать и в Париж и в Лондон, где есть центральные бюро Ложки,—заявил Пит Граф. В Лондоне хотя у меня нет прямого пароля, но я найду там кого-нибудь из знакомых агентов и у них получу доступ к старейшинам бюро.

— Кто там может быть?.. усомнился Малабут. В Америке от самого Круджем можно получить работу, а тут какие-нибудь конторы штрейкбрехеров.

— О, нет. В Лондоне находится старейшина одного чина с Круджем...

— Ну, тогда едемте к Одессе. Двинем контрабандными суденышками или на пароходах в Европу. Утром идет поезд с Курского вокзала, надо на него попасть.

— Идет.

На этом сообщники и решили.

Улучив после этого разговора минутку, Малабут зашел в уборную и здесь на клочке бумаги написал:

„Утром с Курского вокзала будет садиться на двенадцатый. Направление Одесса—Лондон. Там и в Париже старейшины равного с Круджем (Нью-Йорк—текстильный король) чина. Принимайте меры“.

Через окошечко уборной затем Малабут заметил дежурившего у квартиры пионера, и эта записочка с адресом Граудина немедленно полетела ему под ноги.

Пионер поднял ее, взглянул на окошечко в уборной и моментально исчез.

Когда затем Пит Граф и Малабут пробрались на вокзал войдя на путь сзади тупиков, под видом обсыпанных мукой

пекарей, с них уже не спускал глаз лавивший по паровозам масленщик, товарищ Дранницын.

Граудин с несколькими помощниками последовал за бежавшими и через несколько дней был в Лондоне. Для того, чтобы поддерживать весьма важную для него связь с прибывающими русскими судовыми командами, он заглянул немедленно же в районное портовое бюро коммунистической партии и здесь договорился о цели своего приезда с английским коммунистом Дуччем Томкинсом, работавшим в портовой артели в качестве номерного носильщика.

Предписаний портового бюро партии, показанных Граудиным Дуччу, и нескольких объяснений было вполне достаточно, чтобы грубоватый и весьма пессимистически настроенный носильщик с спрятанными под волосы бровей серыми глазами не только выразил за себя готовность всячески выполнять распоряжения русского большевика, но и обещал привлечь на помощь товарищу и своих приятелей. Когда же он узнал, что Граудин напал на след главарей Икс-Ложи и должен выведать план фашистского центра врагов рабочего класса, он разразился наболевшими в нем обличениями:

— Этих громил искать нечего... Если бы не изменники в нашей собственной среде, разные Уолкинсы и Круджи не смели бы из своих гнезд носа высунуть. На свете много подлости! Узнавайте то, что вам надо, мы всей организацией поможем, но лучше всего было бы, если бы Уолкинсы, сидящие в правительстве, сами прижали свои наемные своры так, чтобы из штрейкбрехеров и чернорубашечников потекли соки, тогда они знали бы, что нужно не провокациями заниматься, а поддерживать таких же рабов, как они сами. Скоты продажные!

И Томкинс в подтверждение сплюнул.

Граудин расспросил носильщика о других товарищах. Затем он установил связь с двумя депутатами-коммунистами из палаты общин и секретарем лондонского комитета. У последнего он встретил секретаря фракции коммунистов тред-юниона строителей. С обоими товарищами Граудин решил обстоятельно сговориться о своих намерениях.

В результате этого разговора на другой день Граудин в качестве полотера с товарищем Джимми Панчем, рабо-

тавшим в артели района Сити, шел на работу в контору транспортно-страховой компании „Дасс и сыновья“ для натирания полов. Затем он и еще двое рабочих были вызваны для такой же работы в банк мистера Бродлея, потом натирали частную квартиру владельца типографии мистера Питигрю, а затем Граудин столкнулся с розыскавшим его масленщиком Курского вокзала.

Товарищ Дранницын нашупал тот дом, в котором после обеда подвизался Граудин, прикрывавший работой свое пинкогнито и когда латыш выходил расштанной походкой несколько часов подряд оттанцовывавшего до блеска пол шпиргальщика, вырос перед ним и приятельски схватил за руку.

Оба товарища оглянулись и направились к кварталам, где не было шумного движения.

— Что?..—спросил коротко Граудин.

— Есть...—ответил Дранницын.

— Где остановились?

— Гостиница „Лион“... Есть записка от Алехи... Степана Малабута.

— Давайте...

Дранницын незаметным движением передал исписанный лист блок-нота товарищу.

Тот быстро пробежал его.

— Ага! бюро прессы и рекламы некоего, являющегося негласным издателем ряда желтых газет, Уолкинса. Хорошо. Завтра там будем. Товарищ Дранницын, знаете, занятие полотера имеет некоторые свои достоинства, хотя в общем это довольно каторжная работа...

— Я знаю... К концу работы в голове звенит как под воскресенье на колокольне храма Христа Спасителя в Москве, а тротуары кажутся разбитыми на заколдованные квадраты, из которых каждый качает тебя в разные стороны...

— А, вы знаете это... Разве вы работали?

— Только один раз пришлось во время безработицы пойти потанцевать за два целкаша... Вообще же это для меня штука трудная. У меня сердце,—говорил доктор в Москве, при каждом сверхпрограмном вздохе устраивает какие то раскорячки с латинским названием и, чего доброго, лопнут обручи, на которых оно держится. Тогда крышка...

— А, так... Тогда вот что: я сговорюсь в тредьюнионе транспортников с коммунистами, и вы сядете за шофера. Сможете править машиной?

— Гм! Но я же ничего тут не знаю?

— С вами будет помощник местный коммунист, который не допустит промаха, и будет в курсе всех наших дел.

— А, другое дело... Это весьма приятная перспектива.

— Завтра будете работать... Натурографы вы привезли?

— Да.

— Доставьте мне пять аппаратов, один держите всегда при себе.

— Хорошо.

На следующий день Дранницын герой труда—монтер московского завода бывш. Айваз, в качестве англичанина-шофера с помощником на передке „Мерседеса“ № 25.524, принадлежащего транспортно-прокатной конторе, сидел возле бюро прессы и рекламы Уолкинса, готовый ехать по найму любого прохожего в любое место Лондона.

Граудин где-то работал по своей профессии, впрямь до вызова полотеров артели дворецким Уолкинса. Пока же он, получив привезенные Дранницыным натурографы, раздал их ряду товарищей из числа местных безработных членов партии, с которыми уговорился о их дежурстве возле бюро Уолкинса и двух провокаторско-штрейкбрехерских частных сыскных организаций.

Через день он имел результаты.

Пит Граф, посетив бюро Уолкинса, получил доступ к самому Уолкинсу. Малабут сообщил, что Уолкинс имел сношение с Круджем. У него был прямой провод телеграфа, и Малабут, помня имя Круджа по разговору с Питом графом, услышал его упоминание при передаче секретарем телеграмм королю прессы. Уолкинс имел свидание с находившимся в Лондоне представителем железных дорог тех районов Азии, где вспыхивали восстания против французов. Уолкинс переводил и в Индо-Китае и в Калькутту Санджибу Гупта через Ост-банк систематически крупные суммы денег. Уолкинса посещал русский журналист Владимирцев, о котором Граудин знал, что тот является чем-то вроде руководителя в группах белогвардействующих активистов, поддерживающих связи с черносотенным офицерством

Праге и Бухаресте. Уолкинса, когда в палате началось обсуждение вопроса по поводу необходимости создания базы в проливе южного китайского моря, посетили министр колоний, министр иностранных дел и военный министр. Уолкинс, очевидно, был не только королем прессы, но чуть ли не вторым настоящим королем Великобритании. В довершение всего Уолкинс был родней американского миллиардера Круджа по браку некоторых членов обеих фамилий и вел с ним какие-то дела.

Когда Граудин это узнал, картина сделалась ему почти ясной, и требовалось только подтверждение со стороны более прямых фактов.

Встревоженное тайными захватническими мероприятиями английского правительства, в результате которых в Азии разразилось движение туземцев, французское общественное мнение начало бить в печати тревогу о готовящейся войне. В это время коммунистические газеты вдруг стали приводить, вызвавшие сенсацию, разоблачения о том, что восстания в Индо-Китае имеют целью спровоцировать войну в Европе. При этом делались прямые заявления и приводились документы с указанием на роль английского правительства в провокации. Социалисты, напуганные тем, во что могла превратиться авантюра новой войны, в парламентах и сенатах забили тревогу. Рабочей партии Англии, стоявшей у власти, но сквозь пальцы смотревшей на махинацию империалистов, грозил крах и она спохватилась. Была разбужена от хронической спячки ширма для обделывания дел империалистических правительств—Лига Наций, назначившая по требованию соглашательских элементов парламентам обследовательскую комиссию.

Граудин, следивший во время всей этой политической сумятицы за ее перипетиями, приехал, чтобы следить за фашистами как раз тогда, когда комиссия, получив назначение, выехала на место восстания.

Он почувствовал, получив первые сведения о круге знакомств и дел Уолкинса, а также по тону направляемых им газет, что финансист-политик не может быть не причастен к происходящим международным событиям, и он не ошибся.

В первые дни по прибытии с Пит Графом в Лондон Малабут, ради конспирации, не встречался с Граудиным, сносясь с ним посредством записок. Но, наконец, он решил найти сообщника. В праздничный день он явился к латышу, встретив его в заранее условленном месте.

Сообщники, сочувственно взглянув друг на друга, поздоровались и, негромко разговаривая, приблизились к вольнонаемной такси. Граудин осторожно произнес:

— Пора быть каким-нибудь новостям, товарищ Дергачев. Создалось неопределенное положение...

— Оно кончается,—также тихо сказал, продолжавший играть роль бывшего духоборческого натариуса, корректор. Мы куда поедем?

— Поедем в Сити. Там стоит автомобиль с нашим товарищем, мы в нем проедемся и свободно поговорим.

— Хорошо.

Десятка полтора кварталов промелькнуло через окно кареты кативших большевиков; наконец, Граудин велел остановиться на одном углу и рассчитался с шоффером. Несколько домов они миновали пеше. Граудин указал Дергачеву-Малабуту на стоящую машину.

— Здесь—наш транспорт. Заметьте на всякий случай место стоянки и номер. Шоффер—товарищ Дранницын знает весь сокольнический район со времени революции...

Сообщники сели и машина тронулась.

— Так что же у вас выяснилось? перешел Граудин к цели свидания.

— Выяснилось следующее: Уолкинс принял для информации Пит Графа. Узнав о провале фашистского предприятия, расвирепел тем больше, что Пит Граф же и расписал ему о подмеченных им каких-то наших намерениях в связи с деятельностью организации Пройды. Но, очевидно, фашистский или куклуксклановский заправила этим не удовлетворился и что-то задумал начать новое, решив махнуть рукой на Пит Графа, как провалившегося. Вероятно, он с кем-нибудь будет совещаться по этому поводу. Поручений нашему беглецу он никаких не дал, но его секретарь намекнул, что если белогвардеец хочет добиться милостивого отношения миллиардера, то должен чем-нибудь отличиться, Пит Граф предложил ему какую-то совместную авантюру

в Индии с неким полковником Бурсоном, которого он, видно, считает влиятельным фруком. На это Уолкинс горячо согласился, и вот мы скоро должны отправиться тула. Что именно там думает делать эта продажная душа, он не говорит. Из намеков только можно понять, что что-то связанное с восстанием и раскрытием тайн Икс Ложи.

Граудин с нескрываемым интересом выслушал сообщение и быстро спросил:

— Когда думает ехать этот гусь?

— Сперва он хочет послать сообщение в Индию, то-ли Бурсону, то-ли какому-то Лакмус Родченко... Я не расспрашивал об этом, чтобы не вызвать подозрения. Затем он думает повидаться с русскими и после этого поедет садиться в Бриндизи на пароход в Индию.

— Хорошо, сообщим обо всем этом немедленно Пройде. Вас он еще не подозревает, сможете вы помистифицировать его еще немного?

— Смогу... Он, правда, стал последние дни усиленно расспрашивать меня о прошлом, о моей жизни и деятельности в Америке, но я еще не проговорился... Кажется, он больше занят будущими проектами, чем мной...

— Ну, хорошо. Тогда посмотрите за ним еще немного, может быть, что-нибудь еще выудите, а затем с ним расстанетесь, у нас много другой работы.

— Хорошо.

Карета „Мерседес“ возвратилась в Сити. Граудин велел остановиться, взглядом поблагодарив, обнаруживавшего своего знакомства с латышем, Дранницына. Открыв дверцу, большевики вышли и вдруг чуть не попятились назад.

Прямо перед ними стояли намеревавшиеся, очевидно, нанять освобождающуюся карету Пит Граф и его московская любовница танцовщица Эча Биби.

Граудин и Малабут быстро переглянулись.

Побледили и быстро переглянулись в свою очередь фашист и предательница—танцовщица. Оба они узнали Граудина. Первый вспомнил агента-почтальона, присутствовавшего при его аресте с Малабутом, вторая видела латыша-революционера несколько раз с Пройдой и не усомнилась не на секунду в том, что он находится здесь не случайно.

Две секунды прошло в растерянном замешательстве обеих сторон.

Что в самом деле можно было предпринимать каждому из них?

Граудин и Малабут могли только двойным убийством заставить молчать агентов контр-революции. Но днем на центральной улице это можно было сделать только при отсутствии какого бы то ни было другого выхода.

Пит Граф в свою очередь не знал что делать.

Граудин шепнул Малабуту:

— Идем!

И одновременно, повернувшись к шоферу, он взглядом указал Дранницину на его новых пассажиров.

Тот движением глаз дал понять, что все заметил: будет следить.

Прежде чем фашист опомнился, Граудин и Малабут пошли по улице. Пит Граф, все еще не поняв всего, что произошло, сел с танцовщицей в карету. Но он заметил тот взгляд, которым обменялись Граудин с шофером. Заранее он решил использовать это свое наблюдение.

Граудин понял, что теперь Малабуту—Дергачеву ничего не оставалось делать, как превратиться из тайного врага Пিত Графа, в его явного преследователя, приняв новую внешность. Он дал ему адрес своей квартиры, предложил корректору взять автомобиль, постараться догнать карету Пিত Графа и следить за тем, что будет делать фашист, имея при этом в виду, что оба шофера совершенно надежные товарищи.

Дергачев немедленно сел в автомобиль. Граудин направился к себе.

В гнезде врагов.

Дома у коммунистки перчаточницы мисс Проппер, Граудин узнал сразу две новости: Первая: через два дня в Лондон приедет Крудж. Вторая: завтра в дом Уолкинса вызывалось трое полотеров.

Латыш сообщил руководителям артели, что он должен обязательно там работать и стал ждать Дергачева. Но ни

вечером, ни утром, как это не было странно, корректор не пришел.

Утром Граудин пошел на работу. Он решился на отчаянную вещь. Чувствуя, что нити фашистского центра у него уже в руках, он решил проникнуть в самые тайные намерения тех невидимых владык мира, которые, скрываясь за кулисами легальных правительств и не подавая об этом вида, в самом деле распоряжались судьбами народов, а в дальнейшем, может быть, собирались и открыто установить свою власть. Он уже ясно теперь видел, что отважиться на такие намерения могут только люди до того богатые, что они могли свободно кредитовать займами любое правительство и до того влиятельные, что по одной их команде дискредитировались травлею нескольких десятков газет парламенты. Такими людьми были очевидно Крудж и Уолкинс.

Поэтому Граудин решил увидеть Круджа и Уолкинса, узнать, о чем они хотят говорить при свидании и что они намереваются делать. Для этого только и стоило подвергнуться риску нелегального проживания под носом у лондонской полиции и провести неделю в каторжной работе поденного полотера.

Он почти подпрыгнул, когда узнал, что может понасть в дом Уолкинса и как раз тогда, когда в Лондон приехал Крудж.

Но, скрыв свою радость и внешность русского большевика под завошенным рабочим одеянием, с испитым лицом профессионального разбитого поденщика, он вошел на другой день с Джимми Панчем и еще одним товарищем, держа в руках щетки и сверток, в людское помещение дома Уолкинса, с таким видом, как будто ничего другого он всю жизнь не делал, как только занимался шпарганьем полов. На смену ему к дому должен был подойти спустя пару часов еще новый член артели.

Как только полотеры оказались во внутренних комнатах, и дворецкий дал поденщикам развести краски, Граудин проник в кабинет Уолкинса. Здесь он внимательно осмотрелся и остановился взглядом на камине.

Он кивнул на него товарищам и начал шептаться с ними. После этого Джимми Панч начал возиться с полом

у порога кабинета, а Граудин и третий полотер склонились у гнезда камина.

Граудин просунул голову в него, втянул в дыру корпус и исчез в нем. Ему подали сумку с фляжкой, натурографом и разным инструментом, пару костылей, которые нужно было вогнать в нутро трубы, чтобы держаться за них, и никаких следов от одного рабочего не осталось. Один полотер вышел и украдкой ввел в дом явившегося из резерва на смену Граудина товарища; поленщики стали продолжать свою работу, поглядывая изредка на отдушину между изразцами камина, через которую Граудин мог осматривать при надобности весь кабинет.

Кажется весьма мало поводов для повышенного настроения у человека, которого замуруют в кирпич комнатного камина, и затем предоставят как вору выбирать, когда он вздумает, через апартаменты громадного дома. И однако у Граудина в могильной темноте и теплой тишине кирпичного чрева было достаточно решительное настроение, чтобы просидеть здесь хоть целый месяц.

— Только бы не просчитаться! думал он сам с собой, замирая между кирпичем. Только бы суметь еще выбраться отсюда... Он прислонился спиной к одной стене и оперся переплетом рук на другую, сложив на них голову.

— Теперь обождем!

И он стал ждать. Ждать нужно было долго.

Полотеры кончили работу и ушли, не дав никаким промахом заподозрить того, что после них осталась засада. Долго, долго было тихо. По стенам печей к камину доносился шум кухни или столовой с нижнего этажа, хождение в каких-то отдаленных комнатах. Обменялись несколькими фразами на ходу в соседней комнате женские голоса, в кабинете же было пусто.

Пережженная пыль печной глины сушила дыхание. Сажа мягкими хлопками прикасалась к нему и оставалась на коже.

Толко с большой осторожностью Граудин, стоя на одном костыле, мог выпрямиться для того, чтобы при надобности без шума выглянуть в щель отдушины. Вообще же без самой крайней необходимости он решил этого не делать.

Он прождал в своем дубовополенном положении несколько часов, утешая себя тем, что выдерживают же индийские самоистязатели месяцами испытания более чувствительные только для того, чтобы добиться состояния вообразимого мистического небытия, его же цель была много более жизненной. Дело пахло проникновением в тайны злейших врагов мирового пролетариата. Из-за этого стоило поломать кости, даже будучи замурованным в дымоходах печи.

Вечером открылась дверь, прошел кто-то неторопливо в кабинет и безмолвно стал работать за столом, выдвигая ящики и шурша бумагами. В щели отдушины засветилось пятно от электрической лампы в комнате.

Спустя несколько минут пришел еще кто-то, и из нескольких фраз незначительных распоряжений сидевшего за столом человека Граудин понял, что хозяйствует Уолкинс, а вошел к нему с бумагами услужливо сделавший два-три сообщения секретарь.

— К приезду Круджа,—распорядился негромко властный делец,—приготовьте все отчеты и дела, на случай, если он захочет что-нибудь проверить.

— Слушаю...

— В приемную агентскую комнату пригласите человек пять наиболее верных оберначальников районных Бюро,— может быть им нужно будет сделать доклады. Но чтобы они знали, что если я их вызову, то никаких других звуков, кроме послушания. Ни удивлений, ни выслуживания и выскакивания вперед перед великим магистром. Крудж только оплачивает все, я же действую. Джентльменская солидность в каждой мелочи—чтобы Крудж не подумал, что у нас все построено только на его деньгах.

— Слушаю... Большевиков, задержанных Бюро пристани, прикажете представить к его приезду?

— О, да... хорошо, что вы вспомнили! Изолировочная у нас за агентской?

— Да...

— Посадите их туда и осведомите оберначальников, когда они соберутся, чтобы они присматривали за дверью.

— Слушаю.

Секретарь вышел, и вышел через полминуты после него Уолкинс. Пятно в отдушине погасло.

У Граудина застучало в висках. О каких большевиках говорили фашистские изуверы? Кто у них томится в плену? Неужели схвачен Малабут с кем-нибудь? Завтрашний день обещал Граудину еще одно открытие.

Дождавшись этого дня, он был свидетелем того, как король прессы ведет свою текущую работу, принимая редакторов, управляющих, финансистов, политических деятелей, вызывая телефонными звонками, в разговорах с Ливерпулем, Манчестером, Парижем и т. п.

Граудин отдал дань удивления главарю фашистов. Из всего того времени, которое пробыл днем в кабинете Уолкинса, он ни секунды не провел без дела. При чем в каждом его распоряжении, в каждом вопросе, справке и разговоре, продолжавшихся не более десяти—двадцати секунд, было столько определенной ясности и не терпящих недоразумений недомолвок, что едва ли кто-либо мог затем отговориться двусмысленностью распоряжений Уолкинса. Очевидно, Уолкинс знал, чего он хотел. Его распоряжения передавались биржам и трестам, телеграфным агентствам и редакциям. Он обещал свидание греческому посланнику и вызывал к себе девицу какой то авантюристической профессии. Целый ряд дел он переносил для личного разрешения при встрече, которую обычно тут же всегда весьма точно и назначал.

Перед вечером он ненадолго ушел.

Когда он возвратился и зажег электрический свет, секретарь сообщил ему, что все готово, требующиеся документы находятся в папке.

Спустя несколько минут он доложил о прибытии Круджа.

— Просите...

Граудин замер на секунду, тронул завод натурографа, приподнял его над отдушиной и стал слушать.

БОЛЬШЕВИКИ
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ

Выпуск № 6

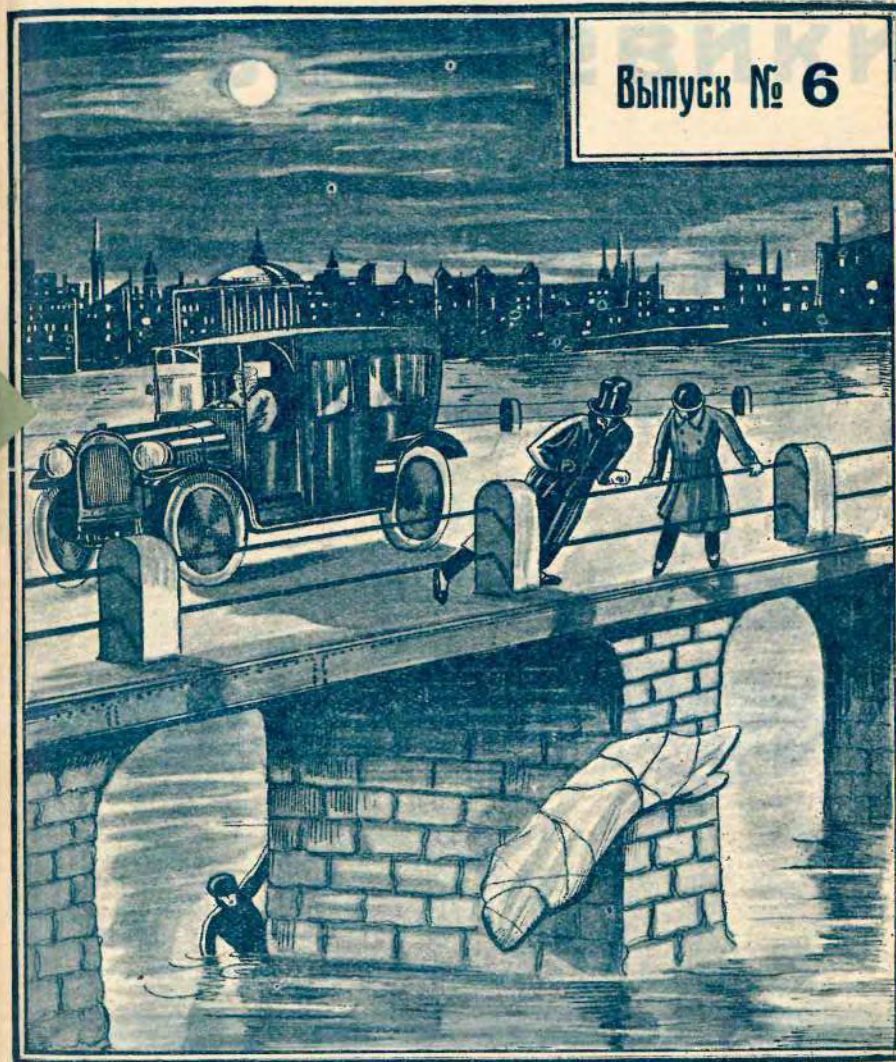
Цена 20 коп.

6156

БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ

Выпуск № 6

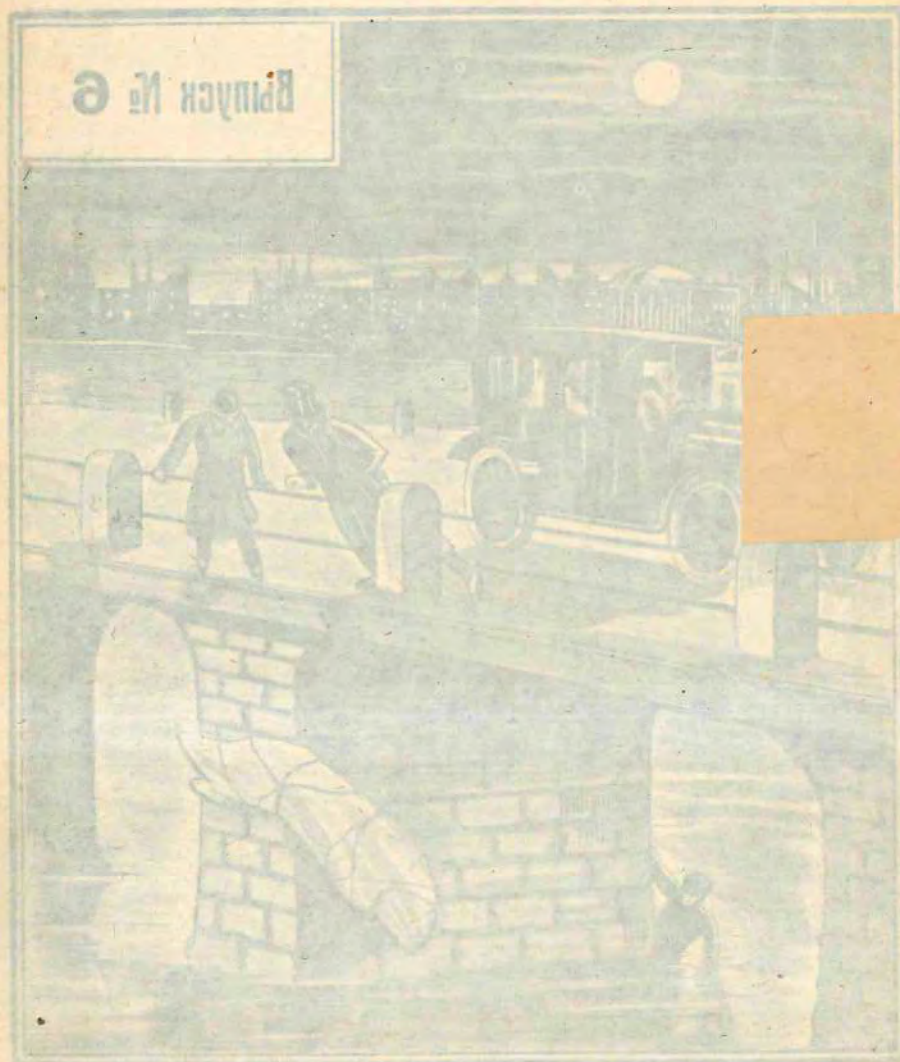

ФРИДГАТ

1925 г.

„Новая Москва“

БОЛЬШЕВИКИ
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ

Тов. Инкогнито

БОЛЬШЕВИКИ
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ

(Фантастический роман)

Выпуск 6.

1925 г.

„Новая Москва“

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

— Рад видеть вас, мистер Крудж! Ваш приезд был необходим вообще, а при создавшихся обстоятельствах от него зависит будущее не только Совета и Секретариата...

— О, мне необходимо было приехать, сэр Уолкинс.

— Прикажете подать что-нибудь, или начнем прямо с дела?

— Кроме сигары, ничего... У вас здесь есть... Спасибо. Послышался шорох неторопливого закуривания.

— Итак, что у вас подвинулось за это время? гость Уолкинса говорил женским сиплым голосом, как будто выпуская звуки через шелку, заткнутую обильно пропитанной маслом ватой.

Сэр Уолкинс секунду промолчал, а затем стал докладывать.

— Вам уже известно, что и французскому правительству, и большевикам стало известно, что восстание в Индо-Китае инспирировано. Они приписывают его возбуждение английскому военному министерству. Комиссия, назначенная по требованию демократических болтунов, пришедших в азарт по этому поводу, может однако открыть и нашу причастность к нему. Они имеют ввиду допросить того нашего индусского агента, которого мы выдвигали в качестве правителя. Это Санджиб Гупта. Бывший раджа-компрадор Ост банка может проболтаться..

— Нужно избавиться от него... вставил Крудж.

— Нет... Это мало поможет, потому что комиссия достаточно получит материала в Сайгоне...

— А что же тогда?..

— Нами сделано распоряжение убрать комиссию и захватить те материалы, которые она соберет,

— А если подозрение упадет на нас? Все знают, что это только Ложя может сделать.

— Это будет зависеть от обстановки, при которой погибнет комиссия. Мы решили, что это сделает член Совета Ложя...

— Кто?

— Бурсон...

— Согласен. Дальше... Что за лихорадка началась в Индии? Почему там сразу большевики вылезли везде? Ост банк неделю назад чуть не лопнул и теперь опять колеблется.

— В Индии главарям националистов удалось прекратить национальную рознь между мусульманами и индусами. Большевики воспользовались этим,—в нескольких местах им удалось учинить бунты и они стали мечтать о всеобщем восстании. Мы приняли через наши организации в Индии необходимые меры и, кроме того, правительство посылает туда эскадру на всякий случай. Вся агитация исходит по-прежнему от коминтерна...

— Вездесущие фанатические бандиты! Нужно кончить с их всемирным гнездом в Москве, и тогда они не будут мешать на каждом шагу в другом месте...

— Об этом я и хотел говорить. Пока они могут опираться на государственные ресурсы мужицкой громадины своих мистификаторских республик, а цивилизованные государства будут терпеть их, до тех пор всей нашей деятельностью мы сможем причинять им только булавочные уколы. Два года уже мы это делаем и за эти два года мы коминтерн не разрушили, а свой авторитет уронили. Надо положить этому конец... Большевицкое правительство боится больше всего войны. Но можно устроить так, что большевики, несмотря на всю свою осторожность, сделают первый выстрел и нападут на соседей. Тогда с ними можно кончить...

— Значит вы думаете, что их нужно вызвать на войну?

— Да... или это, или мы вообще с ними ничего не сделаем.

— Как вы себе представляете повод к войне?

— У нас возможность неограниченного влияния в Румынии и Польше. Мы можем создать видимость такой обстановки, когда какое-нибудь из этих государств, во первых, будет казаться изолированным от остальных держав, во вторых, сделает несколько дерзких выступлений против Советов. Советское правительство вынуждено будет реагировать. Тем временем наши организации, выдавая себя за большевиков, отличатся на выполнении большевистской программы... Объявят, например, национализацию женщин, схватят несколько, по возможности, известных иностранок и натворят скандалов с ними. Этого будет достаточно, чтобы против большевиков выступили все...

— Да, это верно, сказал Крудж. Это обдуманно и сомнений не вызовет.

Оба собеседника замолчали.

Граудин получил момент, чтобы опустить натурограф, достаточно ошупавший кабинет и двух находившихся в нем сообщников капиталистического интернационала и решил бросить взгляд на этих людей.

Он увидел на креслах за одним углом стола аристократического мужчину худощавого и стройного, средних лет, и другого более молодого, более полного с угловатым лицом, неаристократически сильных и резких движений.

— Сэр Уолкинс!.. определил Граудин личность первого и подумал о втором:

— Денежная прорва—Крудж.

Оба собеседника в сюртуках, крахмале, с кольцами на пальцах сидели, джентльменски бесстрастно глядя друг другу в глаза, джентльменски осмысленно оформляли в голове кровавые перспективы мировых событий и читали один у другого, что у каждого из них на душе.

— Неужели не понимает он, что Америка в этой войне сожрет Англию? думал Крудж. Что только для этого и имеет какой бы то ни было смысл тратить золотые запасы американских контор... Он думает быть директором... А хоть бы и так?

— Неужели не понимает он, думал Уолкинс о Крудже, что при всемирной директории без меня он со всеми капиталами американских банков очутится перед революцией и вынужден будет искать спасения опять-таки у меня? Пусть попробует...

Но вслух этого ни всемогущий банкир, ни организатор контр-революции не говорили. Вместо этого Крудж дополнил свою мысль некоторыми сомнениями о войне.

— Конечно, это была бы убийственная для большевиков война, которая возбудила бы против них все европейские государства, несмотря на всеобщее денежное обнищание. При обеспеченном финансировании держав не воевали бы только ангелы. Но, сэр Уолкинс, думаете ли вы, что финансов одного человека, хотя бы и такого, как я, достаточно, чтобы справиться с теми передрыгами, какими грозит ваш план? Политика лично мне стоит очень дорого...

Сэр Уолкинс кивнул головой.

— Мы одни не справились бы, и об этом я больше всего беспокоился. Но теперь мы не одни...

— Как не одни?

— Смотрите... Уолкинс поднялся, извлекая из папки какой-то документ и подал его Круджу.

— Как? Грагам тоже? Это после большевистских интриг в Китае и Японии?

— Да, Грагам после нового соглашения Советов с Китаем, последовавшего без достаточного протеста со стороны конгресса, подписал формулу магистра и дает деньги. Переговоры я с ним через подставных лиц вел давно...

— Ну, тогда препятствий нет! Это половина всех капиталов Америки! Берегите эту подписочку. С ним надо устроить совещание.

— Да... Но после этого я предлагаю немедленно же собрать Совет Ложи.

— Необходимо.

— Я думаю через три недели. Для того, чтобы отовсюду с'ехались старейшины и старшины.

— Согласен...

— Поставим на обсуждение: трехперсонность директории, определение того буферного государства, которое можно использовать против Советов, невмешательство Америки до момента, когда потребуются деньги. Наметим формулу обязательств при предоставлении займов правительствам. Установим расписание разгона и уничтожения большевистских гнезд в союзных странах после низвержения Советов.

— Согласен...

Кстати о большевиках. Эти молодцы что-то пронюхали о наших планах. Здесь показались московские агенты, уличенные в наблюдениях за нашими резидентами и даже дежурившие возле моего дома...

— Ого! воскликнул Крудж. Значит они и здесь не спят?

— Да... Двух из этих негодяев наша агентура изловила и сейчас они находятся в моем тайнике. Хотите посмотреть пока они существуют еще?

— Отчего же, с удовольствием кого-нибудь из них стегану собственноручно, воскликнул Крудж, взяв со стола газето-держатель.

Уолкинс позвонил. Граудин затрепетал и впился в про свет отдушины.

Он еле сдержал готовое вырваться восклицание, когда увидел, кого ввели фашисты.

Это были Дранницын—масленщик курского вокзала, он же шоффер лондонской транспортно-прокатной конторы, и его помощник, настоящий шоффер этой же конторы, член тредюниона Гарри Хейтон.

Их ввели в кабинет фашистского главаря три джентльменски одетых агента Уолкинса и Пит Граф.

Граудин снова тронул механизм натурографа, склонил беспомощно голову и стал слушать.

Несколько секунд продолжалось молчание любопытного рассматривания введенных. Затем Крудж своим бабьим голосом спросил:

— Попались молодцы?

Ему никто не ответил из арестованных. Зато Пит Граф излился.

— Они следили за мной после побега из-под ареста в совдепии и дежурили на автомобиле здесь, возле дома сэра Уолкинса. Один из них русский, другой — местный член тред-юниона. У них есть здесь их комиссар, которого я знаю в лицо, но, к сожалению, не имел возможности сразу схватить, как только увидел его. Они, сколько я понимаю, напали на след совета магистров и пытаются открыть его. Существует еще опасность, что они что-нибудь узнают, пока их главарь не в наших руках.

Граудин не шелохнулся при этом сообщении профессионального шпиона контр-революции и продолжал слушать.

— Вы знаете, кто мы? повелительно повысив голос, спросил Уолкинс.

— Душегубы! — коротко отрезал Дранницын.

— Вы знаете, что мы душегубы?

— Печати на лбу нет у вас, но что джентльменские перчатки чаще всего прикрывают окровавленные руки, это мы знаем... Подтвердил, глядя исподлобья на окружавших его и не предвещавших своим видом добра бар, Гарри Хейтон.

Агенты в сюртуках во главе с Пит Графом передернулись, схватились за одежду своих жертв и вопросительно повернули головы к своим повелителям.

Уолкинс стоял и глядел на своих пленников со спокойной заложенными назад руками, как будто перед ним были заинтересовавшие его, но не новые для него бездушные вещи. Крудж же приходил во все более свирепое возбужденное.

— Я этого бандита хочу хлопнуть по морде! кивал он головой на Гарри Хейтона и вопросительно смотрел на Уолкинса. — Я этого бандита хочу хлопнуть по морде! повторял он. И вдруг, сделав короткий быстрый шаг отдышливого человека, он изо всей силы бацнул по зубам угрюмо блиставшего глазами шоффера, которому одновременно агенты набросились на руки.

— Собаки! зарычал Гарри, попробовав рвануться и тут же оставив эту попытку. — Слушайте и бейте, душегубы, я вам заявляю, что вы собаки! И ты, миллионер — животное! Палач! Мясник! Тьфу!

И Гарри плюнул слюну с кровью на сюртук и крахмал Круджа.

Поднявший руку, чтобы броситься к товарищу, Дранницын был схвачен другими двумя джентльменами.

Он также крикнул:

— Собаки!

Крудж очутился перед ним.

— Собаки? задыхаясь переспросил он.

— Собаки! Вы действуете не в застенке и не на краю света. Бейте и убивайте, но помните, что мы знаем вас. Знаем не мы одни, а кое-кто другой, кто не спускает с вас ни на минуту глаз. Крудж и Уолкинс! Магистры шпионов, убийц и провокаторов, желающие быть распорядителями мира, вас оплюют с ног и до головы кровью если не сегодня, то завтра... тьфу!

Новый плевок брызнул на Уолкинса, попрежнему спокойно было стоявшего с руками за спиной перед жертвой и нагло ждавшего результата. Увидев вдруг на рукаве слюну, он как остервенелый зверь бросился на Дранницына.

— Бейте, прохрипел он, ударя сам масленщика и чувствуя вдруг, что его кулак опустился на падающее тело.

Несколько агентов, опустив кулаки и также почувствовав, что бьют безжизненное тело, недоумевающе посмотрели друг на друга и нагнулись к лежащему Дранницыну, большое сердце которого не выдержало его „раскоря-

чек, и разорвалось вместе с плевком на врага. Он был мертв.

Агент ткнул его ногой.

Другая группа терзала Гарри Хейтона. Тот захрипел и также упал.

— Кончено...—выпрямился Уолкинс. Крудж пыхтел и отдувался, стирая платком плевки. Джентльмены агенты снова вопросительно обернулись к Уолкинсу.

— Сейчас по улице рано таскаться с ними, посмотрел на часы Крудж. Через два часа на машину и в Темзу. Обождите в приемной покамест. Кабинет я закрою. Мистер Крудж, пройдемте к гардеробу, там мы можем привести себя в порядок. Мистер Пит Граф, я прошу завтра вас для сообщения мне сведений по поводу их главаря.

Кабинет опустел, в дверях шелкнул замок. Стало мертвенно тихо. И только теперь Граудин решился поднять голову, выпрямляясь над отдушиной.

У него отекли все члены, звенело в ушах, но он этого не замечал. Только его спокойствие после того, как произошла расправа на его глазах, делалось устрашающим.

На минуту он снова опустил голову и в его глазах засветился огонек возбуждения мелькнувшей у него мысли.

Он приподнялся и осмотрел еще раз из отдушины внутренность кабинета.

Мертво светилась люстра на потолке, горела лампа под зеленым абажуром возле бумаг на столе, на ковре возле стола мешками лежали два трупа.

Граудин внимательно осмотрел их, насколько это допускало расстояние, затем прислушался к тому, что происходит в соседних комнатах. И, очевидно, усложнив свои сомнения, решил действовать.

Он отступил от своего первоначального намерения выбраться отсюда так же, как он забрался, в виде полотера. Для этого пришлось бы прождать в лучшем случае еще до утра, если полотеров вызовут снова немедленно. При обычных условиях они должны были прийти только еще через

два дня. Но не станут ли за ними теперь смотреть во все глаза? А сама собой создалась возможность уйти и немедленно и более верно, чем он этого мог ожидать.

Еще раз Граудин оглянулся и после этого стал опускаться к отверстию камина. Здесь он высунулся, прислушался еще раз и ступил на пол.

Оглядев труп Дранницына, он остановился на Гарри Хейтоне.

Шоффер был весь в крови и синяках.

Граудин начал бесшумно его раздевать, поминутно оглядываясь, чтобы прислушаться, не идет ли кто-нибудь; сняв одежду с шоффера, разделся сам и одел на себя шоферское одеяние.

После этого он снял несколько изразцов в печи, сделал отверстие в камине, поднял труп и опустил его в дымоход, прикрепив на тот костыль, который служил и ему в его засаде приспособлением для того, чтобы держаться в трубе.

Когда это было готово, он подошел к столу и, не прикасаясь к нему руками, разглядел бумаги.

Найдя взглядом список приглашенных в совет и лежавшую на столе особую формулу вступления в Икс-Ложу Грагама, в которой миллиардер заявлял о своих обязательствах, связанных с посвящением, Граудин поднял против документов объектив натурографа, мимолетным движением произвел с'емку с них и после этого, быстро вынув из аппарата, как пластинки, так и все мелкие части механизма, положил все это себе вместе с финским ножом в карман. Завернув затем снятую с себя одежду в узел, он отправил его туда же, где находился уже труп Хейтона.

Управившись и с этим, он заделал снова камин, ввернул в изразцы винты и начал расписывать себе лицо, вымазывая его кровью и оттирая излишнюю сажу.

Приведя в себя в такой вид, что мог не опасаться обнаружения обмана, он упал на место, где фашисты оставили полчаса назад труп Хейтона, и здесь замер.

Он пролежал так весь остаток времени—тех двух часов, по истечении которых Уолкинс назначил сокрытие следов преступления.

Наконец наступило, очевидно, удобное время. К двери кабинета подошло несколько человек, она открылась. В кабинете началась сопровождаемая шепотом и суетой деятельность по выноске трупов и приведению в порядок кабинета.

Оба трупа, завернутые в снятые откуда-то большие полотнища портьер, несколько человек снесло в автомобиль.

Машина тронулась. Через полчаса она остановилась во дворе пустой загородной виллы на красивой возвышенности берега реки. Четверо человек потянули узел, раскачали его, держа за концы, и изо всей силы бросили вниз.

Граудин почувствовал свободное падение узла, в котором он находился, затем удар его об воду и погружение в нее.

Но он уже выпрямился в узле и, одной рукой натягивая ткань портьеры, другой резал ее и освобождался от нее. Через несколько секунд он сильными взмахами рассекал воду, стремясь вверх, и вдруг всей грудью вздохнул на свежем воздухе.

Он радостно оглянулся, как человек спасенный от неминуемой гибели, увидел огни на берегу с одной стороны реки и с другой, полсекунды помедлил, определяя, куда взять направление, и затем поплыл.

Он приближался к берегу, как вдруг услышал, что на некотором расстоянии от него кто-то также рассекает воду и плывет за ним. Невольно Граудин вздрогнул и попытался сообразить, что ему предпринять. Он нырнул, сию секунду продержаться в воде насколько возможно дольше, чтобы изменить направление и или сбить с толку своего преследователя, или окончательно убедиться, что его обман каким-то образом обнаружен фашистами.

Проплыв в воде почти две минуты, он вынырнул. Тут же он услышал, что его преследователь совсем близко и увидел силуэт его головы над водой в потемках ночи.

— Один... Придется задушить!—подумал Граудин.

И с отчаянием человека, которому больше ничего не оставалось делать, он вдруг круто повернулся в воде.

В ту же секунду он услышал негромкое восклицание приблизившегося пловца:

— Товарищ Граудин!

Граудин почти поднялся над водой от неожиданности, но вдруг сейчас же его сознания коснулась догадка:

— Малабут!..

И он решительно двинулся навстречу товарищу.

Это действительно был корректор-помощник Граудина, следивший за Пит Графом с того времени, когда фашист сел в автомобиль Дранницына. Он видел, как Пит Граф с танцовщицей предательницей под'ехал к конторе какого-то маклера по частным делам, как оттуда вышел подозрительный слуга и позвал шоффера, а через две минуты и его помощника, как затем долго никто не выходил, и только возвратившийся, Пит Граф с танцовщицей сел на чужую машину за шоффера и уехал, оставив Малабута строить о происшедшем догадки, какие он пожелает.

Малабут разыскал носильщика пристани Дуччи Томкинса, пытаясь от него узнать что-нибудь о тех замыслах Граудина, для осуществления которых исчез латыш.

Мизантропический рабочий о том, что Граудин сделан полотором, не знал. Зато, узнав о том, что агенты Ложи схватили помощника шоффера машины „Мерседес“ вместе с Дранницыным, был поражен.

— Значит Гарри Хейтон в их руках? воскликнул он растерянно. А его ищет его брат по гаражам. Он хотел через него передать секретные сведения в организацию.

— Кто его брат? заинтересовался Малабут.

— Его брат Джон Хейтон телеграфист с канонерской лодки, отправляющейся в Аравийский залив. Они только

что прибыли откуда-то, и их теперь отправляют в дальнейшее плавание с важными секретными распоряжениями. На свете есть еще сознательные рабочие, которые, попав в руки генералов, не забывают, что они должны думать о своем классе. Он хотел, чтобы брат передал в организацию, зачем правительству нужно их посылать против Индии.

— Сведите меня с этим Джоном Хейтоном... Можно вызвать его?

— Он близко, сейчас я позову его к себе...

И Малабут встретился с братом Гарри Хейтова.

Моряк телеграфист, скрытно явившийся на квартиру носильщика, был ошеломлен тем, что ему сообщил Малабут о брате.

Он опустил руки и беспомощно с'ежился на стуле.

— Чтонибудь можно все-таки предпринять, чтобы спасти его? неуверенно спросил он.

— Может быть удастся что-нибудь сделать, если не спускать глаз с фашистской своры. Мы это и будем делать конечно. Если вы можете также помочь нам, пойдемте с нами...

— Я могу появляться только через день на несколько часов.

— Тогда скажите нам, как вас можно найти в самом крайнем случае, чтобы не вызвать подозрения на вашей канонерке, и мы будем сообщать вам, если узнаем что новое.

Джон Хейтон установил возможность свидания с Малабутом.

Затем он сообщил то, что ему было известно о их поездке. Их канонерская лодка была флагманской. Но с ней было послано секретное радио двум крейсерам и одному транспорту отправиться в Индийский океан и крейсировать у берегов Индии. По слухам, начавшим циркулировать среди матросов, суда отправились для усмирения индусов.

Малабут схватился за эти сведения, сообразив о всей их важности, сказал, что передаст их немедленно, куда следует, и они будут использованы.

Так как Джон сейчас же должен был уйти, то Малабут, поставив наблюдать за конторой маклера, где были схвачены шоффер и Дранницын, сам пошел следить за домом Уолкинса, куда, по его предположению, обязательно должен был пойти Пит Граф. Утром возле дома Уолкинса он увидел, как в числе полотеров в дом пошел Граудин, но остановить его и поговорить с ним он не мог и только пожалел, что не бросился сразу же прямо к нему с сообщениями.

Он стал ждать возвращения Граудина и появления Пит Графа. Но к его удивлению в дом прошел вскоре с вызвавшим его товарищем четвертый ожидавший на улице полотер. После работы вышло только трое.

Малабут понял, что Граудин засел в доме, но не будучи в этом уверен, решил еще упорнее следить за домом.

Группа наблюдателей продежурила сутки возле дома.

На другой день Дуччи Томкинсу удалось проследить, как из конторы маклера усадили на машину, очевидно, одурманенных чем-то пленников и увезли.

Малабут с своей стороны увидел, как их привезли и провели в дом Уолкинса, куда начали также собираться заведомые организаторы сыщиков и фашистских групп. Приехал и Пит Граф.

Революционеров-коммунистов охватила тревога, но предпринять что бы то ни было против расправы, близость которой они чувствовали, наблюдая этот сбор, они не решались, зная, что и полиция, и тюрьма правительства, и своры агентов к услугам Уолкинса могут быть мобилизованы в любую минуту.

Приходилось ограничиться пассивным наблюдением развития завязавшейся драмы.

Она сделалась еще более несомненной, когда приехал Крудж.

Так Малабут дежурил половину ночи.

Он послал одного докера рабочего проследить отъезд Круджа. Дуччи послал отдохнуть. Сам же с другим докером стал ждать утра.

Под утро он увидел, как несколько человек грузили узел с связанными или с убитыми людьми на машину. Он был достаточно близко, чтобы услышать распоряжение ехать в виллу Уолкинса на берег Темзы.

Малабут покинул свою засаду, нанял автомобиль и приехал сюда, немного опередив фашистов. Он почти угадывал, что произошло убийство, но нет ли среди убитых и Граудина?

Когда узел стали выгружать на круче берега, он уже был в воде и после падения брошенного мешкообразного узла в воду, очутился там, где упал мешок.

Тут только Малабут сам себя спросил, что еще он может сделать.

И вдруг он увидел выплывшего на поверхность воды человека.

Малабут сперва осторожно, а затем смелее последовал за ним, пока по манерам пловца не догадался, что это Граудин и есть. И вот отчаянный латыш и его преданный помощник снова были вместе.

Граудин выразил горячее одобрение настойчивости корректора, когда тот рассказал ему все обстоятельства его необычного местонахождения в Темзе и затем оба революционера вопросительно посмотрели друг на друга...

— Куда мы пойдем в таком виде?—спросил Граудин, отряхиваясь от воды.

— Ближе всего к Дуччи Томкинсу...

— А у него соседей подозрительных нет?

Малабут уверенно тряхнул головой.

— Возле него живут одни портовые рабочие и докеры. Это профессиональные костоломы фашистов, которых они чувствуют за три версты. К ним агенты носа не сунут. Пойдемте отдохнем и затем надо действовать, иначе без вас хоть езжай в Москву.

— А что у вас?

— Происходит что-то, что заставляет думать о том, что в Индии уже действуют наши техники... Флот мобилизуется... И Малабут рассказал, что ему сообщил Джон Хейтон.

— Ага! хорошо... Мы увидим этого Джона? Через него можно будет установить с моряками настоящую связь?

— Увидим, но вы прежде отдохните.

— Да, без отдыха я больше не смог бы выбраться теперь из собственной могилы. Надо нам теперь не влопаться. Слишком дорого теперь стоят наши головы. Фашисты много отдали бы, чтобы уничтожить нас, если бы знали, что мы знаем о их планах. Пусть Пит Граф нас ищет в Лондоне, а мы на днях двинемся за океан. У нас много дела. Надо прежде всего обо всем написать в Москву. Затем выехать, разыскать Бурсона и помешать ему уничтожить то, что делает парламентская комиссия. Увидеться с Пройдой. Не больше, чем через месяц возвратиться. За это время может начаться такая каша, что у самих империалистов из-за шкуры сало потечет. Фашисты играют с огнем. Готовьтесь, товарищ Малабут. Жалко, что погибли Хейтон и Дранницын, да нет Пройды с нами.

И Граудин рассказал, что он узнал, находясь в засаде, в камине кабинета Уолкинса.

Малабут слушал и его подмывало броситься куда-нибудь, чтобы скорее рассказать всему миру, что задумали заговорщики-миллиардеры.

В Лондоне задумано — в Рангуне исполнено.

Прошло две недели со времени расправы над Дранницыным и Хейтоном в кабинете Уолкинса. На крайнем восточном пункте Индии — в Рангуне с парохода „Пурави“ сошло два охотника-туриста — мистеры Джемс Бичам и Чарльс Моллер. Путешествующие европейцы направлялись в области Индо-Китая и хлопотали о том, чтобы дальнейший путь продолжать с проводником по мало населенным и диким местностям Сиам.

Оба путешественника, сложив свои вещи и устроившись в гостинице, первый же день остановки решили использовать для осмотра города.

Они вышли из европейской части города, вошли в „петтах“ *) и, останавливаясь иногда перед старинными удивительно фантастической архитектуры храмами, чтобы поделиться парой замечаний по поводу их восточного великолепия, очутились на базаре.

Скоро они утонули в пестрых базарных группах полуголых чернокожих, китайцев, особо выделяющихся здесь среди них своей важной медлительностью индусов и разноплеменных нищенствующих попрошаек и продавцов, которые немедленно начали приставать к путешественникам.

Какой-то оборванный язычник-туземец из числа базарных искателей бакшиша особенно настойчиво увязался за охотниками, следуя за ними на протяжении почти всего рынка и не устая предлагать себя в качестве проводника.

Приезжие сперва отмахнулись от него рукой, потом досадливо обругали его, наконец один из них, будучи выведен из терпения, уже сделал угрожающее движение, намереваясь то-ли ударить бездельника стэком, то-ли отыскать взглядом и позвать полисмэна индуса, чтобы тот прогнал дикаря.

Но только что угрожающе обернулся этот вышедший из себя джентльмен, как его товарищ сделал ему предостерегающий толчек рукой и взглядом дал понять, чтобы тот слушал.

Индиец, продолжая досадные уговаривания, крикливо аттестовал себя:

— Ассан Бар провожал и белых сагибов, и всяких сагибов: и англизмен Пит Граф провожал, и дочь набоба девадаши Кукумини Бай провожал... Возьмите проводника Ассан Бар.

*) Петтах—черный город, кварталы туземцев.

Взглянув многозначительно на своего горячего спутника, тот, который обратил внимание на особый характер поведения проводника, обернулся к индийцу, закуривая сигару.

— Пойдем, веди нас к городу мертвых...

— Пойдемте, сагибы,—сразу обрадовался азиат.—Ассан Бар вам все покажет!

И туземец стал выводить европейцев из толп рыночной части города.

Около получаса шли за ним с видимым спокойствием, болтая, оба путешественника. Когда они очутились на пустынной, идущей через парк дороге, над берегом моря, докуривавший сигару охотник наконец остановился.

— Кто вы?—спросил он коротко.—Где и когда вы провожали тех людей, которых упомянули?

В то же время он незаметно переглянулся с товарищем, как бы предлагая быть готовым ко всякой неожиданности. Тот оглянулся и сунул за пояс руку.

От индуса не ускользнули эти движения.

Он сделал вид, что не замечает их, но в свою очередь осторожно сказал:

— Теперь я еще буду провожать одного сагиба. Я буду провожать сагиба Гр... Гр... Гр... Гр...

Индиец хлопал глазами и, сделав наивное лицо, растерянно расставил руки и смотрел, как бы желая, чтобы европейцы ему напомнили фамилии, начинающиеся с этих звуков.

Куривший сигару турист, очевидно, понял, чего хочет проводник.

— Гримм? подсказал испытующе он.

Индиец отчаянно замотал головой:

— Нет. Гр... Гр...

— Грубер?

— Нет! Гр... Гр... Ой, сагибы, вы же знаете, как зовут белых фаренги с такими именами.

— Гревс?

— Нет, нет. Гр...

— Граудин?—глотаю против воли звук, выговорил охотник.

Индиец моментально воспрянул:

— О, да, сагиб Граудин! Вы свое имя сказали. Спрашивайте, что хотите; молодые русские не ошиблись, когда узнали вас. Я знал, что вы далеко приехали из Москвы помочь индийским братьям бороться...

— Откуда вы это знаете? Спросил, наклоняясь к индусу, давно насторожившийся Граудин, ибо это действительно был он с Малабутом, с которым он решил догнать комиссию по расследованию событий в Индо-Китае.

— Со мной есть русск бой и танцовщица Первин, которая была в Москве. Они видели вас, узнали, но боялись ходить за вами, потому что скрываются, и послали меня.

— А вы кто?

— Я из Майенвили пролетарий, индийский кочегар Нур Иляш. Меня там хотели убить за хартал, водили за город, но я убежал и встретился с большевик Пройда. Вы его знаете, говорят бои. Он сделал меня тоже большевик, я приехал следить за сагиб Бурсоном, но в Пном-Пенхе мы убили негра, помощника Бурсона и оттуда уехали, чтобы нас не схватили. Тут мы за вами ходили, следили, но я боялся, чтоб мальчик и танцовщица не ошиблись, и вашу фамилию испытывал, пока вы сказали ее всю, как называл бой русский.

— А... Граудин переглянулся с Малабутом. Обоим сделалась ясной хитрость Иляша, при помощи которой он проверял знакомство ребят с туристами. Революционер парсис выжидательно смотрел на белых.

— Ну, вы славный и осторожный товарищ, товарищ Иляш. Но нам надо куда-нибудь перейти. Здесь говорить неудобно, пойдемте к кладбищу, там условимся, что делать. Скажите сейчас же, что делает Бурсон? тихо спросил латыш.

Не уменьшая шага, не поворачивая головы, кочегар парсис также тихо сообщил:

— Бурсон с самого начала из Пном-Пенх послал в Сайгон своих двух помощников; они хотели что-то там сделать. Мы убили негра и, чтобы не погибнуть, решили отсюда кого-нибудь послать туда, а самим здесь ждать, что будет. Но перед встречей с вами мы как раз увидели Бурсона и тех, которые ездили в Сайгон, здесь в городе. Комиссия только-что приехала сюда, и они что-то хотят принять здесь. Когдабой из Москвы Петряк увидел вас, он подумал, что вы все это знаете и следите за шайкой... Но он и девочка пошли проводить их к их сообщнику.

Граудин был ошеломлен сообщениями.

— Где нам можно немедленно же сойтись с боями, о которых говорите вы?

— Я веду вас туда, куда они должны прийти. В городе теперь опасно... и они зря по улицам не хотят ходить.

— Идемте скорее...

Иляш привел путешественников к древнему уединенному памятнику какого-то магараджи и здесь остановился. Революционеры, заброшенные жаждой революционного дела в этот далекий уголок мира, сели на одну из ступеней башневидного сооружения и с возвышанности, на которой находился памятник, взглянули на панораму моря, с одной стороны, тропического леса и реки внизу, с другой.

Здесь была удивительно картинная перспектива странной для далеких чужеземцев красоты, о которой у них не было времени думать, но на которую они так или иначе натолкнулись в своих опасных странствованиях, и они не могли не отдохнуть на ней взглядом в продолжение нескольких секунд.

Но только-что они осмотрелись, как раздался шум шагов и на возвышенности дороги, из-за придорожных папоротников и кустов выскользнули фигуры оборванца Петряка и нищенки Первин, которая, не дойдя несколько шагов, хотела остановиться, стыдась приблизиться.

Петряк поощрительно улыбнулся ей и очутился с нею возле русских товарищей.

Все тихо поздоровались.

— Зайдемте сюда! указал Петряк в промежуток между выступами стен. Я стану снаружи возле вас, буду смотреть, а вы решите, что делать.

Все скрылись за каменной кладкой стены. Граудин намеревался задать какой-то вопрос испытанному комсомольцу, но Петряк предупредил его...

— Комиссия попала в засаду. Бурсон приготовил ей западню. Они ничего не рискнули предпринимать против комиссии на глазах у французских властей, потому что, вероятно, боялись, что те на них сквозь пальцы не посмотрят. А в общем я проследил вот что: вся комиссия осмотрела одну моторную лодку вместе с начальником порта, а затем один фашист остался дежурить на ней в качестве машиниста. Я стал смотреть за ним после этого, а Первин следила за комиссией.

Все обернулись к девушке. Та подняла покорные бархатные глаза и сообщила:

— Меня научил сам товарищ Яков... У членов комиссии чемодан и портфель, которые носит везде с ними, секретарь. Я остановила одного сагиба из комиссии и спросила, не принести ли ему завтра, чтобы он купил славную старинную фигурку Будды, которую мне оставила бабушка жрица. Сагиб сказал, что они сегодня уезжают, чтобы я принесла сейчас, если могу... Я сказала, что пойду принесу.

Все обернулись к Граудину.

Тот молчаливо оценивал обстановку. Подняв голову, он спросил, сколько человек едет из членов комиссии, какой у них ручной багаж, есть ли бои, как зовут фашиста, ставшего на моторную лодку.

Получив все необходимые сведения и выслушав описание двух уполномоченных, а также их секретаря, Граудин решил:

— Нам надо по возможности предупредить убийство и обязательно сейчас же овладеть чемоданом и портфелем, о которых говорит Первин. В них документы.

Граудин, выслушав повествование ребят об аресте Петряка и избавлении его Иляшом и Первин, вечером был с преданным кочегаром на набережной гавани и приблизился к тому месту, где стояли дежурные лодки.

Остановившись здесь, Граудин послал боя-товарища поторговаться с лодочниками, сам же тем временем осмотрелся и нашел описанную Петряком лодку фашиста. Она в числе полдюжины других моторных катеров и десятка байдарок колыхалась на замке и возле нее на площадке пристани дежурил, очевидно, ожидавший в потемках наступившего вечера пассажиров фашист.

Граудин шеннул что-то Иляшу, после чего парсис, медленно отойдя в сторону, спустился с набережной и поплыл к лодкам, держа в руках небольшой сверток. Граудин с видом заговорщика приблизился к площадке, где сидел фашист, нерешительно остановился, оглянулся еще раз, как бы ища кого-то и, наконец, подошел к мнимому механику лодки.

— Вы Дон Пабло Домореско? по английски спросил Граудин.

— Я, кавалер,—с испанским акцентом ответил тот,—если угодно.

— Я из дворца губернаторской канцелярии. Сейчас придет автомобиль. По просьбе мистера Бурсона мне поручено передать вам, чтобы вы, во избежание недоразумений, встретили с автомобиля уполномоченных комиссии. Ожидайте автомобиль прямо у шлагбаума; есть опасность, что они что-то подозревают и хотят нанять частную лодку. Я буду наблюдать из-за будочек...

Граудин указал в сторону.

— А накачали этих сеньоров? спросил фашист, очевидно, говоря об уполномоченных. Заснут они, или мне придется иметь дело одному с тремя сопротивляющимися людьми.

— Это все сделано, не беспокойтесь...

— Слушаю,—подчинился Дон Пабло Домореско, не заподозривший мистификации, и, оглянувшись на свою лодку,

он пошел к находившемуся на расстоянии сотни шагов шлагбауму под'езда к площадке. Граудин сделал несколько шагов в сорону, будто уходя с берега.

Но, скрывшись за нагромождениями товарных пирамид, он затем круто повернул и очутился возле лодки фашиста. В ней под кормушкой уже находился Иляш, производивший таинственные операции взлома на дне катера.

Граудин также вскочил в лодку и тихо спросил:

— Ну, что?

— Есть. Сейчас надо нырять. Испанец далеко?

— Видеть он не может... Но из его слов я понял, что уполномоченным не сдобровать. На лодку их привезут, очевидно, под наркозом или напоенными ядом...

— Живодерная компания у этих собак! Действуют как мясники на бойне,—произнес Иляш, винчивая что-то в пол и оглядываясь.

— Готово,—добавил он.

— Не заметят они ничего?.. Не будет свистеть трубка, когда мы будем дышать?

— Нет... Воздух будет выходить под кормушку... Смотрите здесь. Здесь кстати есть груз: старые снаряды.

— А, есть! Я так и думал: это—чтобы пустить легче лодку на дно. Не трогайте их, чтобы не заметил испанец, что тут кто-нибудь был. Идемте.

— В одежде?

— Конечно... Нож есть?

— Есть...

Граудин оперся на борт лодки, взял в зубы конец каучуковой трубки и с нею нырнул под лодку, скрываясь в воде. То же сделал и Иляш.

Дон Пабло Домореско между тем ждал автомобиля. Наконец, в совершенно наступившей темноте сверкнули издали два двигающихся прожектора, раздались сигнальные рожки и к барьеру подкатил автомобиль.

Оттуда вышло четыре человека,—трое уезжающих и провожающий их чиновник губернаторского двора.

Чиновник выразил уезжающим пожелания губернатора в напутственных приветственных замечаниях. Машинист Пабло Домореско поклонился пассажирам и попросил следовать их за собой, помощник шофера понес небольшой чемоданчик к лодке, наличие которого устало и сонно проверял секретарь комиссии, молодой французский дипломатический чиновник мосье Пенс. Все члены комиссии чувствовали себя как-то приятно расслабленно. Всех клонило ко сну, не хотелось говорить и они не чаяли добраться до кают парохода „Мадрас“, на котором должны были плыть в порты Европы. Поэтому они были чрезвычайно рады, когда заняли места в лодке и уселись на них.

Механик катера начал снимать цепь. С берега отчалили одна и другая байдарка, очевидно, тоже направляясь к пароходу.

Но не прошло и двух минут, еще механик возился с мотором, не позаботившись привести его в порядок ранее, когда председатель комиссии—депутат французского парламента мосье Дюваль, бессильно ответив что-то своему коллеге, опустил голову и заснул. Господин Труксен и секретарь крепились, но и они, очевидно, не в силах были противостоять чарам морского вечернего воздуха и скоро бессильно склонились на свои вещи.

Лодка тронулась. Механик раза два с злорадной улыбкой оглянулся на бесчувственных пассажиров и, отехав сотню сажен в направлении к далеким огням „Мадраса“, наклонился к дну лодки, вынул из ее пола заранее загнанный туда клин, давая доступ воде, и одновременно замедлил ход мотора.

Между тем вокруг разыгрывалась сложная увертюра ряда обстоятельств, связанных с тем, что делал испанец фашист. Во первых, немедленно вслед за отездом моторной лодки на набережной показались фигуры двух человек. Это был Бурсон со вторым его помощником. Он хотел удостовериться в том, что его план выполнен до конца, решил спустя несколько минут нанять другую моторную

лодку и встретить испанца. Во вторых, из потемок гавани вышла байдарка, выследившая отправление мотора; на ней находился Малабут, согласно распоряжению Граудина. Другая байдарка отплыла еще раньше, одновременно с приходом автомобиля к шлагбауму и скоро соединилась с первой; тут были Петряк с Первин.

Наконец, самое главное, через минуту после того, как лодка отошла, у одного из бортов ее, осторожно прячась в потемках моря, высунулись две головы, с концами каучуковых трубок во рту, проведенных Иляшем под кормушку. Это были Граудин и Иляш, присосавшиеся к дну лодки и просидевшие по полтора часа в воде, пока катер не отошел от берега. Через дно лодки они дышали в свои трубки и ожидали ее отхода.

Вынырнув, они прислушались и заметили, как механик уменьшил ход лодки. Ни одного звука, кроме его возни, на лодке не раздавалось. Вдруг Граудин беспокойно взглянул на Иляша и тот утвердительно мигнул глазами.

Сразу оба товарища увидели, что лодка быстро погружается в воду. Механик с чем-то продолжал возиться.

Граудин приподнял голову и увидел, что тот, приготовив спасательный круг, прикрепляет пробковую цыновку к чемодану.

Латыш толкнул Иляша, и оба революционера вдруг очутились на борту, сильно перегнув лодку.

— Что?! хотел воскликнуть что-то фашист, но в ту же секунду удар ножом в грудь свалил его в воду.

Одновременно лодка одним краем ушла в воду и заколебалась, проваливаясь вниз и вываливая из себя все, что в ней было.

Иляш с портфелем, Граудин с чемоданом, принадлежавшими членам комиссии, очутились в воде.

— А пассажиры?.. спросил Иляш.

— Подержите чемодан, я схвачу кого-нибудь, ответил Граудин, немедленно ныряя.

Иляш, силясь держаться на воде, сделал несколько движений.

Латыш приблизился к нему, держа за волосы спасенного Дюваля, который начал проявлять признаки жизни.

— Скорее к байдаркам, иначе нас здесь найдет Бурсон. Видите наших?

— Вижу...

Граудин немедленно просвистал.

Малабут, давно следивший за огнем моторной лодки и заметивший, как исчез этот огонь, когда лодка опрокинулась, скомандовал Петряку.

— Плывайте! Началось... На помощь нашим!

Байдарки поплыли к тому месту, где разыгралась только что происшедшая драма.

Через три минуты Граудин и Иляш были на байдарках. Они начали приводить в себя непонимавшего, что происходит, француза. Но одновременно все увидели огонь отплывшей от берега другой моторной лодки.

— Скорей, ребята, к пароходу! вадо уходить, пока никто не подозревает здесь нашего присутствия. На пароходе я сговорился с матросами.

Байдарки усилили ход, поддаваясь движению весел. Граудин крепко держал в руках портфель, поглядывал, как Малабут и Иляш приводят в чувство француза и мерял глазами расстояние до парохода.

— Фашисты не поймут, говорил он, что произошло. Они будут думать, что случайно погиб и их агент. Пускай! Мы им приподнесем пилюлю. Но еще нужно в Бомбее повидать Пройду и Джона Хейтона. В наших руках судьба революции. Превосходно...

Силы собираются.

Перед открытием очередной сессии Всеиндийского национального собрания атмосфера в стране стала заметно накаляться.

С местными законодательными собраниями правительство не церемонилось. Собрание Бенгалии за требование сокращения расходов на полицию было распущено. Большинство депутатов Центральных Провинций за призыв к всеобщему бойкоту английских учреждений арестовано. Фашистские организации „моря“, содержащихся на счет правительства и английских банков, нагнали с каждым днем. Население готовилось к всеобщему восстанию. Распространились слухи о том, что для его подавления английское правительство высылает эскадру и вооружает фашистов.

В такой обстановке решающее слово в политической жизни стало принадлежать руководителям национального движения. Но известнейшие националисты пока своих карт не раскрывали и симпатиями масс начали овладевать коммунисты Индии.

Пройда в это время еще находился в Бенаресе, продолжая выжидать развития событий и работать под видом пилифовальщика.

Однажды возле его палатки остановились, испытующе всматриваясь в его лицо, двое молодых людей.

Пройда поднял на посетителей глаза и сейчас же узнал в остановившихся туземцах Арабенду Гош и его приятеля Ашутоша, около месяца назад отправившихся в путешествие с беженцами из Майенвилли.

Пройда внимательным взглядом пробежал улицу, перевел затем глаза на товарищей и кивком головы предложил им сесть в палатке на пол. Вместе с тем он, насколько это допускала предосторожность, опустил пологи палатки.

Арабенда и Ашутош удовлетворенно пожали руку мнимому парсису и встретились с ним многозначительным взглядом.

— Ну, товарищи,—предупредил распросы и недомолвки Пройда,—я, как видите, расположился прямо на глазах у сотен сыщиков и знаю каждое их движение... Если кто-нибудь из вас или ваших единомышленников считает, что я, организуя против империалистов бедноту и подготавливая

возмущение, навлекая на индийский народ бедствие и поэтому должен быть сметен с лица земли, как безумец-демагог или авантюрист, то ему стоит только взять несколько полицейских, чтобы вместе с этой палаткой меня навсегда уничтожить. Но мне кажется, что вы сами уже думаете теперь так же, как я. Говорите же, что вы решили теперь делать с собой.

Арабенда потер перед своим лицом ладонями рук и вместо ответа сообщил:

— Мы с Ашутошем были в Москве, товарищ русский. Мы хотели узнать, не мечтают ли большевики, сначала приходя к нам под видом друзей, делать затем завоевания везде, где народ о них ничего не знает. Может быть, вы с плохими целями приехали? Но мы увидели в Москве не только знакомых индусов, но и монголов, и арабов, и даже негров из Африки, и все они могут сказать, что большевики всюду несут с собой угнетенным только освобождение. Мы еще спросили, как большевики поступали в Китае, и решили, что вам во всем можно до конца верить...

— А-а! так...—Пройда удовлетворенно кивнул головой.

— Мы,—продолжал Арабенда,—тогда решили узнать, почему у вас такое отличие от других государств и мы узнали вашу Советскую власть... Мы решили, что только такой власти будем вместе с коммунистами добиваться и у нас в Индии. Тоже, что вы помогаете нам, только приближит ее осуществление. Мы теперь должны обождать в Бомбее Тарканатра; мы сообщили ему о том, что происходит в Индии, и он решил немедленно ехать сюда. Скоро бедноте нужны будут настоящие большевики-руководители. Пока же мы с Ашутошем розыщем знакомых студентов и будем работать в Бомбейской организации.

— Но вы не должны рвать с националистами!—возразил Пройда. Пока пролетарская партия еще малочисленна, очень много значит, как поведут себя националисты.

— Мы думали и об этом,—сказал Арабенда.

— Да... Что же вы решили сделать?

— Мы используем пока все наши связи для того, чтобы толкнуть националистов на более решительные действия. Они уже намереваются куда-нибудь перенести из Дели заседания национального собрания, так как там депутаты не чувствуют опоры в массах. От моего одного отца будет почти зависеть, останутся руководители на Бенаресе, или изберут Бомбей. Так как мы в Москве кое-чему научились, то мы, конечно, натолкнем отца на решение в пользу Бомбея. Там пролетариат, здесь же организовывается контр-революция. Смотрите!

Арабенда кивнул головой на улицу.

Пройда увидел движение поезда какого-то индусского князька.

Восточная толпа рыночных масс, двигавшаяся мимо палатки и лавок, пестревшая, галдевшая, торговавшаяся, колыхавшаяся при пропуске тонг, повозок и прохождении священных коров и священных жрецов, расступилась, давая дорогу пятерке слонов с носилками и челядью какого-то раджи.

Возле палатки шлифовальщика, загородив ее от улицы, остановилось несколько индусов и женщина. Затем они немного передвинулись, а их место заняла группа европейских туристов, возле которых сейчас же собралось несколько приставших к ним попрошайничающих браманов. Оттесняя группы толпящихся возле палаток, прошел в сопровождении двух слуг под зонтиком богомолец к храму. Напротив у палатки остановились носилки с отправляющимися на визит парсистскими дамами.

Только что прошел эскорт слонов, раздались хриплые звуки спрены прокладывающего себе дорогу автомобиля.

Движущиеся пешеходы еще раз расступились, прижались к палаткам, и машина проехала мимо палатки Пройды. В автомобиле сидело двое англичан и один туземец.

Пройда уже знал, что эти сановные англичане и индус негласно представляют в Бенаресе на происходящем административном съезде контр-революционных сил штаб северных войск Индии.

Он многозначительно кивнул головой и поднял глаза на спокойно следивших за ним взглядами индусов.

— Видите,—произнес Арабенда,—они с'ехались для определения своего поведения при разгоне национального собрания и они сговорятся устроить кровопускание не в одном городе. Национальное собрание будет поддержано если оно не будет заниматься разговорами в Дели, а начнет организовывать революцию в Бомбее.

ЧИТАЙТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ВЫПУСКИ

„БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ“

— В следующих выпусках —

Семья райота

Первые успехи.

Все действуют.

Не случайная встреча.

Враг разоблачен.

Организация и стихия.

ВСЕ

для

ВСЕ

Радио

ВСЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и РАДИО-
ПРИБОРЫ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ
в ОТДЕЛЕ РАДИО ИЗДАТЕЛЬСТВА

„НОВАЯ МОСКВА“

МОСКВА, Неглинный проезд, дом № 9.

ВСЕ ДЛЯ КАНЦЕЛЯРИИ, ШКОЛ в любом количестве
Вы можете получить в ПИСЧЕБУМАЖНОМ ОТДЕЛЕ
Издательства Московского Совета Р. К. и К. Д.

„НОВАЯ МОСКВА“

УПРАВЛЕНИЕ:

Москва, Кузнецкий мост д./1,
телеграф. адрес НОВМОСКВА

телефоны: 2-08-86, 4-02-51,
2-08-96, 3-16-07.

Розничные магазины по

всем районам гор. Москвы

телефоны: 3-99-93,

1-80-61, 2-47-00, 5-88-79, 2-01-72,
199-92, 5-76-49, 2-69-14, 3-65-44.

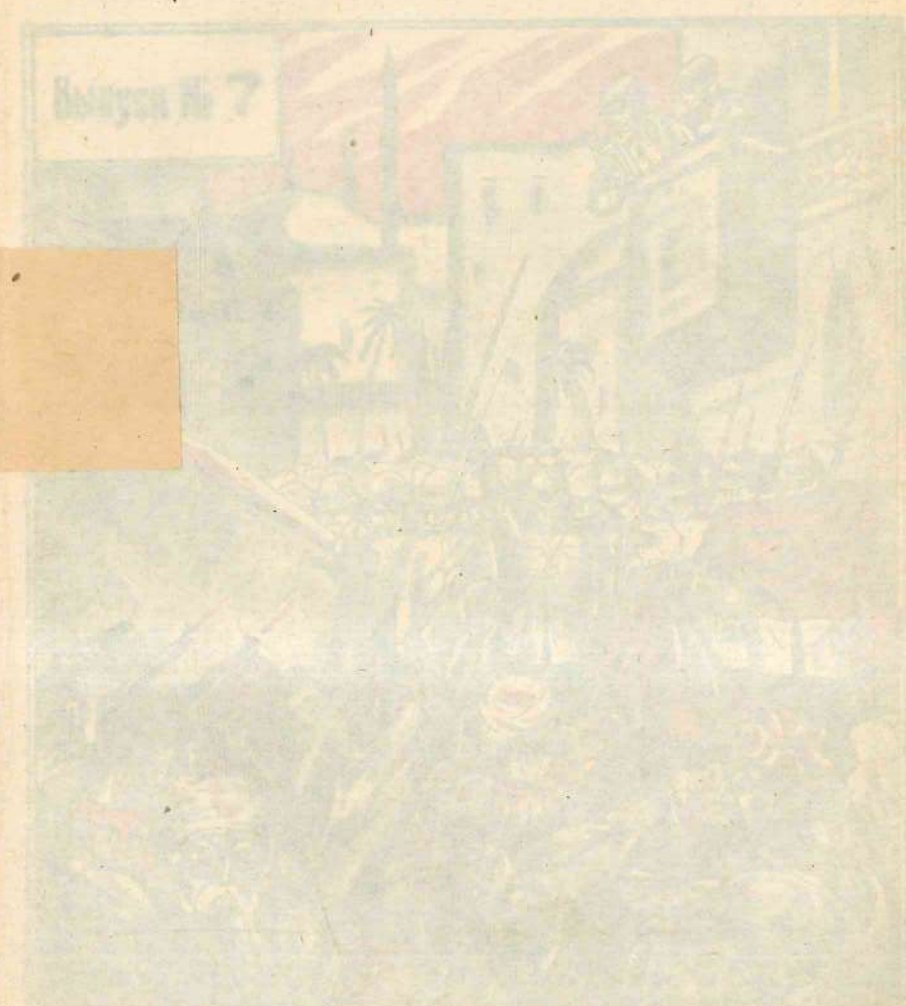
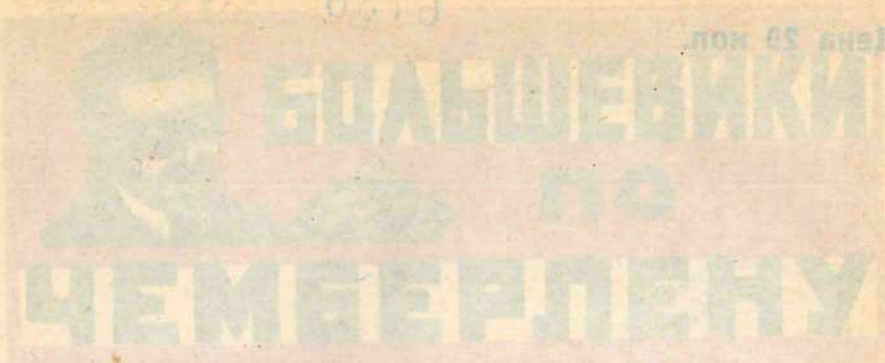
ОТДЕЛЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ:

Проспект 25-го Октября 100

Проспект им. ВОЛОДАРСКОГО, 53

” ” ” 27

Требуйте по телефону № 2-08-86 преис-нурант
и заборную книжку.

ВСЕ

ВСЕ

для

Радио

ВСЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ к РАДИО
УСТРОЙСТВАМ ВЫ ВЫБЕТЕ ПРИДУМАЕ
в ОУЛЕТЕ РАДИО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„НОВАЯ МОСКВА“
МОСКВА, Нижний проезд, дом № 10

ВСЕ ДЛЯ КАНЦЕЛЯРИИ, ШКОЛ и любой работы
Вы можете получить в ПИЧЕБНОМ ОТДЕЛЕНИИ
Издательства „Новая Москва“ Совету Р. № 10

„НОВАЯ МОСКВА“

УПРАВЛЕНИЕ

Размещение заказов по

Москве, Ленинград, Киев, Харьков, Минск, М. 10
Ленинград, М. 10
Минск, М. 10
Харьков, М. 10

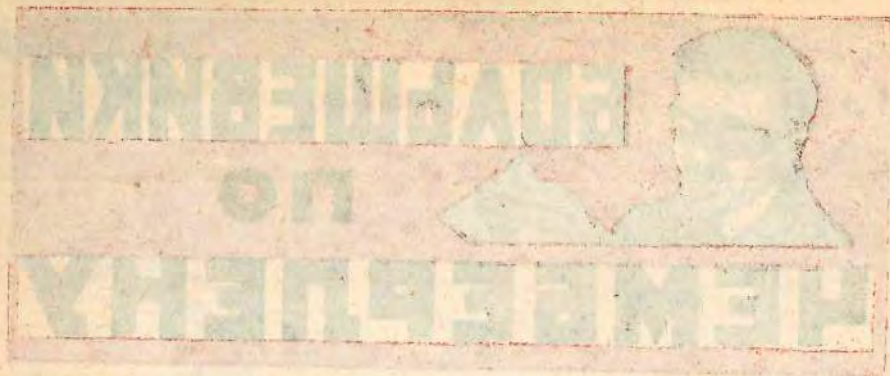
ОТДЕЛЕНИЕ в ЛЕНИНГРАДЕ

Ленинград, М. 10

Телефон по телефону № 2-08-86
в Ленинградском районе

БОЛЬШЕВИКИ по ЧЕМБЕРЛЕНУ

СИЛЫ СОБИРАЮТСЯ

(Продолжение)

— Правильно, Арабенда! Вы стали думать действительно по большевистски. А знаете вы, что готовится в Бомбее?

Оба индуса подняли глаза.

— Фашисты в ближайшие дни для предупреждения восстания рабочих расставляют в храмах и на крышах домов по всему Бомбею пулеметы. Мы перехватили по этому поводу их переписку.

— Вам известно, где именно они будут расставлять их? Ваши маленькие большевики смотрят за этим?

— Да, позиция каждого пулемета у нас будет известна, как будто все это мы делали сами.

— Ну, что же, пускай национальное собрание, ничего этого не зная, соберется там, откроет заседание, а тогда мы явимся и приподнесем им доказательства провокаторских намерений правительства, отберем пулеметы и будем вооружать рабочих и добровольцев.

— Правильно опять, Арабенда! Вы не только большевик, вы вдобавок и стратегии большевистской научились... Что вы еще думаете предпринять?

— Ашуттош получает депутатский мандат в Майенвиле, я в национальном собрании через отца получу должность. Если хотите можно и вас под каким нибудь видом устроить при собрании...

— Меня? Например?..—удивился Пройда.

— В виде чьегонибудь личного секретаря или эксперта какойнибудь комиссии...

Пройда подумал.

— Нет, решил он, это не стоит, а вот в виде управляющего какимнибудь хозяйством или агента какойнибудь надежной фирмы—это мне не мешало бы, для того, чтобы я не был прикреплен к одному месту и мог раз'езжать.

— Это мы устроим. Во всяком случае вам необходимо сразу же переселиться в Бомбей, как только национальное собрание остановится на нем. Я сейчас иду к отцу, с которым я не хотел видаться, пока не поговорю с вами. Он узнал, что я здесь, и беспокоится. Я думаю, что он окажет большую помощь нам.

— К отцу? Смотрите, за ним следят. Если бы вы отложили его посещение до завтра или хоть до вечера, я бы сказал, какая именно там слежка.

— Ничего, брат Пройда, попробуем сделать так, чтобы нас не видали.

— Хорошо, Арабенда... Я пошлю сейчас же туда когонибудь...

Гости Пройды поднялись и, выйдя с района базарных улиц, пересекли площадь, прилегающую к торговой части города, после чего очутились в узком дефиле между полукрепостными домами бенаресских богачей и владетельных феодальных земиндаров.

Они осторожно оглянулись, не последовал ли кто-нибудь за ними с площади; прощупали взглядом сгорбившегося старика мусульманина с посохом, в ярком халате прошедшего через улицу, конюха индуса, погнавшего, гуськом одну за другой лениво бредших лошадей, служанок на двух балконах, вытряхивавших ковровые ткани и перекрикивавшихся между собою, группу детей, на животах лежавших под стеной и занимавшихся какой то игрой и одновременно почти, заметив подозрительно слонявшегося и начавшего при их появлении голосить продавца комнатных певчих птиц с большой клеткой в руке, перглянулись.

— Джасус! — угрюмо буркнул Арабенда.

— Да! следят,—тихо сказал Ашутш.

— Обойдем вокруг и еще раз убедимся, будет ли дежурить эта рожа...

Молодые люди прошли мимо дома Раджаб Гоша, не зайдя в него, обошли вокруг квартал и снова вышли за угол той стороны площади, откуда один раз уже являлись.

Через минуту они увидели снова продавца птиц, сидевшего под одной из стен уличных домов. Но прежде чем они приняли какое бы то ни было решение о том, что им предпринимать дальше, как их догнал подросток, в котором революционеры немедленно узнали уже встречавшегося с ними Вагонетку.

Молодой коммунист, не останавливаясь возле друзей Пройды, замедлил слегка шаг, когда приблизился к ним и предупредил:

— Пройда велел мне помочь вам. Я позову птицелова, что бы он шел продавать птиц. Когда он уйдет, идите...

И Вагонетка бегом направился к шпиону.

— Эй, дядя! дядя! Нач-герл, сестра, хочет купить у тебя буль-буль соловья... Пойдем скорее!

— Где? Какая нач-герл? Не особенно радуясь тому, что нашелся покупатель, поднял голову продавец.

— Здесь за углом покупает позументы одна сестра нач-герл. Идем скорее она хочет подарить мне птичку буль-буль...

Шпион последовал за парнем к лавке за углом, где покупала позументы Дадабай.

Молодые люди, выглядывавшие из-за другого угла, обменялись долгим, полуудивленным взглядом по поводу маневра помощника Пройды и спокойно улыбнулись.

— Даровитое и беспокойное племя—большевики! сказал Ашутш.

— Чудеса творят большевики, воспитывая так свою молодежь! О, как мы отстали перед ними! надо действовать, чтобы и мы стали свободным великим народом.

Молодые люди вошли в дом, и слуга Раджаба кхансаман,¹⁾ увидев их на лестнице, обрадованно всплеснул руками.

Арабенда предупреждающе поднес к губам палец.

¹⁾ Кхансаман—дворецкий.

— Тише, Додор! Пусть поменьше народа знает, что мы пришли. Дома отец?

— Багадур Раджаб Гош занимается и размышляет у себя...

— Доложи, что я прошу простить меня и пусть скажет, может ли он сейчас принять меня. Я могу обождать, чтобы не беспокоить его...

— Отец ждет вас, Арабенда Бабу! Он немедленно же допустит вас,—ответил слуга, поворачиваясь уходить.

— Доложи,—проводил его Арабенда.

Додор скрылся за одной дверью и, выйдя оттуда, пригласил жестом руки войти.

— Посиди, брат Ашутош!

Ашутош кивнул головой и, подойдя к окну, стал следить за улицей.

Арабенда вошел к почтенному мужчине в белых одеждах, сидевшему впереди покоев, и на мгновение задержался у порога.

Отец ожидающим взглядом позвал молодого человека ближе.

Арабенда подошел и по обычаю приветствовал отца. Он прикоснулся рукой к ноге отца и приложился затем этой же рукой к своему лбу. Раджаб взял за руку сына и призвал его сесть рядом с собой.

— Я ждал тебя, Арабенда...

Молодой человек почтительно склонил голову.

— Я тоже хотел спросить тебя о тех делах бессмертного человечества и о нашем долге по отношению к нему, о которых думаешь и ты... Я знаю, что ты был далеко от родины, в советской стране...

Арабенда подтвердил это.

— Я знаю, что ты должен был начать думать о твоём отце и его друзьях вождах националистов, как о нерешительных, колеблющихся людях...

Арабенда напряженно ждал, не переставая сохранять почтительное внимание.

— Я все это передумал,—продолжал Раджаб—и решил, что ты прав, что правы твои новые друзья, что пора действовать иначе... Я еще не знаю, как именно, но может

быть у тебя и у твоих теперешних друзей есть план, приемлемый для нас. Тогда говори.

Арабенда поднял глаза.

— Я знаю, что ты должен был об этом думать, отец. И поэтому я шел к тебе с уверенностью в том, что ты сможешь торжеству освобождения матери Индии. От тебя и твоих друзей, отец, зависит что предпримет национальное собрание...

— А чем может помочь народу национальное собрание?

— Оно должно сделаться центром движения народа и не расслаблять борьбы, хотя бы и насильственной, а наталкивать на нее...

— Как?

— Пусть оно перенесет свои заседания в Бомбей...

Раджаб внимательно посмотрел на сына, подумал и тихо сказал:

— Да, если становиться на этот путь, то ты прав. Старые взгляды мои еще восстают против мысли о том, к чему это поведет. Но жребий брошен. Ты прав, мой сын!

— Только упорные проповедники сатиаграха воспротивятся этому. Но в таком случае народ останется покинутым, и жертв будет больше.

Раджаб печально потряс головой.

— Вера в сатиаграх рухнула. Кто же не знает, что я наиболее твердо настаивал на безкровной борьбе. Эту веру, многолетними преследованиями и своими безрассудными арестами разбило само правительство. Кроме меня, теперь против восстания никто не возражал бы, или возражали бы только из уважения ко мне и вождю махатме¹⁾, который без меня не выступит.

— Значит, отец, ты не осудишь меня за то, что я пошел не твоим путем величественного понимания и долготерпения?—скрывая волнение спросил юноша.—Ты имеешь ввиду, что со мной все может быть...

Поддавив внутреннюю муку, Раджаб произнес:

— Знаю я это сын. Но великая река жизни течет и толкает к их берегам детей человечества, не спрашивая, хотят ли этого их отцы. Ты уж определил, где берег твой

¹⁾ Махатма—учитель.

судьбы. Благословляю. Буду чувствовать, что это величайший дар, который я делаю тебе. Буду знать и то, что величайший дар мне, каким вообще может человек человека радовать, твое безграничное почтение и твою сыновнюю тоску об отце, я сохраняю только таким образом. Может быть ни ты, ни я не погибнем прежде, чем победит народ. И тогда, конечно, счастье освобождения народа искупит все. Иди же, сын, твоим путем. Я знаю, что должен делать я, чтобы деятельность твоя и твоих друзей была успешней. Ваши единомышленники есть в Собрании. Я буду по-прежнему чужой им, но действовать буду, как их мудрейший, хотя и чуждый их доброжелатель, пока они не увлекутся ненужной самоуверенностью. Будь уверен в старом отце. И время от времени навещай меня. У меня, ведь, больше теперь никого нет..

— О, отец,—юноша потрясенно склонился к коленям старика.

— Что еще тебе нужно, сын мой?

— Я хочу с одним товарищем скрыто присутствовать на том собрании, где у вас будет решаться вопрос о месте заседаний собрания.

— Можно. Я снабжу вас билетами.

— Кроме того, если ты мог бы ссудить нас деньгами. Мне их немного надо, но для нашей деятельности они необходимы.

— Я переведу на тебя большую часть моего дохода. Вы можете также располагать имением в Бенгалии, оно свободно. Укажешь Додору какое нибудь лицо для составления купчей, дабы я перед правительством чувствовал себя независимым, если вы устроите там штаб ваших сообщников или убежище вооружающихся.

— Спасибо, отец. Я тебя лишаю почти всего твоего достоинства..

Зиминдар сделал спокойное движение рукой.

Отец и сын долгим взглядом людей, понимающих друг в друге каждый порыв, посмотрели еще раз друг на друга.

— Прости, отец!—взял снова за руку отца Арабенда.

— Уходи. Шпионы не должны увидеть тебя, когда ты выйдешь. Войди в соседний двор и через него выйдешь на

улицу сзади. Я обеспечил здесь своим друзьям запасный выход. Додор укажет его тебе.

Раджаб позвал слугу. Арабенда вышел с ним. Ашуттош, взглянув на друга, присоединился к нему.

— Не упал отец духом? — спросил он тихо.

— Нет! Определился отец и способен на великое... Теперь опять надо повидаться с Пройдой, с его единомышленниками, дождаться Тарканатра, и пускай они овладеют и в Бомбее, и в Бенаресе душой каждого индуса, организуют все, что можно, чтобы быть готовым ко всему...

— Давно пора,—сказал Ашуттош. Если бы старые националистические учителя не сдерживали бы население проповедью пассивного сопротивления, то Индия уже давно была бы свободной. Они досопротивлялись!..

— Теперь этого не будет,—констатировал Арабенда.

— Значит будет всеиндийская драка, после которой империалисты уйдут отсюда с побитым горбом. Поплюем поэтому в руки, как делают перед революцией большевики, и пойдем посмотрим, что думают наши бывшие коллеги-студенты.

Семья райота.

В фактории сахарных плантаций сагиба Ричарда Пирбека возле Бомбея работает отец Дадабай Банким Рой.

Банким Рой—бывший солдат большой войны сагибов, для которой мобилизовали много индусов, когда инглизмены воевали с германцами. Он был трудолюбивым райотом крестьянином, но во время войны его семья разорилась на выплаты налогов английским властям за право пользования оросительными каналами. Райот с женой попытался, возвратившись с войны, вывернуться, отдал девочку браманам в храм для обучения в качестве танцовщицы, но, в конце концов, отказался от своего участка и попал на плантацию батраком.

И вот он работает в артели поденщиков под надзором соплеменника-надсмотрщика, ненавистного Гоза-Бабу.

В артели около двадцати человек. Время рабочей горячки: работают по 16 часов в сутки. Подростки и женщины преобладают, и Банкиму даже стыдно работать среди

них. Но Го́за Бабу и сагибу Ричарду Пирбеку, проживающему в бунгало возле плантации, не стыдно, что за гроши день денской работает здоровый судра. Владения фактории получают прибыль от эксплуатации слабосильных подростков и женщин также, как и от работы мужчин. Ибо если мужчина и поработает больше, то заработает 20—25 анна в неделю, женщина же получает вдвое меньше, а о подростках уже и говорить нечего.

Все знают, что Ричард Пирбек свои доходы считает не по несколько анна, а рупиями, но хозяин фактории сагиб и поэтому поденщики свою долю не сравнивают с его выгодным положением.

Это не мешает проклинать им свою судьбу.

Даже подводчики мусульмане и рабочие, работающие возле давящих прессов фактории и выварочных печей, и то мечтают о лучшей зарплате, Они получают по 18—20 рупий, а считают, что им нужно получать по 25—30 рупий. Тогда можно было бы сколько нибудь сносно жить и, выходя в город, пользоваться хоть раз в неделю удовольствием хождения по рынку. Но это доступно не такой бедноте, как батраки-судра.

Рабочие сагиба Ричарда Пирбека имеют связь с рабочими кожевниками мусульманского заводика. Но и эти кожевники, и рабочие джутовой фабрики, и мукомолы с паровой мельницы, и поденщики маслобоек—все они ругают, каждый своего сагиба Пирбека за лютых надсмотрщиков, за каторжные условия труда, за те гроши заработка, которые не дают сводить им концы с концами.

И только рабочие бомбейского железодельного завода и хлопчатобумажных фабрик, на которых надсмотрщики—ученые сагибы, а туземцы—искусные кузнецы, слесаря, инструментальщики, ткачи и прядильщики,—живут лучше поденной чернорабочей бедноты. Они работают двенадцать часов, а получают не меньше двадцати пяти рупий. Правда, недовольны и эти рабочие своими сагибами, но это потому, что они умеют своего добиваться. Ими верховодят националисты и большевики. У них комитеты тайной организации. Они хотят даже захватить в свои руки заводы и плантации, а сагибов прогнать. Если б это им удалось!

Но до сих пор большевиков-индусов только арестовывают, и поэтому сагибов приходится слушать, иначе будет плохо.

Банким все это знает, но помалкивает пока. Он работает на срезке стеблей и рад был бы, чтобы его никто не трогал. Но он сегодня опоздал, пришел тогда, когда другие рабочие уже получили инструмент и заняли свои места. Бабу Го́за должен был даже возвратиться в сарай фактории, чтобы взять нож для работы лентяю. Надсмотрщик сделал это, но сказал, что скажет в контору самому Пирбеку о нерадивости рабочего. Он не решился сам прогнать судру, потому что наступила рабочая горячка, предложения поденщины могло не оказаться, и тогда рабочий день одной рабочей силы пропал. От Банкима же можно было ожидать, что он, если ему что нибудь сказать—бросит работу или перед всей артелью начнет поносить ненавистного надсмотрщика. Давно он напрашивался на это, заставляя обходить его подальше.

Наконец Го́за-бабу, выбрав минуту, решает идти с жалобой и направляется в контору.

Банким, между тем работая ножом и сваливая стебли тростника подросткам, подбирающим его в охапки, следит за надсмотрщиком, и у него в голове волчьи думы.

У Банкима заболел сын, которому время тоже работать вместе с ним на плантации, а между тем его жена не только не может понести мальчика в храм умиловить всемогущего Шиву или позвать знахаря, но вообще то не может выйти из их еле покрытой тростником жалкой хижины в убогом туземном „басти“. На всю семью у Банкима остался чуть ли не один кусок хаддара, которым попеременно и покрывают чресла и плечи, то он, когда идет работать, то жена, когда ей нужно выйти к соседке одолжить молока или соли на пару дней.

Завтра раздача рабочим денег, Банким думал поправить немного свои дела и, не отдавая лавочнику долга, понести в храм Шивы рису, позвать знахаря, поесть риса самому с женой и попраздновать, отведя душу таким образом, в редкой сытости. И вот все эти надежды готовы были рухнуть из-за того, что он задержался возле мальчика, пока жена ходила взять воды из колодца.

— Семя Шикалы, идет доносить!—выругался Банким, видя что надсмотрщик, пожевав бетеля и поглядев в его сторону, повернулся к заводским помещениям. Идет старая крокодилова шкура выслуживаться! Если он скажет сагибу, неделя труда пропала даром. Пусть работает здесь, кто хочет, в таком случае.. Лучше сдохнуть с голоду и убежать, куда глаза глядят...

Банким бросил нож и быстро стал пересекать дорогу надсмотрщику.

— Эй ты, выброшенная гадюкой из кишек колючка, стой!..

Это было неслыханным против представителя администрации ругательством, которое заставило надсмотрщика задрожать от злости и остановиться.

Трое судра рабочих, женщины и десяток полуголых ребят бросили работу и остановились, глядя на товарища и их общего распорядителя, за несколько рупий служившего, как сторожевой пес, плантатору.

Подростки переглянулись, один из них тихонько хихикнул, но Банкиму было не до того.

— Ты хочешь, чтобы я погиб и не накликал на тебя проказы за то, что ты доносишь?

— Ты—лентяй! Ты—лающая гиена! Дерзкий презренный камбала, тебе не будет тут для работы места.. Уходи отсюда вон..

— Отдай мне прежде то, что я заработал за неделю. Работать у сагибов может только собака, которая неходит себе кости в помойке. Человек тут сдохнет. Я работать не буду, отдай деньги..

— Придешь, получишь, если суд не лишит тебя их за то, что ты рычишь, как скверный варвар-людоед из Нильгирии...

— Ты еще мои деньги через суд хочешь отнять?

— А ты думал нет... Если такого одержимого не обуздать, то всякий бунтовщик будет командовать надсмотрщиками, а не надсмотрщики ими. Пускай рассудит сагиб...

Банким сжал кулаки.

— Собака, наемник фаренги.

Он обернулся на товарищей, но те уже уткнулись головами в тростник, боясь оглянуться, боясь выразить ему

сочувствие и подвергнуться такому же изгнанию из плантации, как и он.

У Банкима дрогнула нижняя челюсть, он опустил руки и вышел.

Но, выйдя на дорогу, он остановился. И слезы заблестели в его глазах.

Ему некуда было идти.

Он отошел от плантации, за изгородью фактории упал на траву возле дороги под группой сорного папоротника и здесь застонал один и другой раз, сдерживая рыдание.

Какая-то девушка и чужеземный подросток, направлявшиеся к плантации через кустарник, почти натолкнулись на него и, услышав его стоны, остановились.

— Что это?—девушка, всмотревшись в лицо державшегося за голову человека, нерешительно остановилась, а затем схватила за руку подростка.

— Брат—это райя Банким, мой отец!

Вагонетка, которого Пройда прежде, чем выехать сюда самому, командировал вместе с Дадабай Рой в Бомбей для помощи товарищам в предвидении событий, которые должны были развернуться в городе, в связи с перенесением сюда заседаний всеиндийского национального собрания, остановился.

— Вот тебе и фунт! Что же это с ним?

— Братик, Вагонетка, иди в парк и жди меня, покамест там. Я узнаю, почему он под забором, и что у нас делается дома. Вероятно, чтонибудь случилось. Хорошо, что мы наткнулись... Если он и мать не заморочены браминами или полицией, то мы очень хорошо проживем здесь, пока мы найдем Сан-Ху, Бихари и приедет Пройда. Я найду здесь знакомых Кукумини и моих собственных. В той стороне, куда мы шли, находится кантомент. Здесь на речке для бедноты есть парк. Обожди меня в этом парке...

— Хорошо, сестра, только не попадись с аппаратом...

— О, нет. Иди, братик!

Вагонетка кивнул головой и зашагал, минуя селенье к той окраине города, где по словам танцовщицы находился сад, в то время, как Дадабай, обогнув куст папоротника, очутилась перед отцом.

— Отец, дорогой отец!—благослови свою дочь.—И девушка упала перед райотом, обняв его колени.

Райот-бедняк пораженно взглянул на дочь, не веря собственным глазам, увидел у нее сумку с вещами, а на руках украшения, взял девушку за руку, как бы желая увериться в том, что видит именно Дадабай, и вдруг снова опустил голову, давясь слезами.

— Дадабай... Дадабай!

— Отец, отец, ну, что? Ведь, не хуже же, что я пришла. Не умирать ты сел здесь. Дай мне голову...—И Дадабай обхватила судру.

— О, дочь, ты пришла, но мне не радостно, а стыдно, потому что отец твой, как собака, корчится во рву. Как мне смотреть тебе в глаза, когда я не могу и домой повести тебя, ибо там не найдется ни горсточка риса, ни блюдечка бобов, чтобы покормить тебя... Брат твой умирает дома и ему не на что купить молока. Меня прогнали с работы и не отдали денег, хотят судить за то, что я сегодня опоздал, охраняя Беди; я оскорбил надсмотрщика-собаку.

Дадабай потрясенно схватила отца за руки.

— Это, отец, ненавистные угнетатели, которые не жалуют ни беспомощного бедняка, ни ребенка. Ты только что узнал это, а мы нач-герл давно это уже знали. Ты сам убедишься, когда я расскажу тебе, что они делают с бедняками. Но это кончится когда нибудь, отец. Не думай, что так и должно быть.

И, порывисто вскочив на мгновение, Дадабай снова взяла отца за руки.

— Но идем все-таки домой, отец, потому что у меня есть сыр, хлеб, рыба, вещи и деньги. Идем скорее, накормим мать, если она голодна, и Беди-братика моего бледнолицего. Вытри глаза, отец, давай мне руку и поднимайся, но прежде всего допусти меня взять прах от твоих ног...

И Дадабай совершила обряд приветствия старших.

Затем, она взяла за руку вставшего тем временем расшатанно, отца и, распрашивая его, направилась к видневшемуся за группой санталовых деревьев „баста“, состоявшегося из шалашей и хижин батраков и райотов-земледельцев. Они обогнали женщину, несущую с реки в сосудах на

голове воду, и прошли мимо группы детей, лазивших по изгороди, после чего очутились возле покрытой соломой хижины Банкима.

Судра открыл дверь, и они вошли в хижину.

Их встретила удивленным взглядом беспомощно сидевшая возле томившегося на цыновке из соломы больного женщина, которая вдруг с убитым испугом поднялась и всплеснула руками.

— Дадабай!...

— Мать... Нищие мои родители!

И девушка, преклонившись перед женщиной, подошла к цыновке, с которой измученно и устало смотрел, свернувшийся головастиком, мальчуган.

— Беди! Что с тобой?

И мать, и отец остановились рядом с дочерью, которая опустилась к больному.

— Два дня горел и утром есть просил...

— От голода это...

— От голода само собой, а лихорадка само собой.

— Беди, есть хочешь?—спросила Дадабай.—Я твоя сестричка Дади, помнишь меня?

Мальчик сделал движение к сестре, протягивая руку...

Дадабай бысто повернулась к сброшенному ею с плеча джутовому мешку, который она несла с собой, путешествуя с Вагонеткой в Бомбей. Там были остатки провизии.

— Ну давайте есть сами и покормим его. Он выздоровеет, если это только от голода, и если он еще хочет есть...

Дадабай достала сыр, рыбу и пару молочных рисовых лепешек, приобретенных сегодня на станции.

— Давайте есть, и ты, отец, рассказывай мне, что с вами случилось. Скажи, прежде всего, выпустили ли инглизмены из тюрьмы молодого Ниду Бабу? Что он делает? Как вы живете в вашей общине?

Райот опустился в углу хижины возле доски, которая служила столом и на которую Дадабай выкладывала провизию и, глядя то на дочь, то на жену и сына, беспомощно махнул рукой.

— Что же рассказывать: одно ты видишь сама, а другое проживешь немного и увидишь. Земли уже нет, потому что за воду инглизменам собралось столько долга, что

банья Руга Рой взял участок даром. Райоты уходят в заводы, а бани богатеют. Во всем воля сагибов, они, что хотят, то и делают. Ниду Бабу выпустили, а десяток других арестовали. Работает Ниду на вокзале. Его друзья, как он, забастовщики. Правительство их арестовывает, а националисты им не дают работы. Говорят, что они хотят действовать в пользу фаренги большевиков; они зовут советы вместо сагибов, взять все заводы, фабрики, дороги, а райотам оставить землю. Неизвестно к добру это, или будет еще хуже. А пока все идет так, что в общинах встретится райот с райотом и не знают уже, нужно поступать так или иначе. Одна община, Бусуа-Матрум под Пуной, до сих пор продолжает хартал... Они его начали, когда националисты везде провозгласили бойкот. Но все уже прекратили его, а они еще продолжают. Ни одного анна налогов за весь год не сдали. Половину общины сагибы арестовали, но как только приедет туда новый чиновник, то сейчас же его или находят убитым, или отравленным, или он сходит с ума. У них есть пандиты браманы, которые сговорились с большевиками.

— Далеко эта община?—спросила Дадабай.

— Меньше двух дней пути страннику. Теперь даже националисты от них отказались... Если бы не пришла сегодня, нам бы нечего было больше делать, как идти туда. Но про них говорят, что они изменяют Индии и хотят большевиков пустить, которые все разгромят и разорят...

Бароди, мать Дадабай, подавленная нуждой деревенская дикарка, посмотрела на мужа и дочь и, оглянувшись вокруг, угрюмо произнесла:

— Пускай бьют, кому нужно от сагибов избавиться. Сагибы нас довели до того, что и земли нет. Из-за земиндаров у нас есть нечего. Браманы только свое говорят, а что жить нельзя стало, не замечают. Не наше дело, если всех поубивают. Мы никого не трогали, поэтому и живем так. Пусть Дади скажет, зачем она домой пришла? Разве ей в храме плохо было, что она вернулась к родителям, у которых ничего нет?

Дадабай уже ожидала этого вопроса и весело посмотрела на мать.

— Я пришла не жить, а только проведать вас. Я хочу принести вам счастье. Я буду жить в городе, а у вас буду только неделю-две. Но я вам буду давать денег и помогу устроиться вам. У меня есть деньги... я заработала...

Банким и Бароди, не подавая вида о том, какая гора у них свалилась с плеч после этих слов девушки, продолжали дожевывать хлеб и сыр, которые привезла Дадабай.

— Как же ты устроиться сможешь?—спросила Бароди: Разве ты что-нибудь можешь придумать?

— Придумаю, придумаю!—сказала Дадабай:—Я приехала из Бенареса с одним боем, с которым мы будем вместе ходить на празднества. Потом еще явится сюда одна моя подруга. Вместе мы голодать никогда не будем. А отцу мы поможем купить быка, он будет в городе возить воду. Я заработала денег...

Еще легче стало настроение семьи.

— А бой с тобой, не жених?—спросила Бароди.

— Нет, госпожа мать, у нас же в храмах прислужники бои для танцовщиц. Он из храма Шивы со мной приехал устроиться в Бомбее.

— Пускай приходит,—сказал спокойно Банким,—это дело жрецов судить, могут или нет сутрадари жить вместе с боями. Веди его...

Дадабай направилась к Бомбею в парк.

Она нашла здесь в одной из аллей Вагонетку в возбужденном состоянии.

— Происходит что-то неладное, сестра Дадабай,—встретил ее комсомолец.—Должно быть о нашей компании что-нибудь узнали...

— А что случилось?.. Ты, братик, заметил что-нибудь?..

— Я встретил Пит Графа, Эча Биби и индуса-гонца из Майенвилли, у которого мы отобрали письмо. Должно быть, он добрался до фашистов, рассказал им все и вместе с ними приехал разыскать Пройду и нашу артель.

— Собака! Что же нам делать? Ты следил за ними?

— Да, они пошли в дом Санджиба Гупта. Я проводил их до дома, а потом пошел сюда.

— Что же мы будем делать?—повторила вопрос Дадабай.

— Надо найти Сан-Ху и сейчас же сообщить всем нашим, а потом дождаться Пройду, и он решит, что делать.

— Ну, идем к мордам. Вызовем Бихари или Сан-Ху, сговоримся и пойдем домой. Отец с радостью делается водовозом, лишь бы не голодать. Он будет следить за мордами, как хотел Пройда.

Молодые люди направились в город.

Первые успехи.

Бенарес гудел шумом дневной жизни.

Двое индийских парней в ланготи, оборачивавших их бедра и через плечо закинутых за спину, показались на рынке. Это были Стремяков и Марсельезец. Они вышли на берег Ганга в виде странствующих бродяжек нищих. Стремяков двигался с неподвижными глазами слепца. Марсельезец держал его руку. Оба участника комсомольского отряда были с сумками. Оба они, очевидно, имели определенную цель.

Очутившись среди толп паломников и местных богомольцев, явившихся окунуться в священной реке, и на некоторое время затерявшись среди их тысячной массы, парни облюбовали себе место на ступенях входа, ведущего в храм Шивы, и здесь приготовились действовать, положив у себя на коленях сумки.

Прямо перед ними раскрывалась оборванная с одной стороны зданием храма панорама усеянного людьми берега. Направо шли строения бенаресских домов. Несколько в стороне находилась пристань с пароходами и судами возле нее. Вверху палило и выжигало все под собой высокое тяжело и долго ниспровергающееся на землю, реку, строения и людей солнце.

Вблизи возвышались площадки и лесницы сооружения, предназначенного для сжигания покойников.

Почти не слышно было в общем гуле ни ленивого колыхания людей, ни криков продавцов бетеля, мороженого, воды и напитков, ни даже завываний группы уличных музыкантов, расположившихся возле полуувеселительного заведения береговой харчевенки,—настолько энергия звуков и движения была растоплена огнем немилосердно палящего неба.

Люди методически двигались, меняясь местами, по берегу и на улицах с такой неповоротливостью, как будто

торопливость была смертным грехом разноплеменного бенаресского населения.

Но вдруг среди нескольких групп, торгующегося, занимающегося различной возней и передвигающегося, люда произошло, еле уловимое движение. Двое мнимых эфиопов-попрошак переглянулись, но не подали вида, что происходящее хоть в какой-нибудь степени их касается.

Причиной оживления базарного муравейника послужило появление отряда полицейских, явившихся сюда вследствие того, что возле стоянок торговцев, у палаток ремесленников, под стенами домов, в лодках у перевозчиков оказались, расбросанными под видом афиш, напечатанные санскритскими и арабскими письменами короткие противоправительственные прокламации с сообщением о гонениях против национального собрания, с описанием того, как в Майенвиле население вследствие насилий должно было покинуть город, и с призывом к борьбе за независимость страны.

Группа явившихся купаться богомольцев и копавшихся повсюду массы аборигенов уже ознакомились с содержанием возвания, и те, кто мог читать, осведомляли неграмотных, спорили о „фаренги“, говорили о политике англичан по отношению к туземцам в других местах Азии.

Полицейские, продемонстрировав свою бдительность, прошли через рынок, остановились возле одной-другой группы, обменялись ругательствами мимоходом с музыкантами и матросами возле харчевни и, повернув за угол ближайшего переулка, направились к управлению города.

С видом неподвижного равнодушия, державшее свои мысли у себя на уме базарное простолоудье проводило их, пока они не скрылись, и еще дружнее стало разванивать среди соседей молву о новости появления прокламаций и обстоятельствах происшествий.

Инцидент готов был этим кончиться.

Вдруг в двадцати шагах от берега над гладью Ганга перед глазами всех копошившихся на улицах толп, как будто заколыхалась перспектива речной поверхности и панорама противоположного берега. Вслед за тем над берегом появилась странная колеблющаяся завеса и на ней большими сияющими огневыми буквами обозначались сан-

скритские и арабские надписи:

„Что произошло в Майенвили?“

Смотрите! смотрите! смотрите!“

— О-о-о!—вырвался крик удивления у лавочников и купающихся.

— Модтя! модтя! ¹⁾ Уть-уть-тю!—повскакали лодочники.

И не успела толпа понять, что происходит, как надпись на завесе исчезла, а вместо нее, пораженные, хлынувшие к берегу туземцы, купцы и явившиеся со всех концов Азии пришельцы-путешественники, начав давить друг друга, увидели перед собой площадь провинциального городка, лавки, вход в пезнакомый старый храм, более северную индийскую природу.

— Майенвили! Майенвили!—раздались в разных местах возгласы тех, кто был хоть раз вблизи Пешавера, странствуя по Индии.

Но толпа и сама как то сразу поняла это, тем больше, что на картине сейчас же замелькали сцены, какими сопровождалось усмирение этого города.

Сперва зрители в видении над рекой увидали спешащих на площадь с товарами горожан и их собрание. Предание публичному ауто-да-фе товаров английского изделия, путем их сожжения. Выступление на сходбищах главарей майенвильского националистического движения, очевидно, раз'яснявших положение толпам зрителей.

Затем картина изменилась и, в прилегающих к площади улицах того же городка показались полицейские войска, под руководством английского офицера, занимающие позиции вокруг площади.

Особо вдруг выделилась группа самого этого офицера с его ближайшими помощниками и с негром в их числе.

Толпа на берегу увидела, как офицер скомандовал нападение, войска бросились на площадь, и начались сцены расправы.

— Ах-ах!—раздались восклицания по берегу. И разноплеменная восточная масса, представлявшая десятки одинаково угнетенных военщиной и империалистами национальностей, увеличиваясь в своем количестве сбегающимися,

¹⁾ Модтя—чудо.

то возбужденно топчась на месте, то оглядывая соседей и дергая друг друга за руку, продолжала смотреть на странное видение картины другого города, в котором производилось насилие.

Картина же двигалась и показывала Бурсона, изображала паническое бегство избиваемых и расстреливаемых горожан, валяющиеся и царапающиеся по земле трупы, погоню за разбежавшимися солдат, торопливою суетню свиты полковника.

Бенаресская толпа сдерживала возбуждение.

На балконы и лестницы храмов, на площадки домов и всякие возвышения понабрались откуда то зрители, кричавшие, ахавшие и поощрявшие друг друга на вмешательство в то, что они видели, при чем происходит ли это в действительности, или картина представляет собой необ'яснимое чудесное явление—этого толпа даже не хотела разбирать теперь.

Зрители готовы были броситься на майенвильских усмирителей.

Но вот в событиях, представленных видением, последовали заключительные картины. К дому штаба военной власти в городе негр и другие сподвижники усмирителя-офицера по пустынной улице тащили арестованных. Недалеко горел дом земиндара Раджаба Гош.

Полицейские идут по улице и расклеивают приказ военной власти. Об'явление: туземцы, если им нужно пройти мимо дома представителя власти белых, полковника Бурсона, должны возле дома ползти на брюхе... Майенвильцы, прочитав приказ, пугливо расходятся. За городом ночью собирается их караван, они двигаются с детьми, семьями и пожитками, уходя из города куда то на север.

Картина исчезла.

Толпа с минуту ошеломленно оглядывалась, протирая себе глаза и недоумевая, а затем загудела и заклокотала

— Идем!—шепнул коротко Марсельезу Стремяков

— Да, пока не застукал никто... Только еще надо сделать анонс. Цокай скорее...

Стремяков сделал своей сумкой движение, не спуская ее с колен, и над берегом появилась надпись:

— Приходите завтра! завтра вы увидите, как правительство фаренги инглизменов возбуждает кровавую рознь между магометанами и индусами.

Толпа снова было хлынула к берегу, но остановилась, увидев реку, рябь на ее поверхности, ряды лодок с палатками.

Виденне исчезло.

— Айда!—поднялся Стремяков.

Парни, державшие до того на коленях свои сумки, в которых были завернуты натурографы, забросили снова их за спины и влились в толпу. Они могли быть довольны результатом. Еще немного и толпа действительно рванулась бы на видения картины, чтобы уничтожить насильников, разбойничавших в Майенвиле.

Подросток-вожатый и парень-слепец вошли в улицу и очутились среди волнующихся завсегдатаев рыночных заведений.

В одной группе возбужденно разговаривавших женщин они увидели Кукумини и Лотику. Девушки с другими участниками революционной организации вышли нарочно на рынок, чтобы здесь наблюдать происходящее и объяснить его соседкам. Среди артели рабочих, носильщиков тяжестей, они увидели вожака рабочих Бенарджи. В ряде мест им попадались знакомые физиономии других туземцев, уже встречавшихся им ранее на профессиональных собраниях союзов рабочих.

Ребята, не обнаружив ни с кем своего знакомства, направились в законспирированное убежище того мусульманского подворья, в котором находилась фотография и техническая мастерская Таскаева.

Между тем на берегу и рынке еще продолжалось волнение. Снова здесь появилась взбешенная полиция. Ее встретила группа из нескольких буйно настроенных дружинников организации Санджиба, возглавляемых свирепым жителем островов в ангарке и с серьгой. Это был гоаниец христианин, с которым имел несчастье встретиться Бихари.

— Морды!—пронеслось по рынку среди лавочников, когда они увидели этого гоанийца и его сообщников.

Но как полицейские, так и фашистская дружина опоздали попасть во время на место происшествия и, только

обменявшись несколькими ругательствами с лавочниками, те и другие ушли ни с чем во свояси.

На другой день, с утра уже город был полон разнообразных слухов. Организация революционеров приготовилась к решительным действиям. Бенарджи мобилизовал типографов и скомбинировал небольшую дружину боевиков из рабочих. Позументчики, ткачи, союз женщин танцовщиц, белошвейки и вязальщицы были с'агитированы для присутствия на рынке. В момент разгара рыночной жизни опять на берегу показались Стремяков и Марсельезец. Ребята пришли к тому храму, где они сидели накануне. Но они получили распоряжение от руководителей организации пробраться в самый храм, воспользовавшись его тайниками, и оттуда действовать аппаратом.

Подойдя к стенам храма и его остроговидным простенкам, парни нырнули немедленно внутрь браминского капипца жрецов Шивы, веками утверждавшими свое господство над населением.

Они сразу же очутились перед входами нескольких корридоров.

Здесь ребята осмотрелись и различили, что рассеянный дневной свет падает в храм сквозь незастекленные амбразуры разной величины, замаскированные все теми же острожными простенками и сводами.

Молящиеся шли в храм и уходили по главному корридору, ведущему вглубь помещения от ворот и кончающемуся в глубине ступенчатым под'емом и большой площадкой.

Две минуты простояли парни, не двигаясь, пока они не увидели между колоннами каменную плиту с изображением украшенной свастикой женщины.

Увидев ее, ребята переглянулись.

— Здесь!—тихо шепнул Марсельезец.

— Да.—подтвердил Стремяков.

— Идем.

Ребята оттянули плиту и вошли в один из тайников храма.

Через минуту они очутились на площадке перед амбразурой, выходящей наружу.

Стремяков выглянул в нее и увидел впереди себя берег Ганга, на котором уже толпились паломники, монахи, фокусники и рыночное простолулье Индии.

Марсельезец высунул на мгновение также нос и довольно сообщил:

— Хорошая нора... Наши на берегу...

— Вся организация...

— Ну давай заряжать.

— Катай, заряди русские на всякий случай, и фотографируй, что происходит, я же буду ворочать им Когатскую резню...

— Ладно начинай...

Стремяков вынул из сумки аппарат и навел объектив.

Щелкнула кнопка. Перед толпой на берегу развернулась дымчатая пелена. Появились узорные надписи:

„Знаете ли вы как правительство раз'единяет сынов Индии, чтобы они не вели борьбу за свое освобождение? Смотрите, как оно допустило погром в Когате“...

Надписи исчезли. Берег ожил. Толпа загудела и хлынула, чтобы захватить места, теснясь и сливаясь копошащимся муравейником по всему району прибрежных площадок и пустоши между строениями.

Глазам горожан представилось помещение кабинета восточной редакции.

Секретарь редакции парсис работает за столиком. Кресло за большим письменным столом пусто. Входит чиновник туземной полиции. Увидев пустое кресло редактора, вопросительно обращается к парсису. Тот приглашает сесть, и сейчас же входит редактор газеты англичанин.

Он окидывает взглядом посетителя и кабинет, его предостерегающе сухие глаза на мгновение останавливаются на толпе зрителей, как будто он видит береговое сборище и готов топнуть ногой...

Толпа бенаресского рынка так именно и поняла взгляд саиба с картины и немедленно колыхнулась.

— Морда! Морда! Загудел берег, сразу улавливая враждебную контр-революционность саиба. Но открывшаяся дверь кабинета и появление новых лиц остановило волнение зрителей.

К редактору вошло двое мусульман-купцов, которых приветствовали и редактор, и сидвалла-полицейский, начавшие с ним дружный разговор.

Движением головы редактор велел оставить кабинет поднявшему на него глаза парсису.

Тот вышел.

— Совещаются! Совещаются! Морды! Банда сагибов!

Мусульмане убеждают редактора и сидвалла:

„Мы в пятницу не торгуем и все должны закрывать торговлю“.

Мелькнула внизу картины надпись, ее содержание пробежало в выкриках прочитавших ее грамотных зрителей.

Толпа еще теснее сгрудилась, напирая к самой реке, поверхность которой исчезла за картинами видения.

Совещание между тем быстро кончилось, мусульмане поднялись, сговорившись с редактором. Картина снова изменилась.

На ней показалась старинная мечеть. Почти возле ног зрителей легла площадь, и в нескольких шагах ступени входа в храм.

На пороге мечети по выходе с молитвы останавливаются и совещаются с группой единоверцев купцы-мусульмане. Англичанин редактор, подошедший к храму, тоже что-то говорит. Собрание возбуждено оглядывает и грозит проходящей мимо группке индусов. Один грозит им кулаками. Англичанин злорадно наблюдает происходящее.

Толпа на берегу замерла и, схватив лицо англичанина, в свою очередь стала волноваться.

— Морды ки хлакат!¹⁾ Долой морд!

Но опять картина переменялась и толпа на мгновение успокоилась.

Развернулся рынок. Магометанские и индусские овощные лавки. Толпы покупателей. Чья-то заблудившаяся корова затесалась в толпу и возле магометанской лавочки потянула пучок зелени.

Один магометанин лавочник моментально бросил в корову камнем, другой схватил палку и, колотя ею животное, погнал корову по улице. Это заставило повыскакивать из

¹⁾ ки хлакат—долой.

лавок индусов, бросившихся на защиту коровы, являющейся для них священным животным. Покупатели сразу разбили на два лагеря и разразились угрожающей перебранкой.

— Животные гау-кхана!¹⁾—кричит одна сторона.

— Собаки, сур-кхана!²⁾—кричит другая сторона.

Группка магометан сбежалась возле одной лавки и, подстрекая друг друга, только ждет момента, чтобы броситься на индусов.

Толпа на берегу загудела, предупреждая мусульман на картине:

— Берегитесь! Берегитесь! Э-э! Морды обманывают!

Но видение рынка исчезло, на картине выпрыгнул переулочек.

Индусы собрались возле ворот и что-то обсуждают, затем они закрывают лавки и идут к воинскому начальнику.

Тот встречает туземцев в большом бунгало вместе с редактором-фашистом. Редактор что-то подсказывает военному. Индусы просят защитить их от погрома, к которому приготовились магометане.

Воинский начальник отвечает:

„Мы не можем вмешиваться в ваши дела. Магометане соблюдают закон, не устраивают бунтов, и поэтому мы не можем их раздражать своим вмешательством. Ведите себя мирно, и погрома не будет“...

Он кивнул головой, чтобы просители уходили.

Индусы, выйдя из бунгало, совещаются. Они о чем-то упрощают старика торговца из своей среды. Тот, поколебавшись, соглашается.

Он едет в Симлу к великому учителю Индии махатме Ганди с просьбой заступиться. Но едет туда и редактор...

Картина показывает сцены в столице.

Ганди совещается со столичными руководителями магометан. С одним из них он направляется к вице-королю Индии. Оба представителя враждующих национальностей просят разрешения выехать им в Когат, где готовится

¹⁾ гау-кхана—короведы.

²⁾ сур-кхана—свиноеды.

резня, и устроить там собрание, чтобы убедить обе враждующие стороны не производит братоубийственного кровопролития.

Вице-король, у которого уже побывал редактор, отвечает отрицательно. Убеждения вождей враждующих национальностей не помогают.

Убитые отказом вожди народа уходят. Когда лавочник-делегат возвращается в Когат, магометане встречают его насмешками и бранью. А затем на улицах начинается резня.

Картина вдруг оборвалась. В толпе что-то произошло — Сипаи!—воскликнул Марсельезец, действовавший натурографом.—Полиция! Прячь аппарат!

Действительно, на берегу началось смятение. До сих пор зрители базара, находясь под возбуждающим влиянием картины, не замечали, что творится вокруг.

Но вдруг начался шум, видение оборвалось, толпа услышала сзади себя крики, и тогда обернувшиеся лавочники, рабочие и посетители рынка увидели, что на них с тыла уже напали усмирители. Происходила горячка первых арестов.

Полицейские схватывали женщину, несущую какой-то узел с домашними вещами от соседки, и разбрасывали ее содержимое, тащили фокусника с ящиком для змей, лавочника, крикнувшего что-то оскорбительное, молодого брамина, только что посвященного в жреческий сан и несшего в свертке новые одежды, группу грузчиков-рабочих с тележкой, остановившихся возле берега, аскета с доскою в гвоздях, на которых тот занимался истязанием своей плоти.

Толпа, растерявшись и попробовав пробиться с берега, пришла в ярость, когда натолкнулась на верховых сипаев, загородивших дорогу, в свою очередь, со стороны рынка.

— Цокай!—шепнул Стремяков Марсельезцу, предлагая ему фотографировать происходящее.

— Цокаю, цокаю!—ответил тот.

Стремяков, не переставая выглядывать в амбразуру, переставил заряд в натурографе.

На берегу между тем перебранка превратилась в сопротивление, и в одном месте какого-то арестованного юношу вдруг начали рвать в одну сторону полицейские, в другую толпа.

Офицер, командовавший полицейской кавалерией, что-то закричал и двинул ее на толпу. Сипаи с мечами рванулись на людей.

Вдруг разъяренный женский возглас заставил остановиться и их, и наэлектризовал массу.

— Саттиаграх! Индуски! Сестры! что нам смотреть? Пока перерубят? На землю!

Стремяков, наблюдавший, что разыгрывается у него перед глазами, увидел совершенно неожиданную для него картину.

В то время, как мужчины словно по команде оказались отодвинутыми вглубь толпы, в наружное кольцо рядов выскочили Кукумини, Лотика и несколько других женщин, которые тут же рухнули на землю прямо перед полицейскими и всадниками.

— Убитые?—подумал испуганно Стремяков.

Но нет, вслед за первой группой индусок последовали другие женщины. Они падали на землю, как рыба на сковороду, быстро в ряд одна возле другой, и через минуту настоящая радуга их тел, загородила все пространство перед солдатами.

— Го-го-го! Хиндустан ки Дже! Банде матрум! Дети родины! Ура! Ура!—раздался восторженный крик по адресу женщин и злорадный хохот по адресу одураченных солдат.

Сипаи и полицейские растерянно остановились. Никто из них не смел под страхом величайшего позора перед всей страной совершить насилие над женщиной или тем более переступить через нее, когда она лежит. Это запрещалось всеми обычаями и религиозными верованиями населения.

Достаточно выдресированные английским офицерством, чтобы производить убийство своих братьев, усмирители растерялись, пристыженно переглядываясь и крича друг на друга.

Однако, рисальдар-командир, больше знавший чего от него хотят английские власти, чем желавший считаться с настроением толпы—только еще больше разгорячился и вышел из себя.

Он скомандовал эскадрону движение назад.

— Банде матрум! Ура!—взвывала снова толпа, думая что солдаты уходят совсем. Но тотчас же ликование сменилось напряженным вниманием.

Отодвинувшиеся отряды взяли на прицел ружья...

— Разойдитесь!—крикнул чеканно-стройный, сухой, восточно-коричневый рисальдар-командир, взмахивая разгоряченно нагайкой.—Разойдитесь!—еще раз крикнул он...

Никто не двигался.

— Пли!

Зали трепнуллся коротким оборванным кашлем в воздухе, и... десятки жертв, как подкошенные, рухнули на землю и навалились на женщин, цепляясь за соседей, стоявших возле них, хватаясь за камни.

— Ах!—вырвалось у толпы...

Разомкнулось кольцо толпы, дрогнувшей первым движением бегства.

В это время вокруг прозвучало откуда-то несколько ответных выстрелов по солдатам и двое из них свалились.

Офицер оглянулся и увидел группу дружинников-рабочих, под командой Бенарджи занявших позицию между лавочными палатками и решивших, хотя бы напомнить о своем существовании. Толпа, почувствовавшая поддержку, воспрянула духом. Ее взвинтило, она бросилась, в свою очередь, на полицейских, отнимая у ближайших из них оружие и сбивая их с ног.

— Вперед!—скомандовал офицер, поворачивая отряд к проспекту лавчонок и намереваясь уничтожить дружинников.

Вдруг он остановился и весь вытянулся вперед, дернув под уздцы коня. И в ту же секунду обернувшаяся толпа также замерла и застыла на месте.

— Стой!—растерянно крикнул рисальдар отряду.

Сипаи и без того панически замерли на месте.

В полсотне шагов, мимо толпы, прямо на них несли эскадрон красноармейцев на бешенно-мчавшихся конях в остроконечных шлемах с большевистскими всемирно известными красными звездами. Они на всем скаку сверкали саблями и несли их тяжесть на головы отряда.

— Уй-ле-лем! Банде матрум! Ура!—взвывала, беснуясь и бросаясь на сипаев, толпа.

— Назад!—крикнул рисальдар, повернув коня и заворачивая с солдатами за угол в переулок.—Назад, Красная армия!

Пачка выстрелов грохнула сипаям в догонку.

За первым отрядом красноармейской конницы показался другой.

Но вдруг эти отряды исчезли так же внезапно, как и появились. Позиции опустели. Блестела только поверхность Ганга. Толпа зрителей стала протирать глаза. Появление красной армии было также картиной неизвестных магов или волшебников, которые одним им известным способом производили чудеса видений, по произволу вызывая перед зрителями то врагов угнетенных, то их защитников.

Толпа поняла это и потрясенная всем происшедшим снова стала собираться, пытаясь дать себе отчет в том, чему она была свидетелем. Часть горожан стала хлопотать над жертвами, подхватывая раненых и убитых и быстро унося их.

Большинство, однако, собравшихся не думало успокаиваться. Толпа разбилась на несколько групп. Среди нее появились ораторы, лавки вдруг стали закрываться, и в толпе начали гудеть возгласы:—Сварадж! Советы! Хартал! Советы!

Марсельезец, не переставший фотографировать движение людей на берегу, взглянул на Стремякова (для того, чтобы определить, заметил ли он происшедшую перемену.

Стремяков обрадованно впился глазами в скопления толп и живо встрепенулся.

— Есть!—воскликнул он. Наши зашевелились. Кукумини и Лотика командуют женщинами. Бенарджи со своими побежал в город. Пришли студенты... Депутат говорит что-то...

— Идем!—воскликнул Марсельезец:—Бенаресский комитет ничего не стоит если сегодня здесь не выберут советы.

— Выберут!—решил Стремяков:—Спрячем пластинки, перезарядим машины, и марш...

Ребята опустили от амбразуры, склонились к сумкам и начали переставлять заряды. Они провозились несколько минут.

Когда они поднялись, какой-то шум, раздавшийся на улице, привлек их внимание.

Стремяков снова вытянулся к амбразуре и, весь побледнев, отшатнулся от нее.

— Погром возле храма!—воскликнул он:—Скорее идем, иначе застукают и нас.

Марсельезец вслед за ним вскинул сумку, оба парня шагнули в коридор и вдруг полуизумленно, полуиспуганно остановились.

Перед ними из тени коридора выросла фигура величавой Кукумини.

ЧИТАЙТЕ ПОСЛЕДНИЙ ВЫПУСК „БОЛЬШЕВИКИ ПО ЧЕМБЕРЛЕНУ“

СОДЕРЖАНИЕ

Все действуют.

||| Враг разоблачен.

Неслучайная встреча.

||| Организация и стихия.

Эпilog.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. КР. и КР. ДЕП.
„НОВАЯ МОСКВА”

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: гор. МОСКВА,
НЕГЛИННЫЙ ПР. 9,
тел.: 2-08-96, 4-28-13 и 3-16-07.

РОЗНИЧНЫЕ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1 Кузнецкий мост, д. 1,
телефон 2-09-14	6 „Московское Театраль-
ное Изд-во“ Тверская
ул. дом 19, тел. 3-65-44
2 Неглинный пр., дом 9,
телефон 3-99-93	7 „Красные Востокы“,
Елоховская пл. д. 17/77,
телефон 2-01-72
3 Моховая ул., дом 24,
телефон 1-80-61	8 „Красные Востокы“,
Таганская площ. дом 5,
телефон 1-92-99
4 А р б а т, д о м 4,
телефон 2-47-00	9 „Красные Востокы“,
Серпуховская пл. д. 2,
телефон 5-76-49

Ленинградское Отделение Издательства:

- 1 Книжн. маг. Проспект 25-го Октября, д. 100,
телефон 2-22-89
- 2 Книжн. маг. Проспект
Володарского, дом 57

Книжные магазины в г. Раменске, Богородске
Московской губернии.

ПРИНИМАЕТ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ НА
ПОДБОР БИБЛИОТЕК

для партийных, комсомольских, пионерских, про-
фессиональных, рабочих и культурно-просвети-
тельных организ., клубов, изб-читален и школ.

РЕГУЛЯРНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ НОВИНКАМИ.

Составление рекомнат. списков и каталогов.

СКИДКА при коллективных закупках **КРЕДИТ**

Отправка почтой и наложенным платежом

Все
для канцелярии и
школ

В ЛЮБОМ КОЛИЧЕСТВЕ ВЫ МОЖЕТЕ
ПОЛУЧИТЬ **В ПИСЧЕБУМАЖНОМ**
ОТДЕЛЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА МОСКОВС-
КОГО СОВЕТА Р. КР. и К. ДЕП.

„НОВАЯ МОСКВА“

УПРАВЛЕНИЕ

МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, Д. 1, ТЕЛЕГРАФ. АДРЕС
НОВМОСКВА. ТЕЛЕФОНЫ: 2-08-86, 4-02-51, 2-08-96, 3-16-07.

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ ПО ВСЕМ РАЙОНАМ
гор. МОСКВЫ

ТЕЛЕФОНЫ: 3-99-93, 1-80-61, 2-47-00, 5-88-79, 7-01-72,
1-99-92, 5-76-49, 2-69-14, 3-65-44.

ОТДЕЛЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ:

ПРОСПЕКТ 25-го ОКТЯБРЯ 100 и 27,
ПРОСПЕКТ ИМ. ВОЛОДАРСКОГО 53

Требуйте по телефону № 2-08-86
прейс-курант и заборную книжку.

ЛЮБУЮ КНИГУ

ПО ЛЮБОМУ ВОПРОСУ НЕМЕДЛЕННО
ВЫСЫЛАЕТ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ
ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Новая Москва“

Высылка книг наложенным платежом без задатка

Требуйте выпуски № № 1—6

„Большевики по Чемберлену“

Цена каждого выпуска — 20 коп.

Заказы направлять по адресу: МОСКВА, Кузнецкий Мост
дом № 1, Почтовому отделу Издат-ва „НОВАЯ МОСКВА“

ВСЕ

для

ВСЕ

Радио

ВСЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и РАДИО-
ПРИБОРЫ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ
в ОТДЕЛЕ РАДИО ИЗДАТЕЛЬСТВА

„НОВАЯ МОСКВА“

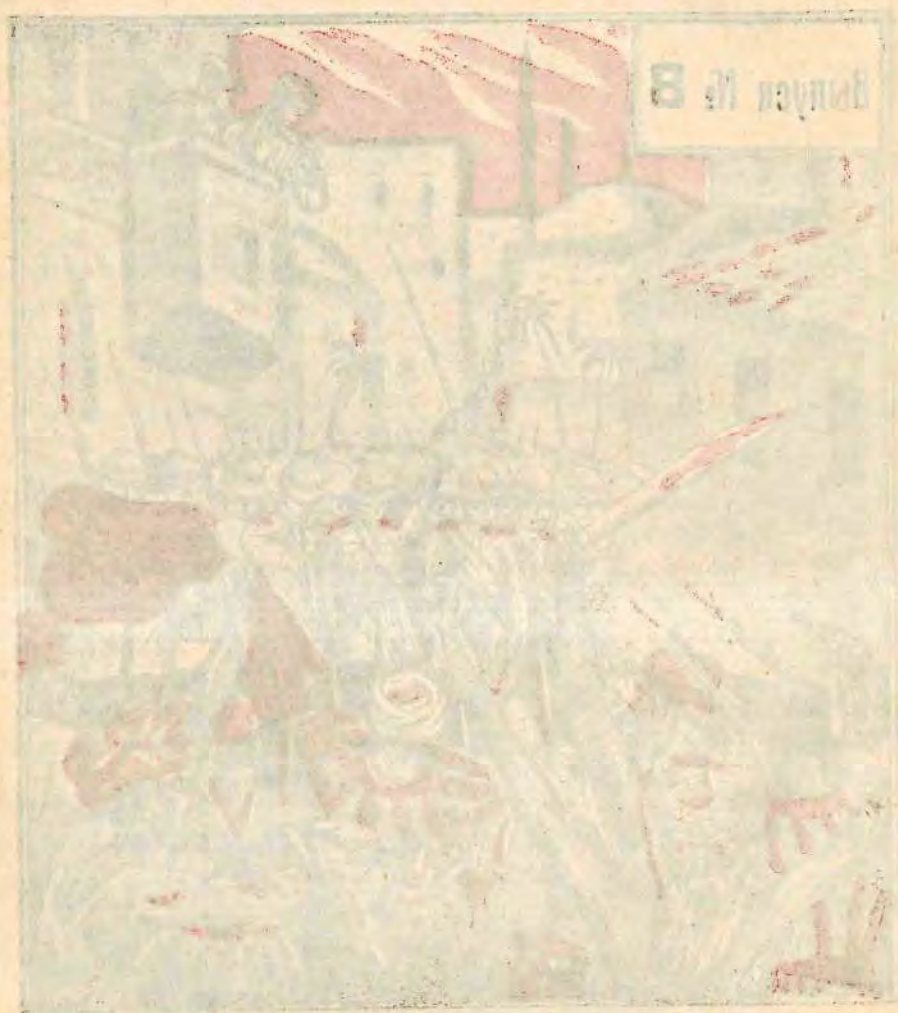
МОСКВА, Неглинный проезд, дом № 9.

Цена 20 коп.

**БОЛЬШЕВИКИ
ПО
ЧЕМБЕРЛЕНУ**

ВСЕ ДЕЙСТВУЮТ

(Продолжение)

Организаторша танцовщиц Кукумини по уговору с руководителями подпольного комитета революционеров вместе со всеми наличными силами организации вышла ко времени демонстрирования картин на рынок к берегу Ганга. Здесь ее то и дело встречали и приветствовали подруги.

Кукумини в их среде пользовалась особой популярностью. Эта популярность началась с того момента, когда года три назад масса бенаресского населения, подстрекаемая лавочниками, браманами и муллами, возбужденными развалом семейных отношений, начала требовать выселения из города танцовщиц, баядерок и проституток.

Кукумини в это именно время впервые познакомилась с Пройдой, и хотя храмовых танцовщиц, каковой была нач-герл, требование обывателей не касалось, она все таки под руководством своего случайного, но доверявшегося ей русского знакомого-большевика сумела собрать сперва несколько собраний поруганных девушек, а потом организовала их конференцию.

В результате ряда решительных шагов, какие были приняты после этих собраний и конференции, у девушек остался тайный союз, руководившийся постоянно менявшимися членами комитета, но сохранившийся и до сих пор; кроме того им удалось добиться отведения особой улицы в Бенарессе. Что касается до храмовых танцовщиц, то они сохранили свое положение независимой, а иногда и освященной традициями профессии. Теперь у Кукумини были и чисто революционные знакомства среди коммунистов и горожанок.

Встречаясь на берегу с этими своими знакомыми, Кукумини обменивалась с ними приветствиями и указывала

место, где, по ее мнению, следовало ждать ее подругам того, что произойдет.

Когда толпы рынка увидели, как и вчера, надписи, а затем картину, и полились к берегу, Кукумини обособилась с группой подруг в тылу толп на одной из береговых гут¹⁾ и отсюда наблюдала за всем происходящим. К ней прикнула явившаяся также сюда и Лотика, а затем, естественно, присоединилось и около десятка женщин, вышедших зачем-нибудь на рынок.

Вся эта женская группа делилась впечатлениями от того, что она видела на картине, вместе со всей толпой женщин сообщниц, они то кричали что-нибудь, то замирали.

Так, пока не появилась полиция и сипай.

Но вот началось нападение. На глазах женщин стали избивать схваченного студента-индуса. Горожанки стали кричать. Вместо того, чтобы прекратить бессмысленное нападение, офицер пустил на толпу кавалерию.

Тогда Кукумини, Лотика и несколько других девушек заикали, отделились от толпы и бросились под лошадей.

Этот отчаянный маневр кончился сперва схваткой с дружинниками Барнеджи, а затем бегством эскадрона.

В толпе после этого появились организаторы и ораторы как революционеры, так и решившие выступить с прямыми действиями против правительства националисты.

Толпа после этого разделилась, и главная ее часть пошла к тюрьме освободить заключенных, другая же часть направилась на объявленные в университете, здании суда и театре митинги. Дружина Барнеджи бросилась в здание полицейского управления, объявляя организацию добровольцев для обороны.

На берегу остались только наиболее консервативные лавочники, закрывавшие свои палатки и перетаскивавшие товары, несколько студентов, разговаривавших об аресте их товарища, и подозрительная кучка каких-то людей, собиравшихся возле харчевенки.

Кукумини пора было уходить, она простилась с подругами и направилась через рынок к храму.

Вдруг группа людей, сговорившихся возле харчевенки,

¹⁾ Гуты—ступенчатый спуск по уклону берега в Бенаресе.

увидев, что студенты, кончив разговор, уходят, с гиканьем бросилась им в догонку.

Раздалось несколько выстрелов, и один из студентов упал.

С харчевенки выскочила находившаяся там толпа полицейских и организованная ими группа громил.

— Ге-ге-ге!—раздалось по улицам рынка гиканье:—Бей гинду! Собак гау-кхана! Они большевики! Забастовщики, разорители! Бей гинду!

Не разошедшиеся еще подруги Кукумини, увидев нападение, с криком—„Ой, морды!“ бросились врассыпную. Одну из них какой-то лавочник настиг, и женщина свалилась под ударом дубинки.

Толпа бросилась на палатки и начала их громить.

Кукумини, охваченная ужасом, перебежала улочку, по которой двигались громилы и, отчаявшись за свое спасение, притаилась за одной из рыночных будок.

Впереди толпы бежал, руководя, очевидно, ею, свирепый гоаниец-христианин.

Он указал на одну палатку. И увидев, куда по его указанию бросилась толпа, Кукумини задрожала. Эта палатка была той, где работал всего несколько дней назад в качестве шлифовальщика Пройда. Сейчас там находился товарищ, перенявший ремесло Пройды, вследствие его отъезда.

Парсис был в палатке, его схватили и на глазах Кукумини начали рвать на куски.

Сосед парсис, попробовав выскочить наружу, что-то отчаянно крикнул в защиту шлифовальщика.

Гоаниец заревел ему:

— Большевик! Бунтовщик! Агент-москвит! Мы знаем это! Уходи пока жив!..

Толпа, соблазненная жадной наживы, ринулась громить соседнюю лавку ювелира, с которой сорвал дверь здоровый дикий извозчик.

Гоаниец закричал на банду:

— В храм! Там паучая змея нач-герл, которая скрывает большевиков и не дала сипаям разогнать бунт. Идемте, застанем ее в ее гнезде...

Несколько человек нерешительно остановились, рассо-

вывая по карманам захваченные в лавке вещи, остальная банда рвалась в нее.

Гоаниец бросился на крайних, схватывая их и оттаскивая от лавки.

У Кукумини потемнело в глазах, и тысячи мыслей забегали в голове.

Вдруг она вспомнила, что по ее указанию в храме должны были скрываться показывавшие картины помощники Пройды.

Она живо представила себе, что будет с подростками, если их застигнут в пустом храме громилы.

Выглянув из своего убежища на толпу, Кукумини прыгнула сзади будки через улицу и с безумным волнением вбежала в храм.

Она не была уверена, что ее не видели.

Она бросилась к той плите, открывавшей ход в тайник, через которую вошли подростки. И только-что она закрыла за собой плиту, как услышала, что толпа бежит к храму.

Тайника громилы не могли знать. Но на него могли напасть случайно.

Кукумини ринулась вверх по лестницам.

Через полминуты она была возле ребят и одновременно услышала гул криков внизу в помещении храма.

— За мной, скорее! — воскликнула она, схватывая за руки Марсельезца.

Услышав внизу буйное гиканье ворвавшихся людей, парни вздрогнули и беспрекословно повиновались девушке.

У Кукумини вспыхнула догадка о том, что бросившаяся спереди в храм толпа не увидит, как они выйдут тем боковым тайником, через который входила к ней Дидабай.

Спустившись с парнями вниз, Кукумини выглянула в амбразуру.

Действительно, здесь громил, морд и полицейских не было. Они штурмовали какую-то дверь в храме.

Кукумини подняла рычаг. Все трое преследуемых очутились вне храма и оглянулись.

— Бежим в университет, там наши, — сказала Кукумини.

Беглецы пересекли широкую улицу и, предоставив погромщикам выть от злости за неудачное нападение, быстро зашагали к тому месту, где должны были быть их товарищи.

Они уже подходили к университету, когда встретили ранее ушедшую с берегу Лотику с одним товарищем.

— А, — обрадовалась Лотика: — мы к вам, Кукумини. Бои должны идти на митинг показывать картины. Теперь митинги не кончатся, пока весь город не уверится, что больше в Индии не осталось ни одного английского чиновника. Но откуда вы бежали, что обезумели и задыхаетесь?

— У нас погром. Громят рынок. Напали на храм. Где Барнеджи или кто-нибудь из дружины?

— В университете есть дружинники. Скорее идемте, и они побегут туда...

Товарищи вошли в заполненное студентами, рабочими и жадно слушавшими оратора горожанами здание.

Кукумини, увидев одного из дружинников, сообщила ему о погроме. Тот бросился к товарищам.

Стремякова и Марсельезца, как только Лотика сказала организаторам митинга, что эти люди с машинами для картин, несколько человек подхватили и повели к трибуне, и ребята, не чувствуя под собой ног от того, что их уже начали признавать, переглядываясь и ликуя, стали извлекать из сумок свои аппараты.

Кукумини рассталась с ними и остановилась.

— А что же теперь делать? — подумала она, соображая, что она лишилась приюта в храме и не знает, что с ней будет. Она примостилась было на одном из подоконников, чтобы посмотреть, что происходит, и обдумать свое положение.

Она не долго осматривалась. К ней подошла одна товарка по профессии и подала подруге письмо.

— Сегодня привезла из Бомбея это одна наша сестра от Дидабай Певучей. Заклинала сейчас же передать тебе, пока письмо не попало джасусам. Какое то несчастье случилось с нашими братьями там, где Дидабай.

Кукумини молча открыла письмо и, прочитав несколько строк, как в столбняке, застыла.

Дидабай в письме сообщала:

„Дорогая сестра Кукумини. Вот уже два дня, как исчез неизвестно куда наш друг, русский большевик. Он, вероятно, схвачен, если не предполагать, что он скрылся, опасаясь прибывших сюда из за моря сагибов дьявольской логи. Они понаехали с бесстыдной изменницей нашему делу Эча Биби, которая, вероятно, все им рассказала, уже сговорились со сбродом Санджиба и собираются что-то делать. Если ты будешь медлить и не скроешься куданибудь, то они и с тобой, чтонибудь сделают. Я, товарищ Вагонетка, Сан-Ху, Бихари и Партаб Синг не знаем, что делать. Комитет тут больше, чем в Бенаресе, но товарищам некогда обратить на нас внимание, потому что они захватывают фабрики и начали выбирать советы. Сюда прибыли военные корабли инглизменов, и все боятся, что они будут расстреливать Бомбей. Мы не знаем, что делать, и только ходим под охраной рабочих с митинга на митинг, показываем картины. Пожалуйста, сестра Кукумини, если ты еще жива и никто не трогал тебя, придумайте хоть вы с тем товарищем, который умеет делать так, чтобы трубы рассказывали народу правду о его жизни, что нам теперь делать. Будь счастлива, сестра, не попадайся проклятым мордам и скажи, что нам делать“.

Кукумини горестно взмахнула руками и минуту беспомощно держала письмо в руке.

Потом она еще раз перечитала его, поддаваясь какому то решению, и наконец обернулась к подруге, сунув письмо в складки сари¹⁾.

— Сестра Зора, спасибо тебе, что ты не опоздала передать письмо. Но попрошу еще об одном. Сходим к тебе, я у тебя переоденусь, а ты сходишь к сестре Лотике. Ей скажешь, что я уеду, и передай, чтобы она поддерживала дух в нашем союзе и делала все, что должна делать я. Пусть наши сестры ничего не боятся и помогают по прежнему нашим братьям во всем, что нужно для окончания борьбы за освобождение народа. Пусть идут и в советы, и на собрания, и против солдат, и, как прежде, везде первыми выступают против угнетения. Я же скрываться не думаю,

¹⁾ Сари — женское одеяние, род накидки или плаща.

а только мне немедленно надо поехать, чтобы не допустить какогонибудь несчастья там, где находится Дидабай. Нашим друзьям угрожают большие опасности...

— Но какие же опасности, сестра Кукумини, уже инглизмены разбегаются, куда только могут! В Каунпуре рабочие-судра освободили заключенных братьев, а в Амиратсаре большевики стали командовать солдатами и бьют солдат фаренги.

— О, сестра Зора, потрясены явные наши враги, а тайных мы еще и не знаем, где они. Я сейчас переоденусь и уйду, как будто я молилась в храме, а ты, сестра, пойдишь и скажешь обо всем подругам...

Зора, черная молоденькая девушка в серебряном поясе, печально посмотрела на Кукумини и опустила голову.

— Без тебя, как голубки без матери, останутся начгерл. Ты пандити, сестра! — сказала танцовщица. — Мы хотели тебя выбрать, чтобы ты говорила за нас в Совете...

Кукумини обняла на мгновение подругу.

— Зора! Выберите Лотику! Я разве с вами расстанусь? Я с вами никогда не расстанусь, хотя и за морем даже буду. Ты разве это не знаешь, Зора? Я возвращусь совсем скоро, а в это время мы уже будем свободны. И тогда мы отпразнуем нашу свободу. Перед всеми нашими братьями мы соберемся, выйдем на площадь перед ними и оттанцуем им все, что у нас есть на сердце, пусть смотрят, как мы радуемся народному счастью. И я, Зора, вместе с тобой и Дидабай Певучей буду танцевать. А ты говоришь, как голубки без матери!

Девушки пришли в квартиру Зоры. Кукумини попросила подругу дать ей на время свое платье.

Кукумини оделась в доти¹⁾ и бурка²⁾ женщины магометанки и через четверть часа была в большом магометанском дворе одной из главных улиц города.

Здесь помещалась конспиративная мастерская Таскаева, который под видом фотографа парсиса и инженера кинематографии с двумя помощниками индусами заготовлял

¹⁾ Доти — одеяние вроде юбки.

²⁾ Бурка — белый плащ, закрывающий женщину с головой так, что остается только отверстие для глаз.

аппараты и размножал пластинки картин, ведя для видимости образ жизни независимого бенаресского интеллигента.

Кукумини застала Таскаева в приемной вместе с сотрудником какого то английского журнала, который приобрел у фотографа виды венчальных, похоронных и тому подобных процессий.

Кукумини, увидев чужого человека и не обнаруживая своего знакомства с фотографом, сказала, что она желает сняться.

Таскаев позвонил и явившемуся помощнику индусу отдал распоряжение провести посетительницу в павильон и приготовить для съемки аппарат.

Индус вышколенно поклонился и движением руки пригласил Кукумини войти в открытую им дверь.

Она очутилась в большом павильоне фотографии с застекленными с трех сторон стенами.

Здесь индус, интеллигентный молодой человек, остановился и вопросительно поднял на девушку глаза. Он не мог узнать в бурка Кукумини, сообщницу по организации.

Кукумини излишне было ему открываться, хотя индус, местный горожанин и был испытанным членом организации. Она сказала только.

— Я к Варис Бабу по делу...

— А... Тогда, пожалуйста, сюда...

И индус ввел танцовщицу в следующую маленькую комнату, которая была, очевидно, чем-то вроде кабинета Таскаева.

Комната носила полуювропейский, полувосточный характер. В ней был письменный стол, два стула, кресло и диван, но на полу находились и ковры.

Кукумини села к стене на ковер.

Через несколько минут вошел Варис Бабу—Таскаев.

Кукумини сбросила с головы бурка, и Таскаев, немедленно узнав девушку, подал ей руки, приподнял ее и указал на стул.

— Сюда никого не впускают, сестра Кукумини! Не закрывайтесь и будьте, как дома.

Кукумини села, и Таскаев увидел, что сухие глаза девушки горят лихорадкой смертельной тревоги.

Девушка сжала руки и, подав Таскаеву письмо, поникла головой.

Пролетарий изобретатель прочел письмо и изумленно возвратил его девушке.

— Да... вот что! Куда он мог деваться?—И карие глаза маленького техника ушли на несколько мгновений глубоко внутрь.

Это не помешало ему, хотя он, очевидно, совершенно не думал о том, о чем говорил, обратиться одновременно к Кукумини с тихим бесстрастным замечанием:

— Письмо сожгите...

Он задумчиво обхватил, сидя на стуле, собственное колено руками и в такт своим мыслям несколько раз приотпнул другой ногой.

Кукумини ждала, что он скажет. Но ее успокаивало уже то, что закадычный друг Пройды ни на минуту не выразил опасения за судьбу товарища, как будто Пройда не мог быть кем-нибудь убит или схвачен и брошен в тюрьму.

Тем временем глаза уверенного в себе техника стали шире, зрачки из неведомой глубины молниеносно, как фонари, влетевшего в вокзал поезда, приблизились к Кукумини, и девушка увидела, что какая-то мысль пришла ему в голову.

Таскаев поднялся со стула и шагнул к девушке.

— Вы еще письма не сожгли? Вот хорошо! Дайте его мне на секундочку еще...

Кукумини не переставала держать письмо в руках. Она живо дала его товарищу.

Таскаев прочел в нем несколько строчек, задумчиво кивая сам себе головой, в том месте, где говорилось о военных судах и, возвращая письмо, снова повторил:

— Сожгите его... А вас, сестра Кукумини, я могу успокоить. Я не знаю, верна ли моя догадка, поэтому излагать ее не хочу, но я не сомневаюсь, что Пройда жив, от Бомбея едва ли он куданибудь далеко скрылся, чтонибудь он делает такое, что свалится всем, как снег на голову... Большевики народ не таковский, чтобы чего-нибудь не наделать, даже если их из за угла кто-нибудь захочет садануть ножом...

Кукумини с оживленными, как и у Таскаева, глазами следила за возбуждавшимся техником.

— Но, если он еще жив, то его могут все одно убить! возразила девушка.

— А, это дело другого рода! Убить могут каждую минуту. Если в самом деле приехала эта фашистская компания, которая охотилась уже за ним в Москве, то, значит, они чувствуют, где Пройда, и собираются, если не съест его живьем, то, по крайней мере, продырявить десятком пуль голову...

— Вот что, брат, делающий картины,—поднялась решительно Кукумини, у вас есть, чем драться с мордами и полицией?

— Оружие?—спросил Таскаев:—Мы с самого начала имеем целый запас бомб и маузеров, чтобы при надобности отбиться от роты сипаев.

— Я еду в Бомбей. Может быть Пройду еще можно выручить или спасти. Я буду его искать. Я все шайки морд уничтожу, но его найду. Дайте мне револьвер и денег немного... Я не могла пойти домой, потому что в храме Шивы меня искали погромщики, хотели убить. Дайте мне револьвер и скажите, как розыскать в Бомбее Бихари—моего брата, Дидабай и Комитет. Вы это знаете..

Таскаев с живым сочувствием к девушке, думавший о том, что может сделать Пройда, и что происходит вообще в Бомбее, повернулся к стене комнаты, расписанной красочным орнаментом восточных рисунков и, сделав несколько движений по этим рисункам, заставил открыться в стене большое углубление.

Он достал отсюда маузер.

Девушка довольным взглядом окинула оружие, образец которого она видала уже у Барнеджи и оглянулась, ища во что его завернуть.

Таскаев снял с вешалки в углу комнаты джутовую сумку и дал ее танцовщице. Затем он достал из письменного стола деньги, рассказал, как найти Бихари, и дал явку в бомбейский Комитет.

Кукумини взяла сумку и благодарно посмотрела на техника.

Таскаев с сочувственной улыбкой оглядел девушку и ободряюще предупредил:

— Большевички у нас тоже так делали. Вы героиня Индии, но смотрите не попадитесь инглизменам...

Кукумини крепко пожала ему руку.

— Если я хоть чтонибудь сделаю, то пусть шпионы хватают меня. Но я прежде увижу всех товарищей и найду Пройду.

У нее от волнения показались на глазах слезы, и она быстро вышла.

Неслучайная встреча.

За два дня перед тем, как Дадабай написала своей подруге письмо в Бенарес, к бомбейской пристани, почти одновременно, прибыло несколько пароходов. Большой товаро-пассажирский „Улем“ отправился двенадцать дней тому назад из Константинополя и вошел в гавань позже всех других.

Только что остановился он у причального пункта восточно-транспортной компании „Бенгалика“, и на него набросились, обступая пассажиров, носильщики, агенты гостиниц и продавцы туземных изделий, как возле его борта очутилось двое, искавших друг друга, мужчин.

Один из них европейски одетый купец-индус сошел с парохода, другой, явившийся его встретить парсис, был, очевидно, доверенным лицом индуса.

Он сделал распоряжения носильщикам, передав им квитанцию на багаж, ответил на несколько вопросов своего патрона и только что сделал жест, намереваясь нанять экипаж для отправления в город, как другая группа двух же мужчин—путешествующих англичан остановилась возле него и купца и обрадованно начала приветствовать туземных коммерсантов, как своих хороших знакомых.

Индусы-торговцы изменили свое намерение. Они отложили наем коляски, парсис пробежал к носильщикам, чтобы несколько видоизменить свои распоряжения, вместо этого; когда он возвратился, все четверо мужчин прошли по берегу, по направлению к военной гавани, здесь взяли моторную лодку какого-то военного судна с двумя механиками и направились вдоль берега для прогулки.

Встретившиеся знакомые представляли собою: одна пара только что прибывших под видом купцов через Константинополь из Москвы Тарканатру и встретившего его Пройду, другая—Граудина и Малабута. В моторной лодке находились брат убитого фашистами шоффера, телеграфист моряк Джон Хейтон и его товарищ наводчик—матрос Роберт Шотман.

Все встретившиеся товарищи довольно оглядели друг друга.

Отъехав несколько от города, механик остановил мотор, и тотчас вся группа собралась в центре лодки на сиденьях.

— Ну,—возгласил Пройда, узнавший со слов Граудина о том, что моряки связаны с большевиками общей целью и имеют сообщения к товарищам,—я товарища Тарканатру вызвал, потому что пора партии готовиться к переходу на легальное положение... Индия рвет пути империализма. Коммунистам надо стать во главе восстания.

— Я с Малабутом,—сообщил в свою очередь Граудин,—заехал сюда для того, чтобы предупредить Пройду и через него руководителей движения на Востоке о готовящемся выступлении фашистов в Европе... В Индии революция само собой, но Европа тоже накануне генеральных боев. Фашисты готовят войну, рабочим ничего не останется больше делать, как только покончить с буржуазией...

Джон Хейтон указал взглядом на Роберта:

— Мы с товарищем Робертом очень рады, что мы получили возможность говорить сразу же перед штабом осведомленных и активных революционеров. Мы с Робертом представляем группу нелегальной организации матросов английской эскадры. Как только нам стало известно, что флагманский корабль нашей эскадры получил распоряжения принять участие в подавлении индусской революции, мы провели на трех крейсерах собрания организованных матросов и решили стрельбы по Бомбею и Калькутте не допускать... Наши группы есть на всех крейсерах, мы ведем и дальнейшую агитацию. Потихоньку из материалов на крейсерах мы заготавливаем бомбы, которые можем передать индусам. Но мы хотели бы, чтобы вы нам помогли с агитировать матросскую массу. У вас есть теперь чудесное

средство агитации—натурографы. Если бы ктонибудь из вас присоединился к нам, чтобы помочь организовать матросов, мы могли бы таких товарищей сейчас же взять с собою, спрятать на крейсерах их и в течении нескольких дней возмутили бы всех моряков...

Тарканатра, для которого настроение английских матросов явилось неожиданностью, с волнением выслушал телеграфиста и затем возбужденно взгнул на Граудина.

— Конечно, нужно немедленно же комунибудь из нас решиться ехать... Ведь, отказ матросов принять участие в подавлении Индии гарантирует победу революции... Это бомба! Это такая неожиданная поддержка, из за которой пошатнется империализм во всем мире!

— Ну, что же,—заметил Граудин,—если дело обстоит так, значит комунибудь надо остаться...

Тарканатра схватился руками за голову:

— Но такая же необходимость непосредственного присутствия когонибудь из нас заставляет нас подумать об Амиратсаре... Я собирался ехать именно туда, потому что там рабочие, не дожидаясь революции, приступили уже к выборам советов. Туда намеревается выехать вице-король, но я уже заранее получил просьбу приехать туда, помочь доставить организации оружие и разрешить комитету произвести арест вице-короля, когда он приедет... Что нам сделать, чтобы везде управиться?..

Пройда, который не пропустил ни одного слова из каждой реплики и обдумывал положение, наконец, остановился на единственном выходе.

— Если революция, то, значит, революция, и успевать надо везде... Товарищ Тарканатра не может ни остаться для организации матросов, ни поехать в Амиратсар... Бенаресский и Бомбейский комитеты партии недавно приняли решение о срочном созыве партийной конференции, и она на этих днях откроется. Товарищ Тарканатра здесь необходим с его авторитетом. С другой стороны, и товарищ Граудин обязан кончить то, что он начал; доставить в Европу спасенного им француза и материалы, разоблачить фашистов, осведомить обо всем коммунистов в Европе и Америке. Значит, могут законспирироваться среди ан-

глийских товарищей только я и Малабут. Но нам при этом нельзя пропустить случая лишить удовольствия вице-короля совершить административное турне. Его арест вызовет возбуждение не меньше, чем переход на сторону революции английских моряков... Я и предлагаю: Граудин едет в Европу. Тарканатра нелегально пока остается в Бомбее, проводит конференцию и вообще смотрит в оба за происходящими событиями. Я и Малабут принимаем предложение товарищей моряков. Нам Тарканатра присылает натурографы с пластинками, Граудин оставляет те снимки, какие есть у него. Я буду с матросами находиться вплоть до момента, когда потребуется их выступление. Что же касается до Малабута, то он долго среди них задерживаться не должен, он свяжет их с каким-нибудь надежным товарищем, получит от них побольше бомб и оружия, транспортирует все это в Амиратсар и собственноручно повесит замок на тот вагон, в который посадят рабочие вице-короля.

— Правильно!—воскликнул Тарканатра.

— Правильно!—подтвердил Граудин.

— Согласен!—сказал, улыбаясь, Малабут.

На этом решении совещание и остановилось. Тарканатра и Граудин были доставлены вскоре на берег. Пройда же и Малабут встретились на моторе с одной шлюпкой, откуда подготовленные к приему гостей военные моряки передали для двух человек матросскую военную одежду, средства гриммировки, и после этого Пройда исчез, успев после своего появления в Бомбее только установить связь с туземной организацией рабочих коммунистов и поручив им и своим помощникам слежку за Пит Графом и дружиной морд, которые получили в двух вагонах ящики пулеметов и теперь заговорщически суетились, розыскивая в городе место для установки засад и занимая на крышах позиции.

Для неотступного выслеживания каждого шага фашистов по указанию Бихари и Партаб-Синга, проникших под видом службы в самый штаб организации богача Санджиба, было назначено несколько рабочих коммунистов: Дидабай с натурографом и получивший для этой цели полное снаряжение уличного водовоза ее отец Банким, душой и

телом отдавшийся революционерам после того, как к нему пришел и поговорил с ним сидевший уже однажды в тюрьме чертежник железнодорожных мастерских Ниду Бабу.

Что касается до Вагонетки, то инициативный и деятельный парень нашел устроившегося в Бомбее Чекарева и занялся с ним агитацией, путешествуя по устраивающимся организацией для этого сходкам.

В этом занятии Вагонетка столкнулся с такой сознательностью и подготовкой рабочих к революции, какой от туземцев не ожидал не он один только.

У него в промежутке между сходками оказалось несколько свободных дней.

Наслушавшись от Банкима о непрекращающемся хартале индусов в деревне Бусуа-Матрум, Вагонетка предупредил Ниду Бабу о том, что хочет проникнуть туда, и с Ерккой двинулся в глубь провинции.

Ниду Бабу согласился на разведку ребят и в свою очередь решил на другой день выехать туда на тонге с одним товарищем для того, чтобы узнать о твердости духа, бойкотировавших англичан-общинников.

Пробравшись по грунтовым дорогам и переночевав в лесу возле одной деревушки, ребята оказались возле Бусуа.

Это был поселок индусской общины, состоявший из обнищавших земледельцев и большого количества разоряющихся ремесленников, связанных семейными отношениями со странствующими монахами и браминами.

Поселок отличался бедностью, но это не мешало населявшим его индусам держаться с такой сектантской замкнутостью и гордой независимостью, которая у всякого должна была отбивать охоту к каким бы то ни было распросам и легкомыслию по отношению к общине.

Действительно, это была сектантская община одного из древнебраминистских толкований, воспитанная в независимости шовинистическими жрецами и националистическими монахами.

Но в эту деревню проникла и переплелась с сектантским умозрением новизна революционных отношений, которая не допускала чьего бы то ни было вмешательства в

жизнь деревни, как будто деревня на тысячелетия хотела отгородиться от всего мира.

Когда Вагонетка и Чекарев очутились возле этого селения, они только теперь думали, не слишком ли опрометчиво поступили они, решившись проникнуть в деревню и устроить здесь свой агитационный сеанс. Но отступить было поздно.

И вот, двое подозрительных парсистких боев-подростков в ланготти и отрепьях вошли в улицу деревни.

Сразу же они наткнулись на колодец возле древнего языческого храма.

Несколько женщин с кувшинами, болтавших возле колодца, удивленно смолкли, оглянув ребят и взглядами проводили их за угол.

Вагонетка и Чекарев почувствовали, что они вызывают подозрение, и с падающим настроением прошли еще несколько шагов.

Они подошли к деревенской кузне. В деревянном сарае, сидя на земле перед горном и наковальней, работали кузнец и мальчишка.

Очутившись перед дверями кузни и увидев, что кузнец в грязном тюрбане и фартуке остановился на них подозрительным взглядом, Вагонетка решил попытаться исправить положение...

— Господин! скажите, как нам итти в город.

Индус ничего не ответил, пренебрежительно махнул рукой влево, и ребята зашагали дальше.

Но они не заметили, что, как только они завернули снова за угол, за ними последовал, перелезая стены и перебегая дворы подручный кузнеца, волосатый и хитрый, как бесенок, мальчуган.

Ребята решили по другой улице возвратиться, направились к храму и здесь под одной из стен расположились, чтобы посоветоваться о дальнейшем.

Не спускавший с них глаз арапченок приспособился за стеной во дворе этой же улицы. С вышедшим из дома индусом-судрой, в этом доме занимавшемся с семьей обработкой джута, он о чем-то пошептался.

Семья судры вышла и стала следить за ребятами.

Между тем Вагонетка и Чекарев, подавленные общей подозрительностью к ним, заспорили о том, что им дальше предпринять, и, разгорячившись, заговорили сперва по английски, а потом и по русски.

Они не заметили и того, как с окна капища производившая уборку индуска испуганно взглянула на них, выскочила из храма и, посмотрев на ребят, побежала во двор, откуда уже за ребятами следили две семьи судра.

— Бои фаренги!—воскликнула женщина... Они говорят на языке сагибов. Их прислали джасусы!

К судра с ближайших домов повыскакивали соседи, кто то позвал брамина, и вот поднявшиеся снова итти Вагонетка и Чекарев оказались вдруг окруженными толпой.

— Кто вы?—обратился к ребятам брамин по тамильски. Ребята отчаянно замотали головой, делая вид, что они не понимают жреца.

Толпа, не спускавшая с заморских бродяг глаз, раздраженно заговорила.

Двое индусов стали рассматривать выхваченные у них из рук аппараты.

— Не понимаете?—переспросил брамин.—Кто вы?—повторил он вопрос на индустани.

— Мы... мы с остров!..—сделал Вагонетка вид, что он некоторые слова знает:—Наш папаша жемчуг ловил, в вода тонул. В Пуна наш родня... Мы хотим город Пуна...

Толпа заговорила еще громче и раздраженней.

— Подсланные! подсланные! Кто их пустит с острова? Подослали фаренги!

— Да кто они?—Спрашивали подбегавшие.

— Фаренги! Говорят, как сагибы, а делают вид, что не понимают.

— Переводчика надо...

Брамин оглянулся на толпу. Старшина общины, внимательно разглядывавший ребят, подошел и шепнул ему что-то.

Оба они внимательно оглядели Чекарева, брамин ощупал его сквозь отрепья рубашки, а старшина вдруг снял с головы белый тюрбан, поплевал на него и начал бешено тереть расплеванным местом ткани шею пионера.

Затем он оторвался и торжествуя указал на ткань толпе.

Она сделалась грязной от перешедшей на нее с шеи пионера краски...

— Подосланные!—вспыхнула толпа, затопав ногами и порываясь к мальчуганам.

Брамин и старшина остановили ее движением руки и повелительным взглядом.

— Выродки белых сагибов вас послали сюда для того, чтобы вы привели к нам из города солдат? Кто вы?—еще раз попытался спросить брамин. Старшина, увидев, что трепещущие ребята молчат, кивнул двум индусам-парням, и те, схватив под руки странствующих гастролеров, скомандовали:

— Айда!

Сопровождаемая толпой процессия двинулась в общинную избу старшины.

Ребят ввели в темную арестантскую конуру во дворе, заперли их здесь, и один парень остался их сторожить.

Толпа частью разошлась, частью осталась гудеть возле избы.

Брамин-жрец, овладев натурографами и пытаясь разгадать, что скрывается в картонных трубах вызвал двух каких-то нищих-фанатиков, главаря националистического движения-земиндара, проживавшего возле деревни в имении, и общественного почталиона, знавшего английский язык в качестве переводчика. В Пуну поехал гонец за другим таинственным брамином тамошней, очевидно, более авторитетной общины.

Часа два подготовлялись в избе эти сборы.

А тем временем ребята, брошенные в потемках, трепетали за свою судьбу.

Они ни понимали, какие подозрения возникли у фанатических жителей деревни. Но за кого бы их не принимали, улики их европейского происхождения были слишком несомненны, и весь вопрос заключался только в том, когда именно с ними покончат. Сделает же это городская полиция путем какой-нибудь расправы или прикончат их брамины прямо в деревне, это уже было не такую подробно, которая могла внести в головы ребят успокоение.

Когда ребят втолкнули в темный сарай с земляным полом, и дверь закрылась, они полминуты растерянно дышали в потемках, сдерживая себя, чтобы не дать вырваться наружу внезапному гору, а затем стали тихо друг друга нашупывать.

— Ва!..—чуть слышно позвал Чекарев.

— Ш-ш!—предостерег Вагонетка.

И, лапая возле себя руками, пионеры нашли друг друга.

— Они слышали, как мы говорили по-русски!—прошептал Вагонетка.

— Это ты осатанел и начал по-русски ругаться!..—упрекнул Чекарев.

— Нет, по-русски это начал ты, а я ругался по-английски,—возразил Вагонетка.

— Не все одно! Ты и сейчас готов выпалить что-нибудь... Старше меня, а злишься, как на чужого...

Вагонетка крякнул. У него к глазам подступали слезы.

— Ну, Егор, давай не расстраивать один другого. Попались оба. За то, что я старше, со мной, может быть, скорей разделаются. Тебя еще могут закабалить куда-нибудь в дом к малолеткам. Если ты останешься живой, да придется опять увидеть товарищей, передай им, что я прошу простить за то, что не сумел поступить по коммунистически...

Чекарев прижался к товарищу.

— Вагонеточка, товарищ, нас не убьют! Мы убежим какнибудь! Давай только посмотрим, что они с нами хотят сделать... Давай сядем здесь и обнимемся!

Ребята опустили на землю и переплелись руками, сдерживая от волнения дыхание.

Они вздрагивали.

Между тем в избе старшины собралось несколько индусов. Среди них был общинный почталион-переводчик, который, не дождавшись пока над боями начнется суд браминов, уже сбегал к сараю, чтобы посмотреть на пленников.

Это был подражавший своей одеждой европейцам дравид с малабарского берега, поддерживавший сношения с городом.

Он, узнав о происшествии, не только согласился быть переводчиком, но проявил и самостоятельный большой интерес к ребятам, спрашивая всех о том, откуда они явились, что у них за трубы, как они объясняют свое появление.

Наконец, все были в сборе, и оставалось только приступить к допросу схваченных.

В это время в деревню прибыл и, узнав о случившемся, заспешил в общинную избу Ниду Бабу.

Чертежник-индус уже имел сношения с главарями деревни, посредничая в оказании деревенским бойкотистам помощи от рабочих.

Теперь, когда ему сказали, что схвачено двое подростков, революционер-туземец, заподозрив неладное, немедленно же очутился в избе.

Здесь он застал всех, кто ему был нужен.

Старшина все еще продолжал держать в руках аппарат натурографа и то беспомощно ворочал его, то передавал браминам, делая с ними безуспешные догадки о его загадочном назначении. Другая труба также ходила по рукам.

Ниду Бабу остановился возле старшины и брамина и живо стал спрашивать их о случившемся.

Переводчик ткнулся было к беседовавшим, чтобы ввязаться в разговор.

Ниду Бабу выразительно кивнул на него головой собеседникам браминам и старшине.

— Это же джасус!—предупредил он шепотом.

— О!—удивились брамины.

И один индус взял дравиду за руку.

— Пойдем, брат, отсюда! Мы тебя позовем, когда надо будет.

Дравид хотел навязаться с просьбой оставить его, но индус колючим взглядом остановил его, и почталцион решил ретироваться.

Увидев натурографы, Ниду Бабу покачал головой и объяснил:

— Введите сюда боев, вы увидите, что это такое!

Он шепнул браминам:

— Вы губите боев, которых посылали мы к вам... Это большевики-бои! Они наши!.. Саибы за каждого из них по мешку рупий отдали бы, только чтобы изловить их.

Индусы и старшина с испуганным изумлением обступили Ниду, слушая его сообщения о боях с чудесными машинами, обличающими деяния саибов, а затем поспешили привести ребят.

Вызванные в избу, трепещущие Вагонетка и Чекарев остановились перед индусами и вдруг увидели Ниду Бабу.

Чертежник ободряюще кивнул ребятам головой и коротко сказал:

— Вас будут спрашивать, — говорите только правду. Эти люди вам зла не сделают.

Индусы и старшина сели на пол.

Ниду отдал ребятам аппараты.

— Покажите чудо-картину! Покажите, баранчуки! — обратился к ним старшина. Так вы, значит, не от саибов пришли? Эх вы, русские бои!

У Вагонетки от радости закружилась голова, он взглянул на Ниду и, увидев подтверждающий кивок революционера, быстро заправил аппарат.

Затем он шелкнул его затворами.

В ту же секунду одна стена избы пропала, и на ней задвигались картины майенвильских событий.

— Собаки-саибы! Убийцы!—Повскакивали индусы с пола, бросаясь с выхваченными кинжалами к картине и думая, что это видение настоящей действительности.

Но увидев, что первое явление картины сменилось новым, и убедившись в обманчивости видения, они успокоились и, не спуская глаз, стали ожидать развязки происходивших на их глазах сцен усмирения.

Когда демонстрация картины была окончена, старшина и индусы обступили ребят, радостно хлопая их по плечам и растроганно убеждая:

— Большевики, а молчали? Маленькие, а большевики? Саибам хотите капута? Э, бои! Э, фаренки! Теперь мы позовем всю деревню наших братьев. Покажите всем картину. Еще есть?..

Ниду Бабу стал совещаться со стариками. Сразу же о перемене в судьбе боев стало известно всей деревне, и жители потянулись в общинную избу.

Но теперь, обступая ребят и толкаясь возле них, ремесленники и райоты на них смотрели с уважением и проявляли все признаки раскаяния за свое подозрение к ним. Узнав, что бои—большевики, женщины прибежали в избу с лепешками и бобами. Кто-то притащил ласси-воды с молоком.

— Бои-большевики—наши! Бедный народ боев обижать никому не даст! Оставайтесь у нас, мы по очереди будем принимать и кормить баранчуков с картинками!

Вагонетка и Чекарев, посаженные любовным ухаживанием, оказались среди свертков с пищей и горшков с напитками. Арапченок из кузни присоседился к ним и жадно рассматривал их, лопоча восклицания радости.

Ребята отзывались на вопросы, жевали хлеб, переглядывались и обмахивали с глаз слезы радости, благодаря Ниду за свое спасение. После сарая на такой прием они не рассчитывали.

Община задала ребятам работы на два дня, в течении которых они переставали показывать картины только, сваливаясь окончательно с ног, и когда нужно было пойти в какую-нибудь избу поесть.

На третий день, напутствуемые селением, они с Ниду уселись на тонгу, отправляясь в город.

Дравид-переводчик долго смотрел им вслед, когда они выезжали, а после того, как коляска скрылась, он взял у райота мельника лошадь и куда-то также поскакал. Он ехал в штаб дружинников Санджиба в Бомбее.

Враг разоблачен.

Приезд Кукумини совпал с началом всеобщего возбуждения в народе.

Это возбуждение вызвали два обстоятельства. Во-первых, стало известно, что в Амиратсаре организовавшимся советом рабочих и солдат арестован вице-король; во-вторых, несколько депутатов сделали национальному собранию заявление о том, что фашистская организация Санджиба

подготавливает кровавую расправу над рабочими, вооружив свои банды, и произвела по городу расстановку пулеметов.

Тот час же нерешавшееся до сих пор на революционные меры национальное собрание выделило специальную комиссию, которой поручило расследовать правильность заявления и, если оно подтвердится, объявить военное положение и применением диктаторских мер обеспечить оборону населения и защиту революционного порядка.

Кукумини нашла Бихари в конторе складов транспортно-страхового общества Санджиба, где ее брат устроился в качестве кладовщика и приемщика грузов.

Бихари был взвинчен от возбуждения. Чога распахнута, а за поясом кафтана маузер и бомба.

Профессионал-заговорщик собирался итти в национальное собрание, когда в контору вошла девушка.

— Кукумини диди!—воскликнул молодой человек, делая шаг от столика и приветственно падая перед девушкой на колени.

Кукумини подняла и обняла брата.

— Ты хочешь, сестра, отдохнуть, поесть или повидать кого-нибудь? Тогда пойдем, у меня квартира есть... Здесь я служу, а живу в другом месте.

— Ничего я не хочу, брат Бихари... Я приехала узнать о Пройде, русском большевике...

— А от кого ты хочешь это узнать?... Наши все будут в национальном собрании...

— Пойдем в национальное собрание... Там что происходит сейчас?

— О, там сейчас взялись за ум, в конце концов, и решили действовать. Арабенда назначен в комиссию обороны. Вызвали Санджиба для допроса. Сделано секретное заявление, что морды установили в городе пулеметы. Партаб Синг и Банким, отец Дадабай, будут давать показания. Партаб Синг у Санджиба был телохранителем и все знает, а Банким по поручению комитета выслеживал под видом водовоза, как морды втаскивали ящики в дома и храмы, устанавливали их на чердаки. Дадабай привлекла отца на нашу сторону... Славный был у нее товарищ-бой, но убили его сегодня...

— Убили Вагонетку! Кто? — испуганно остановилась Кукумини.

— Морды наверно. Он вечером был на митинге, неизвестно куда ушел, а утром сегодня нашли на улице. Перед своим концом морды показывают себя.

— Кто у них здесь распоряжается всем?

— Неизвестно. Думали, что Санджиб, но Санджиб так перетрусил, когда сюда прибыло национальное собрание, что объявил пост и только в храм и показывался. А его дружинами кто-то собирается действовать. И вот начали...

Кукумини, молча, углубилась в собственные мысли. Она думала о судьбе Пройды, о том, какие события могут еще произойти, если морд немедленно не разгромят.

Бихари продолжал сестру информировать:

— Сейчас комиссия следствие снимет и морд разгромит, если не будут английские крейсера и не станут громить город из пушек. А если с кораблей начнут стрелять, то национальное собрание уедет в Амиратсар... Не знаю, что тогда будет. Но я с двумя товарищами поеду в Бенарес. Там командует мордами один авара *) гоаниец с острова. Он напал на нас в храме, когда я скрывался с товарищами у тебя, и если бы не китай-большевик зарезал бы и меня... Я хочу с ним рассчитаться.

— А он какой?—вдруг спросила девушка,—большой, с бородой, злые глаза и лоб в морщинах?

— Да, христианин большой и злой, как бешенная собака. Где ты его видела?

Кукумини вспомнился главарь погромщиков, напавших на шлифовальщика и увлекавший банду к розыску ее убежища.

Она рассказала брату о том, что произошло в Бенаресе.

Бихари сжал кулаки и поднятой для клятвенного обещания самому себе рукой погрозил далекому врагу.

Молодые люди пришли в национальное собрание, к которому, как и они, спешили группы возбужденных тревожными слухами граждан.

*) Авара—босьяк.

Перед самым зданием суда они увидели толпу рабочих, массу разнообразного городского населения, слона Санджиба с башенкой на спине, несколько тонг, колясок и пару автомобилей.

Сходившая по лестнице Дадабай увидела Кукумини и с радостным восклицанием бросилась к подруге.

— Кукумини-сестра, приехала! Идем скowej наверх, тут Первин и Петряк. Там увидишь Тарканатра из Москвы и Арабенду, начальника революционного ополчения. Скорей!

Действительно, Петряк и Первин явились из своих странствований по Индо-Китаю в Бомбей.

Но явились не только они.

Около часа назад сошел с парохода, повидался с Санджибом и явился в здание национального собрания Бурсон.

Он был с Пит Графом. Оба сподвижника немедленно уединились с четырьмя индусами, из которых два были реакционными депутатами национального собрания и два других—организаторами фашистских союзов.

Бурсон был мрачен. Путем опроса Санджиба он узнал, что дружины бездействовали, если не считать случайного убийства нескольких человек и в их числе подростка, относительно которого сообщница фашистов Эча Биби сообщила, что это русский бой, присланный большевиками для работы с их сумасшедшей техникой агитации картинками. Явившись в законодательное собрание для того, чтобы выяснить на кого из депутатов может опереться контрреволюция, он был огорошен сообщением о том, что только-что уполномоченная специальная комиссия вызывает несколько человек на допрос для проверки заявления о подготовке фашистами пулеметных засад.

— На что же вы нацелитесь больше?—рассвирепел фашистский главарь, когда ему поведал о положении дел правая рука Санджиба, владелец нескольких увеселительных заведений в городе, дравид с малабарского берега, вместе с Пит Графом руководивший теперь дружинами морд.—Вы не понимаете, что если вы сейчас же ничего не предпримете, то через полчаса объявят военное положение, пе-

рережут вас всех, как зайцев, и тогда делайте, что хотите. Чего вы ждете, что не устроили еще ни одной бани бунтовщикам?

У Бурсона было основание, чтобы свирепствовать. Матерый фашист, приехав в Бомбей, кроме всего прочего, узнал, что прошумевшее было около двух недель назад сенсационное сообщение о гибели парламентской комиссии, собиравшей материал о восстании в Индо-Китае, оказалось ложным.

Перед французским парламентом вдруг предстал считавшийся утонувшим с другими членами комиссии, но спасенный большевиками Дюваль и начал разоблачения.

Мало этого, коммунисты всех стран вдруг повсеместно стали демонстрировать картины самого восстания в Индо-Китае, картины набора и отправки индусов в Индо-Китай, производившиеся агентами английского правительства.

Создалась обстановка весьма реально предвещавшая начало новой войны.

Если бы Бурсон еще знал, что и другие тайны фашистов уже известны центру революционных сил пролетариата, он не усомнился бы в приближавшейся гибели фашизма и породившего его общественного строя.

Но с него было достаточно и того, что он уже знал. Нужно было какой бы то ни было ценой спасти положение, и он обратился к „мордам“.

В один голос Пит Граф и его туземные сообщники попытались успокоить властного главара заговора.

— Ничего большевики еще не сделали и не могут сделать. Крейсера в полсотне миль от берега, только ждут распоряжений правительства... Пусть попробует кто-нибудь самоуправствовать, и город будет разгромлен!

Бурсон с убийственным презрением оглядел своих собеседников.

— Крейсера? Вы знаете, что на сделанный по радио губернатором запрос с одного крейсера ответили, что комитет крейсера, арестовавший своих офицеров, считает преступлением выступить против населения?

У сообщников Бурсона при этих словах чуть не подкосились ноги. Они остолбенело поглядели друг на друга и смолкли.

Бурсон, искоса проследив эффект действия своего сообщения на заговорщиков, приступил к дальнейшим распоряжениям.

— Известно ли комиссии оборонщиков или большевикам, где именно расставлены пулеметы и заняты нами позиции?

Этого никто не знает, — ответил гоаниец. Комиссия оборонщиков должна вызвать на допрос двух большевиков для того, чтобы выяснить от них, что именно им известно, и знают ли они где расставлены пулеметы.

— Кто эти большевики?

— Один водовоз райот Банким и другой изменник, под видом телохранителя поступивший недавно к Санджибу и сообщающий обо всем большевикам.

— Знает он из присутствующих кого-нибудь?

— Никого...

— Послали уже за ним для допроса?

— Вероятно, нет...

Бурсон сжал губы.

— Сейчас же надо послать нашего человека, который должен привести его, как будто бы на допрос в комиссию к нам, прежде, чем его позвали оборонщики. Пусть он перед нами развяжет язык...

Бурсон обернулся к индусам-депутатам и гоанийцу.

— Вы трое разыграете заседание комиссии и следствие. Сядете за стол. Я с мистером Пит Графом будем наблюдать здесь же в стороне за допросом под видом посетителей. Роберт-Сунта должен сейчас же послать за этим предателем, доставить его сюда и собрать в харчевне Санджиба дружину. Через час мы приступим к ликвидации большевиков, если они что-нибудь не выкинут раньше. Как зовут доносчика, которого мы будем допрашивать?

— Партаб Синг.

— Давайте его.

Сообщники Бурсона, почувствовав в сагибе-заговорщике властного распорядителя, настроились на воинственный лад и засуетились.

Гоаниец поспешил, чтобы послать за Сингом, двое индусов стали приводить в порядок стол и стулья той

комнаты, в которой они находились, один туземец-депутат пошел принести бумаги, портфель и прибор, чтобы придать комнате внушительно казенный вид.

Бурсону и Пит Графу доставили одежду, в которой они приняли вид демократических европейских преподавателей из какой-нибудь школы, очутившихся в стенах национального собрания также, как здесь оказывались, шумели, гудели, совещались и что-то делали сотни других лиц, ничего общего с депутатским званием неимеющих.

Незадолго перед тем, как в стенах национального собрания произошло это фашистское совещание, к большому двору Санджиба подошел молодой человек-депутат, в котором нельзя было не узнать друга Арабенды Ашутоса.

Индус-большевик остановился возле ворот двора, соображая, как легче всего найти того, кого он искал.

Он уже хотел было направиться в дешевую закусочную возле главного дома, как вдруг увидел фигуру китайца в синей рубашке, который спешил перенести в закусочную из помещения во дворе ком теста для изготавливавшихся в харчевенке лепешек.

Ашутос поднял камешек и бросил его под ноги китайцу.

Тот поднял голову, увидел Ашутоса, оглянулся, закивал головой и быстро исчез в закусочной.

Через полминуты он опять показался во дворе и, еще раз оглянувшись, подошел к депутату.

— Мне нужен Партаб-Синга, Сан-Ху,— обратился к нему Ашутос, где он?

Китаец кивнул на главный дом.

— Там... тежурка.

— А... Ну, ладно... Скажите ему сейчас же от меня, что мы заявление о подготовке пулеметов фашистами в национальное собрание передали. Депутаты спохватились. Назначена комиссия, которая проверит заявление и организует оборону. Партаб-Синг будет скоро вызван в комиссию на допрос. Пусть идет и все расскажет комиссии...

— Моя слушай. Шибко скоро скажу, Ашутос Бабу.

— Обязательно...

Вслед затем индус-революционер поспешил уйти, довольный, что никто не видел, как он приходил в фашистское гнездо, куда удалось с целью разоблачения „морд“ проникнуть в харчевню Сан-Ху и в качестве одного из телохранителей Санджиба Партаб-Сингу, принявшему на себя личину фашистского дружинника.

Сан-Ху немедленно выбрал минуту, чтобы передать угрюмо настроенному Партаб-Сингу сообщение Ашутоса.

Тот молчаливо выслушал предупреждение о том, что его вызовут.

Действительно, не прошло и часа, как из национального собрания явился сикх рассыльный и, передав письменное распоряжение, потребовал, чтобы Партаб-Синг следовал за ним.

Партаб Синг посмотрел на явившегося человека в феске и изумленно спросил:

— Как за вами? Я найду национальное собрание сам...

Сикх спрятал глаза и с навязчивой настойчивостью повторил:

— Нет, вас требуют немедленно по важному делу, о котором вы знаете лучше меня, и я без вас не должен возвращаться.

Юноше показалось, что рассыльный при этом блеснул глазами так, будто он знает больше, чем это ему полагается.

Он оглядел его подозрительно, но сикх стоял в безразлично спокойной выжидательной позе.

Партаб Синг решил идти с ним.

Они вышли со двора. Национальное собрание помещалось в здании суда в другой части города, поэтому он, выйдя за черту узких туземных улочек и очутившись на одном из более современных проспектов города, предложил сикху сесть в вагон трамвая, на что тот охотно согласился, и, таким образом, они прибыли к зданию суда.

Здесь, перед помещением национального собрания гудел целый квартал от оживленного движения толп народа и различного рода экипажей.

К национальному собранию явились делегации райотов и рабочих. Но сюда же стремились боявшиеся событий реакционные брамины, земиндары и раджи. На улице толпы

угадывали возможный ход событий и затевали перебранку с представителями знати, являющейся в собрание. Когда показалось несколько человек полисменов, попытавшихся по традиции устанавливать порядок, их немедленно прогнали с улицы, и тут же толпа снарядила новую делегацию просить распоряжения собрания о сложении старой полицией ее обязанностей.

Партаб-Синг поднялся в здание суда. По дороге он увидел Бихари, переглянувшись с ним, но, однако, не подав вида, что знает его, увидел двух или трех знакомых членов комитета партии, с которыми также не обнаружил своего знакомства неуместным приветствием, и к удивлению ему показалось, будто в фигуре остановившейся женщины он узнал Кукумини.

Партаб-Синг знал, что главные силы революционеров беспрестанно присутствуют в самом помещении национального собрания, не исключая и руководителя боевой рабочей группы Бихари, но он не ожидал увидеть здесь и его сестру.

Ему однако в качестве телохранителя Санджиба нельзя было подавать вида, что он кого бы то ни было из них знает. Вслед за рассыльным он вошел в одну из комнат собрания.

Здесь находилось за столом с бумагами и прибором трое чиновных по виду индусов, одному из которых послынный что-то сказал, указав на Синга, тут же оставил помещение.

Каких-то два других человека сидели, углубившись над бумагами спиной к двери, у окна.

Немедленно же сидевшие за столом индусы приступили к допросу Партаб Синга.

— Вами, в числе других лиц, подписано заявление о том, что компрадор английско-индусского банка раджа Санджиб вместе с английским штабом учредил фашистские контр-революционные дружины, подготавливает расправу над горожанами, получил для этого в свое распоряжение пулеметы и устроил засады в городе. Откуда вам это известно?..

Партаб Синг не заметил, как в него впились глазами не только два индуса, сидевших за столом, но и те лица, которые сидели возле окна. Ему не могло прийти в голову, что кто-нибудь мог отважиться на провокационную мистификацию.

— Мне и нескольким моим друзьям стало известно, что в Индии ведет контр-революционную деятельность уполномоченный Икс Ложи, член совета фашистов некто Бурсон. С этого времени мы начали за ними следить. Мы установили его связь с Икс Ложей и раджей Санджибом. Затем мы перехватили переписку.

— Кто такие ваши друзья?

Партаб Синг секунду поколебался.

— Это, ведь, не имеет значения для комиссии.

— А.. Они находятся в Бомбее?

— Частью в Бомбее, частью в Бенаресе и других городах.

— Нам необходимо знать имена, по крайней мере, нескольких из них для того, чтобы комиссия знала насколько серьезно сообщение, выдвигаемое вами...

— Я могу назвать вам имя русского большевика, который открыл замыслы фашистов, еще находясь в Москве; оттуда он стал следить за неким Пит Графом и попал на след Бурсона. Это партийный деятель большевиков Пройда. Он раскрыл план фашистов. Затем в нашем деле принимали участие несколько танцовщиц, организованных бенаресской деводами Кукумини. Можно считать, что без помощи этого нашего товарища мы ничего не могли бы сделать. Затем, к нам присоединились некоторые спасшиеся от Бурсона майнвильские революционеры. Помогали нам партийные комитеты и в Бенаресе, и в Бомбее, и в каждом городе.

По мере того, как Партаб Синг делал свои сообщения, допрашивавшие его переглянулись, и их как-будто, что то передернуло. Люди, сидевшие в стороне от стола, поднялись и сделали произвольное движение в сторону Синга.

Один из допрашивавших быстрым взглядом остановил их и, не давая опомниться юноше, снова задал быстрый вопрос.

— Скажите нам еще одну вещь: вам и вашим друзьям известно, где находятся засады, как размещены пулеметы и кем они охраняются? Могли бы вы, если бы это понадобилось, сейчас пойти с добровольцами-оборонщиками для того, чтобы снять эти засады. Или вы самого главного не знаете?

— Нет, мне и одному китайцу удалось устроиться на службу к Санджибу. Кроме того, фашистов выслеживал один водовоз, член нашей организации. Поэтому мы имели возможность не только проследить установку каждого пулемета, но и сфотографировать все, что делали при этом фашисты. Фотографии и планы расположения пулеметов мы передали в комитет партии, и они вам их покажут, если вы их запросите и дадите гарантию, что примете против банд Санджиба меры.

— Все!—почти не скрывая нервного волнения, заявил допрашивавший.—Вы можете идти, пока.

Партаб Синг повернулся, удивляясь безрезультатности столь важного допроса и, взглянув мимоходом еще раз в сторону тех людей, которые от окна наблюдали за допросом, вдруг уловил—как один из них попытался быстро наклониться к полу, чтобы скрыть свое лицо и выражение глаз, а другой совершенно отвернулся к окну. Страшное знакомство с обоими неизвестными заставило его вздрогнуть.

— Кто это?

Партаб Синг ошеломленно провел вокруг себя глазами и, наткнувшись взглядом на искаженные растерянностью физиономии лиц тех, которые допрашивали его, вдруг понял все. Он сделался жертвой самого дерзкого обмана врагов, мысль о близости которых ему не на секунду не пришла в голову. В двух людях он узнал вдруг Пит Графа и Бурсона—заклятых преследователей революционного движения.

Прежде чем опомнился юноша, вся пятерка находившихся в помещении фашистов, поняв, что их мистификация разоблачена, сбросили вдруг сдержанность официальных лиц, за которых они выдавали себя, и схватились с своих мест.

— Идемте,—крикнул один из них:—Скорее к дружинам, чтобы спасти, что можно.

— Бандит большевистский, чтобы не опередил еще нас!

Партаб Синг, бросившийся было к дверям, натолкнулся на чью то фигуру. Железо кинжала воткнулось ему в грудь, прожигая ткани тела. Какая то рука отбросила его и он упал.

Фашисты выскочили.

Дидабай, проходившая по коридору, увидела пробежавшие фигуры, узнала реакционных депутатов и заподозрила недоброе.

Она ахнула, метнулась за ними и, увидев Кукумини и Бихари, знакомившихся с новыми товарищами, указала на лестницу.

— Кукумини! Бихари! Фашисты сейчас выскочили из комнаты.

— Из какой?

— Идемте.

Вся группа бросилась к комнате, где только-что произошла драма. Бихари открыл дверь, все увидели смертельно раненого Синга.

Кукумини бросилась к несчастному.

— Партаб!.. Дайте воды, товарищи!

На минуту юноша пришел в себя. Он увидел Кукумини.

— Сестра, братья... фашисты Пит Граф, Брунсон и еще какие-то побежали к дружинам стрелять из пулеметов. Пока не поздно, помешайте им... Скорее, скорее!

— Товарищи со мной!—крикнул Бихари. Кукумини диди, скажешь товарищам, куда я ушел...

Кукумини кивнула головой. Она пыталась хлопотать возле Синга. Но юноша умирал.

— Сестричка, я умираю. Не давайте пулеметы. Пит Граф, Бурсон побежали... Я не могу... Пройда все сделает, скажите скорее Пройде... Я сам пойду...

Он рванулся и со стоном начал вытягиваться.

— Брат Партаб, уже сказала... Брат Партаб, пулеметы будут у нас... Бихари уже раньше получил распоряжение от комиссии и послал добровольцев к пулеметам. Мы поймали фашистов. Не волнуйся, брат Партаб.

Партаб Синг смолк. Кукумини увидела, что он мертв и поднялась.

Девушка тоскливо оглянулась и вышла в коридор, а затем выглянула в окно. Здесь она услышала отдаленную стрельбу, а затем увидела, как масса рабочих торопливыми группами стала уходить со своими вожаками, готовя оружие и стремясь к месту стрельбы.

Кукумини тогда вспомнила о своем револьвере и направилась к дому Санджиба.

Организация и стихия.

За полчаса перед убийством Партаб Синга в одной из комнат того же здания, где фашисты мистифицировали индуса - революционера, под председательством Арабенды заседал действительный штаб обороны национального собрания.

Сюда явился прибывший около недели назад и принявший участие в созванной коммунистами партийной конференции Тарканатра.

Вождь коммунистов уже выяснил обстановку, в которой должны были разыгаться решающие исход революции события, добился на совещании определения линии коммунистических организаций и пришел прямо к Арабенде.

В комиссии спорили.

Один из членов ее штаба, представитель, делегированный солдатами кантомета в национальное собрание, сообщив, что белые солдаты и часть сипаев готовы поддерживать национальное собрание, но разлагаются вследствие боязни крейсеров. Появления военных судов к берегу можно было ожидать с минуты на минуту, и тогда восстанию грозил немедленный разгром.

Представители штаба, жаждавшие скорейшей ликвидации остатков сил контр-революции, но парализованные опасностью со стороны моря, сослались на эту опасность и Тарканатре. Они терялись в способах предотвращения угрозы.

Тарканатра повернулся к Арабенде.

— Если вы не будете действовать, вас скорее разгромят или нет?

— Скорее...

— Так чего же вам ждать тогда? Для того, чтобы обезвредить английские пушки на крейсерах, арестуйте немедленно и заприте под замок всех английских фабрикантов и чиновников в виде заложников. Обезоружьте фашистов, разошлите немедленно радио о ваших мерах, и английские рабочие скажут: „руки прочь от Индии!“ Тогда и крейсера постоят, постоят да и уйдут ни с чем...

Арабенда переглянулся с членами комиссии. Те удовлетворенно кивнули головой. Один из них позвал Ашутоша.

— Арестовывать всех, начиная с губернатора и кончая буржуазными путешественниками! Идите.

После этого перед наполненными комнату комиссии депутатами, начальником добровольцев и руководителями революционных групп, явившимися ожидать распоряжений, предстал Бихари с сообщениями о том, где находятся приюты и позиции фашистов.

Но комиссии уже было не до изучения подробностей заговора.

Бихари в сопровождении группы революционеров вышел, имея на руках приказ приступить к разоружению дружин морд.

Он на мгновение только остановился, встретив Кукумини, чтобы сказать девушке, куда он отправляется.

В это время напуганная выскочившими заговорщиками Дидабай позвала товарищей на помощь в комнату, где погиб Партаб Синг.

Кукумини и несколько человек бросились наверх, а Бихари махнул рукой товарищам и ринулся на улицу. Здесь группа боевиков натолкнулась на толпу, почувствовавшую, что-то то у депутатов готовится и ждавшему развитию событий.

Бихари остановился, увидел рабочие одежды и коротко сообщил хлынувшей к нему толпе:

— Морды расставили пулеметы... Для того, чтобы из крейсеров не стреляли, приказано всю буржуазию, губернатора и чиновников-инглизменов арестовать заложниками

а у морд отобрать оружие и вооружиться нам, пролетариату! Довольно глумился над Индией каждый сагиб. Товарищи-рабочие, идемте повытаскиваем у морд из гнезд пулеметы. Я и эти товарищи знают, где они их приготовили!

— Ура!—Ожили собравшиеся, заражаясь возбуждением боевиков и рассортировавшимися группами устремляясь в разные стороны со своими вожаками.

— Ура! Банде матрум! Капут сагибам! Долой буржуазию! Площадь опустела.

Петряк с Первин и Дидабай, к которым присоединился Нур Иляш с бомбой и револьвером, столкнувшись на лестнице по дороге из комнаты штаба, одновременно почти закричали друг другу:

— Сан-Ху, товарищи, его убьют морды!

— Скорее к нему!

Все трое выскочили на улицу. Грохот выстрелов, донесшийся с ближайших кварталов, и пустота площади заставили их на мгновение остановиться.

Какой-то автомобиль одиноко выскочил из-за угла с пассажиром в английском пробковом шлеме и стал приближаться, направляясь, очевидно, к берегу.

— Э! труболет какой-то удирает на пароход... Не пускать! Стой!

Нур Иляш, блеснув револьвером, бухнул заряд навстречу машине и взмахнул бомбой.

— Стой, брошу бомбу!

Машина остановилась и шоффер-индус, соскочив с нее, бросился в одну сторону, англичанин-седок—в другую.

— На машину!—скомандовал Петряк. Предупредим Сан-Ху, а потом доставим автомобиль товарищу Тарканатре, чтобы он смотрел за коммунистами, да не дал вернуться буржуям. Айда!

Компания расположилась в автомобиле, и Петряк пустил машину в переулочек.

Однако, им не суждено было далеко проехать на ней.

Только прокатила машина, обогнув переулочек, пару кварталов, как очутилась на месте одной из схваток обороны с мордами.

Дружинники-рабочие остановили машину. Не помогло, что Петряк сделал из платка красный флажок.

— Дайте нам машину перевезти пулемет...

— Товарищи, нам надо предупредить одного товарища, он у Санджиба жил, следил за мордами. Его убьют там!

— Туда все одно не проедете. Там пожар, горит дом Санджиба и драка! Нам надо поставить пулемет и спешить на помощь. Фашисты солдат вывели.

Действительно, Бурсону и Пит Графу, которые лучше чем кто-бы то ни бы другой знали безнадежность положения контр-революционеров, удалось проникнуть в кантомент, принудить несколько офицеров, и те вывели сипаев самого воинственного племени, гурков, против рабочих. Бой с ними происходил возле вокзала, куда спешили теперь дружинники обороны по мере того, как они вооружались, с боя отбирая у отстреливавшихся и потерявшихся морд пулеметы.

Компания Петряка, увидев, что возле вокзала дело начало принимать неожиданный оборот, грозя поражением восстания, отдали автомобиль и изменили собственный маршрут. Только Нур Иляш, увидев пулемет, бросился к нему, обнял его, как любовницу, и, изменяя компании друзей, покотил с ним в бой.

Тем временем Кукумини шла по направлению к дому Санджиба. Со всех сторон по городу девушка слышала стрельбу.

Уже в двух стах шагах от здания национального собрания ей попала группа рабочих, уносившая на руках раненых товарищей. Обогнавший Кукумини депутат на ходу крикнул, обращаясь к группе:

— Товарищи, где дерутся?

— Мы на берегу. Другие отнимают пулеметы в центре... Морды гонят наших с вокзала.

Кукумини направилась в центр. Завернув за угол, она услышала выстрелы с той стороны, где находилась городская водокачка.

Кукумини прибавила шагу и сейчас же увидела несколько вооруженных дружинников. Они обстреливали водокачку, из которой начинал трещать пулемет, как только

кто-либо из дружинников-рабочих высовывал нос из за угла.

— Стойте, госпожа, итти нельзя, убьют!—остановил ее один дружинник. Не устраивайте провокации...

Кукумини остановилась.

— Мне нужен ваш начальник, брат Бихари, здесь он?

— Бихари? Ему некогда, он пошел в обход этого дома, чтобы выгнать оттуда морд. Уходите лучше, а то Вас убьют...

И дружинник пальнул в чердачное окно водокачки.

Кукумини оглянулась на других рабочих, поглощенных стрельбой; хотела повернуть в обход, но в это время из ворот двора, возле которых стоял дружинник, показалась фигура в синей рубашке и феске. Выглянувший мелькнул взглядом по девушке и тотчас же раскрыл ворота шире.

— Кукумини! Кукумини, ронти! Мы—Сан-Ху... Пошел сестра сюты. Тут не упыют. Сюты притет Пихари...

Кукумини немедленно узнала китайца и, не зная, что ей делать, шагнула во двор. Китаец немедленно же закрыл ворота.

Здесь Кукумини увидела, что делает во дворе возле места боя китаец.

Оказалось, что беспечный и неуловимый хатбе *), как только в городе раздались первые выстрелы схваток, решил ретироваться из дома Санджиба, но, уходя, поджег предварительно владения фашиста и каким-то чудом ухитрился взять в плен несколько дружинников Санджиба, которых он привел к Бихари.

Тот велел их запереть, пока шла схватка из-за завладения пулеметом на водокачке, и соединил их с двумя пленниками, схваченными в свою очередь дружинниками самого Бихари.

Сан-Ху было поручено их охранять.

Он их и охранял.

В небольшом дворе какого-то водовоза, где не видно было ни одной души, кроме китайца, прямо на земле лежало связанными несколько человек.

*) Хатбе—житель гор, народное название китайца.

Сан-Ху, с большим старинным мушкетом, перебежал от одного своего пленника к другому, как только из них кто-нибудь шевелился и, приподняв над связанными ружье, трогательно убеждал беспokoйных:

— Ну! ми пальшевой москвит... витал? Стрилить типе хочу... Стрилить? Стрилить?

И дуло ружья от живота наклонившегося китайца упиралось в грудь пленника.

Охотников, серьезно желавших быть расстрелянными, не было, и Сан-Ху бежал к другому связанному.

Но это занятие показалось ему, наконец, скучным, в то время, когда за стеной шла стрельба, и он выглянул, чтобы испросить разрешение расстрелять пленников, а самому итти на подмогу дерущимся, когда вдруг увидел Кукумини.

Он думал, что девушка и выручит его.

Но Кукумини была подавлена собственными мыслями.

— Эти люди какие-нибудь дела Санджиба знают?—спросила она китайца.

— Отин знает... Он ходил с полковником Бурсон сюты. Все знает про морты...

— Брат Сан-Ху, скажите Бихари... Пусть он допросит про Пройду. Кто скажет, где Пройда, пусть отпустит его, только чтобы розыскать русского брата...

— Скажу, сестра Кукумини. Мы найдем Проита...

Кукумини решила итти к вокзалу. Она открыла ворота и увидела, что дружинники вдруг ринулись к водокачке. На ее крышу, сзади, ухитрились взобраться двое повстанцев и брошенными сверху в окно бомбами взорвали засевших там нескольких фашистов. Еще один пулемет был отвоеван.

Кукумини безучастно взглянула на вторгающихся в башню дружинников и, снова минуя места боев, встречаясь с переправляющими раненых товарищами, пошла по улицам.

Около вокзала она натолкнулась на более оживленные, чем в центре, кварталы. Здесь раненых заносили прямо в ближайшие дворы. Местами под воротами стояли любопытные, живо толковавшие о том, что повстанцев разобьют.

Кукумини прошла еще полквартала, сделала поворот за угол и здесь остановилась, соображая, как ей найти Ашутуша.

Вдруг поблизости где-то частая перестрелка сразу как то прекратилась, раздался торжествующий крик, и в тоже мгновение мимо Кукумини один за другим начали пробегать необычные для улиц в этот день фигуры сагибов-европейцев.

Через полминуты пальба снова началась. Одна пуля ударилась в стену возле девушки. Затем показались отступающие повстанцы.

Кукумини взглянула на разбегавшихся в панике любопытных. В числе последних она увидела отбившуюся от товарищей Дидабай.

Заметила и та подругу и тут же бросилась к девушке. Засвиставшие пули скосили несколько убегающих.

Дидабай схватила Кукумини за руку и со слезами повлекла ее с собой.

— Скорей, сестра, убьют!..

Девушки пробежали два квартала.

— Что случилось?—спросила Кукумини, остановившись под воротами в переулке, где погони не было.

— Ой, Кукумини, какое же несчастье!.. Сипаи-гурки изменили нам уже с утра, стали действовать с мордами и побили половину нашей обороны. А сейчас, заняли вокзал, освободили заложников и пойдут на берег. Как только на кораблях сагибы узнают, что губернатор и заложники на свободе, национальное собрание разгонят, и все пропало... Я не знаю, где Первин и Петряк... Где ты будешь, Кукумини, я с ними прибегу к тебе?..

— Я пойду к берегу... Слушай, девочка Дидабай Певучая, ничего не бойся, потому что Индия—не один этот вокзал. Иди к черному самоцвету Первин, если увидишь Ашутоса или Арабенду, скажи им: пусть они помнят про Пройду. Так и неизвестно, где он. Пусть же они не только бьют врагов, но также и товарища ищут. Иди...

Кукумини пошла на берег. Она понимала, что положение сделалось отчаянным. Об этом свидетельствовала начавшаяся паника. Но почему-то ей казалось, что революционеры все таки победят.

Она вышла на пристань за полверсты от места, куда стекались повстанцы. Здесь были группки судачащих горо-

жан и береговиков. Проехал броневик. Пробежала группа людей с красными крестами к месту контор парходных компаний.

Кукумини пошла следом за ними. Она у себя под доти до сих пор держала револьвер и думала все о том же, как ей найти исчезнувшего русского друга.

Вдруг, взглянув на с'ежившуюся фигуру девушки, сидевшей и пристально смотревшей в бухту со ступенек набережной, она чуть не вскрикнула от полуживого испуга и ненависти.

Она увидела Эча Биби..

Как раз в это время не спускавшая глаз с нескольких приближавшихся лодок Эча Биби порывисто поднялась и с непроизвольной радостью воскликнула:

— Матросы едут!

В ту же секунду она обернулась и вдруг встретилась глазами с Кукумини.

Невольно она спустилась ниже на ступеньку. И еще ниже, пока не очутилась у самой воды.

Кукумини с режущими огнями в глазах, как Немезида, приближалась по сходням ступеней к изменнице нач-герл.

Она обнажила револьвер.

— Сядь!—указала она сообщнице фашистов на камень ступеней.

Эча Биби с'ежилась и села, прижавшись к камню основания набережной

— Какие матросы едут?

Ненависть и страх сковали Эча Биби. Она стиснула зубы.

— Матросы инглизмены, если хочешь перед смертью знать... За ними поехал Пит Граф... Я ждала его... Убей меня... Но они сейчас под'едут уничтожить ваш большевистский майдан и тогда берегись, Кукумини. Узнаешь, как с большевиками якшаться... Не одна я умру...

Кукумини с тоской взглянула на лодки и то место пристани, где уже начинался бой и затрещали выстрелы.

Полдюжины лодок спешили и приближались прямо к месту, где находились девушки.

— Хорошо, Эча Биби... Я умру, но я была честной нач-герл и не изменила ни своим товаркам, ни народу. Я служила большевикам и вместе со всеми большевиками народ прославит и меня нач-герл не венчанную. А твою память родной народ затопчет вместе с прахом своих угнетателей... Молись, Эча Биби, сейчас с лодок соскочат твои друзья...

Эча Биби молчала и затравленно смотрела на мстительницу, с надеждой поглядывая на приближавшихся пловцов.

Кукумини оглянулась и, увидев устремленные с ближайшей лодки на нее и Эча Биби глаза подплывавших матросов, спустила курок; грохнул выстрел.

В тоже мгновение с лодки раздался любимо-громкий, знакомый танцовщице голос:

— Кукумини!

Кукумини вскинула глаза от убитой и простерла к лодке руки:

— Пройда!

Да, это был большевик-рабочий. Он с товарищами, получив сведения о том, что происходит на берегу, наскоро собрал с Хейтоном команду добровольцев в полторы сотни человек матросов, решившихся прийти на помощь бомбейским революционерам; вооружился с ними винтовками и вот прибыл.

— Кто это?—наклонились матросы над Эча Биби...

Пройда оглянул труп.

— Да, ведь, это—Эча Биби? А мы схватили ее любовника. Это неизменная сообщница фашиста, которого мы схватили в море,—объяснил он матросам.—Предавала вместе с ним все на свете...

— Собаке собачья смерть!—столкнул один из матросов труп в воду, пускай плывет!

К берегу, увидев лодки, стали сбегаться любопытные.

Пройда кивнул на них головой и указал на то место, где гремела стрельба.

— Ну, товарищи, нам надо спешить. С какой стороны наши?—спросил он Кукумини.

Вспыхнувшая и еле сдерживавшая слезы радости Кукумини указала:

— С этой стороны. От вокзала наступают сипай-гурки и морды. наших разбили и освободили заложников. Бой только здесь.

— Их много?

— Человек пятьсот...

Пройда перекинулся быстрым советом с Хейтоном и другими товарищами.

— Ну, вот что, Кукумини: скоренько пройдите к нашим. Сообщите им, чтобы они продержались еще полчаса. Скажите, что мы приехали. Мы же со стороны вокзала грянем, как снег, на голову фашистам, с тылу. Через час от них останется мокро. А затем мы все встретимся где-нибудь в национальном собрании. Бегите! Рота, стройся!

Кукумини, не чувствуя от радости под собою ног, с маузером в руке, побежала.

Моряки сделали левой и скорым шагом марш-марш направились в тыл неожиданным их врагам.

Э п и л о г.

Прошло сколо месяца. Из бомбейского порта отходил пароход торгового флота СССР. Он был украшен знаменами и флагами, и процессии бомбейского населения с оркестрами, плакатами и шумно хлопающими при взрывах петардами вышли, чтобы ликующей музыкой интернационала и приветственными кликами напутствовать его отплытие.

На корабле отправлялась первая легальная делегация индусских коммунистов в Москву, ехавших с предложением об открытии предстоящего конгресса Коминтерна в Бомбее.

Но с этим же пароходом возвращались в Советскую Россию и участники „Батальона всех за всех“.

Не все они ехали обратно. Несколько ребят пало в борьбе с угнетателями Индии. Но большинство ребят уцелело. Все они получили в процессе борьбы индийских

масс с империализмом, в качестве неуловимых и невидимых пособников этой массы, такую революционную закалку и духовную устойчивость, что дальнейшая жизнь представлялась им поприсеком для богатырских подвигов и применения сил человеческого духа.

Петряк ехал с решившей навсегда разделить его судьбу своей неизменной спутницей - Первин. Пройда и Та-скаев сообща ухаживали за красавицей-танцовщицей Кукумини невенчанной. Остальные ребята составляли дружную и шумную артель, то распевавшую родные разученные песни московских комсомольцев, то „водивших слона“ по палубе, то высыпающих, когда пароход входил в бухту.

Стремяков получил возможность снова одеть на себя европейское платье и часто останавливался сам на себе взглядом, удивляясь, как мало он теперь походит на того слепца—туземного оборвыша в ланготти, за которого он должен был выдвигать себя в течение нескольких месяцев.

В пути пассажиры парохода получали сообщения о развитии революционного движения в Европе.

В Англии отпадение ее главной колонии немедленно же вызвало расстройство финансовой системы и панику среди буржуазных политических партий. С другой стороны, агитация, распространившаяся натурографами в рабочих массах, вскрывала пролетариату одну за другой картину насилий фашистов, правительства и его органов.

Раскачались рабочие и на Западе. Им уже стали известны замыслы Икс-Ложж, роль миллиардеров в борьбе с большевизмом, намерение спровоцировать войну.

Капиталистический мир содрался. Пассажиры советского парохода наблюдали это и рвались скорее, скорее в Москву.

А в одной из изолированных комнат парохода сидел одинокий пленник пассажиров—Бурсон, он оказался русским белогвардейцем, офицером Лакмус Родченко, и отряд вез его в советскую страну для предания суду.

Пароход шел днем и ночью и с каждым новым десятком миль приближался к границам советской земли.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. КР. и КР. ДЕП.
„НОВАЯ МОСКВА”

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР: гор. МОСКВА,
НЕГЛИННЫЙ ПР. 9,
тел.: 2-08-96, 4-28-13 и 3-16-07.

РОЗНИЧНЫЕ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1 Кузнецкий мост, д. 1,
телефон 2-09-14	6 „Московское Театраль-
ное Изд-во“ Тверская
ул. дом 19, тел. 3-65-44
2 Неглинный пр., дом 9,
телефон 3-99-93	7 „Красные Востокы“,
Елоховская пл. д. 17/77,
телефон 2-01-72
3 Моховая ул., дом 24,
телефон 1-80-61	8 „Красные Востокы“,
Таганская пл. дом 5,
телефон 1-92-99
4 А р б а т, дом 4,
телефон 2-47-00	9 „Красные Востокы“,
Тверская ул. дом 61,
телефон 5-88-79
	Серпуховская пл. д. 2,
телефон 5-76-49

Ленинградское Отделение Издательства:

1 Книжн. маг. Проспект 25-го Октября, д. 100,
телефон 2-22-89 | 2 Книжн. маг. Проспект
Володарского, дом 57 |
|--|--|

Книжные магазины в г. Раменске, Богородске
Московской губернии.

ПРИНИМАЕТ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ НА
ПОДБОР БИБЛИОТЕК

для партийных, комсомольских, пионерских, профессиональных, рабочих и культурно-просветительных организ., клубов, изб-читален и школ.

РЕГУЛЯРНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ НОВИНКАМИ.

Составление рекомендаций, списков и каталогов.

СКИДКА при коллективных закупках **КРЕДИТ**

Отправка почтой и наложенным платежом

К УЧЕБНОМУ СЕЗОНУ

**ВСЕМИ УЧЕБНИКАМИ
СНАБЖАЕТ**

все сельские и городские
школы, профессионально-
технические и ВУЗ'ы.

Издательство Московского Совета
Р. К. и К. Д.

„НОВАЯ МОСКВА“

Москва, Кузнецкий мост, д. 1.

Требуйте
бесплатные каталоги учебников.

Все
для канцелярии и
ШКОЛ

В ЛЮБОМ КОЛИЧЕСТВЕ ВЫ МОЖЕТЕ
ПОЛУЧИТЬ **В ПИСЧЕБУМАЖНОМ**
ОТДЕЛЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА МОСКОВС-
КОГО СОВЕТА Р. КР. и К. ДЕП.

„НОВАЯ МОСКВА“

УПРАВЛЕНИЕ

МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, Д. 1, ТЕЛЕГРАФ. АДРЕС:
НОВМОСКВА. ТЕЛЕФОНЫ: 2-08-86, 4-02-51, 2-08-96, 3-16-07.

**РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ ПО ВСЕМ РАЙОНАМ
ГОР. МОСКВЫ**

ТЕЛЕФОНЫ: 3-99-93, 1-80-61, 2-47-00, 5-88-79, 2-01-72,
1-99-92, 5-76-49, 2-69-14, 3-65-44.

ОТДЕЛЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ:

ПРОСПЕКТ 25-го ОКТЯБРЯ 100 и 27,
ПРОСПЕКТ ИМ. ВОЛОДАРСКОГО 53

*Требуйте по телефону № 2-08-86
прейс-курант и заборную книжку.*

ЛЮБУЮ КНИГУ

ПО ЛЮБОМУ ВОПРОСУ НЕМЕДЛЕННО
ВЫСЫЛАЕТ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ
ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Новая Москва“

Высылка книг наложенным платежом без задатка

Требуйте выпуски № № 1—6

„Большевики по Чемберлену“

Цена каждого выпуска — 20 коп.

Заказы направлять по адресу: МОСКВА, Кузнецкий Мост
дом № 1, Почтовому отделу Издат-ва „НОВАЯ МОСКВА“

ВСЕ

для

ВСЕ

Радио

ВСЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и РАДИО-
ПРИБОРЫ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ
в ОТДЕЛЕ РАДИО ИЗДАТЕЛЬСТВА

„НОВАЯ МОСКВА“

МОСКВА, Неглинный проезд, дом № 9.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.